

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

НИЗОВЬЯ СЫРДАРЬИ В ДРЕВНОСТИ

ВЫПУСК I

Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина

ЧИРИКРАБАТСКАЯ КУЛЬТУРА

Москва 1993

ВВЕДЕНИЕ

§1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Настоящий выпуск открывает серию публикаций, посвященных итогам изучения памятников дельтовой области Сырдарьи в древности. Район этот специально изучался Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН под руководством С.П.Толстова в 40-60-ых гг. /Толстов С.П., 1962 г./, а позднее эти работы продолжали сотрудники экспедиции. Можно выделить ряд специальных программ или тем, по которым проводились археологические и археолого-топографические работы: первобытные памятники, ирригация, сакские памятники, чирикратская и джетысарская культуры, "болотные городища", средневековые памятники и т.д. Гео-морфологические исследования проводились А.С.Кесь /Кесь А.С., 1958; Андрианов Б.В., Итина М.А., Кесь А.С., 1974/. К сожалению, большая часть материалов и итогов исследований памятников в этом районе не были опубликованы.

Предварительные публикации начальников отрядов, итог которым был подведен в монографии С.П.Толстога "По древним дельтам Окса и Яксарта" /М., 1962/, далеко не исчерпывают всего многообразия материалов и проблем, которые могут быть предложены для публикации. Если ранние сакские памятники (Уйгарак, частично Талискен) были опубликованы в монографии О.А.Вишневской /1973/ и ряде статей С.П.Толстова, М.А.Итиной, О.А.Вишневской /Толстов С.П., Итина М.А., 1966; Вишневская О.А., Итина М.А., 1977/, то остальным материалам повезло меньше, и этот пробел мы хотим частично восполнить.

Сектор этноархеологических исследований Института этнологии и антропологии РАН /Хорезмская экспедиция/, предлагая серию "Низовья Сырдарьи в древности", предполагает посвятить отдельные выпуски как комплексам памятников /например, настоящий выпуск/, так и сборникам статей, относящихся к изучению памятников джетысарской культуры и т.д.

Дельтовая область Сырдарьи начала заселяться еще в глубокой древности, так как в условиях аридной зоны территория эта, как и дельта Амударьи, с многочисленными мелкими и крупными руслами, протоками и старицами была наиболее благоприятна для

расселения человека. Вся история племен и народов, населявших Восточное Приаралье, тесным образом связана с историей функционирования сирдарьинских дельтовых протоков. Район этот изобилует археологическими памятниками, лишь ничтожная часть которых исследовалась археологами хотя бы частично. На местности также сохранились следы древней ирригационной сети, остатки планировок поселений и россыпи керамики на их месте /Андреанов Б.В., 1969/.

Все исследованные памятники дельты Сирдарьи - это исторические объекты, жизнь которых была теснейшим образом связана с окружающей природной средой. Это предопределило в свою очередь развитие тех или иных форм хозяйства на этой территории в эпоху существования определенной группы памятников.

Сотрудники Хорезмской экспедиции в качестве основной задачи ставили перед собой исследование обширного археологического и археолого-этнографического материала по дельтовым областям Приаралья. Особое внимание уделялось проблемам этнической истории и этногенеза, проблемам культургенеза и истории возникновения и развития производящего хозяйства. Выяснялись экологические предпосылки развития ирригационного земледелия и разных форм скотоводства, хозяйственное и культурное взаимодействие земледельцев и скотоводов в разные исторические эпохи. Выявлялись традиционные с глубокой древности виды хозяйственной деятельности.

Объем издания и технические условия ограничивали авторов в возможности полнее представить итоги раскопок и изучения памятников чирикрабатской культуры, но вместе с тем мы попытались обобщить весь имеющийся материал, а недостаток описаний постарались частично восполнить графическими иллюстрациями. Обмеры памятников и полевые чертежи выполнялись архитекторами М.С.Лапировым-Скоблом, Д.С.Витухиным, Ю.В.Стебляком, В.А.Лапиным. Квирта и сводный план Бабиш-муллы I по архивным материалам выполнены Г.М.Басвым. Рисунки архитекторов и художника Г.И. Улько.

§2. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНА

Историко-географическое изучение низовьев Сирдарьи началось в XIX в. и базировалось на данных античных и средневековых географов и путешественников, а также на путевых записках купцов и исследователей XVIII в., проезжавших через эту область на пути в Бухару (краткий обзор и литературу см.: Левина Л.М., 1971, с. 8-9).

С 1946 г. Хорезмская экспедиция АН СССР начала археологическое изучение этого района /Толстов С.П., 1948, с. 57-58, 98 и сл., 125 и сл.; Толстов С.П. 1962, с. 77-78, 136 и сл.; Толстов С.П., 1949, с. 254; он же, 1952, с. 12; он же, 1958, с. 235; он же, 1958 а, с. 109-110/. Уже в результате первых разведочных работ в бассейне одного из крупнейших древних русел Сирдарьи - Ханьдарьи был выделен особый комплекс археологических памятников, самым крупным из которых является городище Чирик-рабат, расположенное в 300 км к юго-западу от г.Кзыл-Орда в пустыне Кызылкум.

В 1957-60-ых гг. были осуществлены раскопки на городищах Чирик-рабат, Бабиш-мулла, Баланды и на могильниках около этих памятников, открыт и целый ряд новых памятников и проведены исследования ирригационных сооружений /Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А., 1960, с. 14-62; Толстов С.П., Иданко Т.А., Итина М.А., 1963, с. 53-58; Толстов С.П., 1961; 1962, с. 134-154; 1963, с. 37-38; Андреанов Б.В., 1969, глава У/.

Установлено, что, очевидно, в период между УII и У вв. до н.э. произошли существенные гидрографические изменения - извилистое русло Инкардарьи, самого южного и древнего протока сирдарьинской дельты, стало спрямляться и сформировалось русло Ханьдарьи. Часть отрезков Инкардарьи превратилась в старицы и озера. Здесь, как и на Ханьдарье обнаружены остатки поселений и ирригации "античного" времени /Толстов С.П., 1962, с. 78; Андреанов Б.В., 1969, с. 189 и сл./.

Следует обратить внимание, что к западу от Чирик-рабата, в районе Сарлытама встречены самые западные памятники чирикрабатской культуры, ниже по Ханьдарье их совсем нет. Вместе с тем отдельные погребальные сооружения и, вероятно, остатки

развешенных поселений "чирикратцев" встречены севернее Сарлгата на меридиональных руслах, по которым в эпоху существования этих памятников мог проходить сток из Праандарьи в Аральское море.

П в. до н.э. стал новой поворотной вехой в обводнении Праандарьи. С этого времени и до раннего средневековья в этом русле не было постоянного течения воды, берега его не осваивались.

Материалы, полученные в результате исследования "античных" памятников в бассейне средней Жандарьи, охватывают период от конца У - рубежа У-ІУ вв. до н.э. до П в. до н.э. и по ряду существенных признаков (тип расселения, керамический комплекс, погребальный обряд и сооружения) объединяются в одну компактную группу, названную чирикратской культурой*.

В настоящее время для характеристики культуры имеются значительные, но явно еще недостаточные материалы. Мы располагаем общим описанием шести укрепленных поселений (Чирик-рабат, Бабиш-мулла, Баланды, Кабул-кала или Чагырлы, Чирик-3 и Сентгир-кала) и около 200 неукрепленных, сильно размытых, большая часть которых связана с зоной довольно архаических ирригационных сооружений. Известно более трех десятков наземных погребальных сооружений, небольшое количество курганных насыпей, два грунтовых могильника и несколько ремесленных комплексов - обжигательные печи, производство и обжиг лепных статуэток. Из

* Название это предлагается в литературе практически впервые. С.П.Толстов выделял ее как жандарьинский вариант кокчетенгизской культуры /Толстов С.П., 1962, с. 136-137/. Под последней он имел в виду культуру всех "варварских" племен периферии Хорезма как в дельте Амударьи, так и на Сырдарье. Эта точка зрения не получила подтверждения. Открыта кушайская культура в Левобережном Хорезме, резко отличная от памятников по Акчадарье в Правобережном Хорезме и от Сырдарьинских. Поэтому само понятие кокчетенгизской культуры представляется устаревшим и в литературе больше не отмечается. Название чирикратской культуры предложено по крупнейшему ее памятнику - городищу Чирик-рабат.

всех перечисленных памятников лишь немногие подверглись раскопкам. На городище Чирик-рабат раскопаны полностью два наземных погребальных сооружения /Трудновская С.А., 1963, с. 200-213; Лоховиц В.А., 1963, с. 213-220/ и большой земляной курган /раскопки Ю.А.Рапопорта, см. Толстов С.П., 1962, с. 139 и сл./, часть жилой застройки, примыкающая к древней крепостной стене /раскопки Л.М.Левиной/, часть крепостной стены с башней /раскопки М.Г.Воробьевой/ и небольшой участок на так называемой "цитадели" в центре памятника /раскопки Е.Е.Неразик/.

В комплексе Бабиш-мулла полностью раскопано погребальное сооружение Бабиш-мулла 2 /раскопки М.Г.Воробьевой/, на городище Бабиш-мулла I частично раскопан "Большой дом" /М.Г.Воробьевой/, небольшие участки застройки и укреплений на пристройке, а также полностью раскопан крупный входной комплекс, получивший название "донжона" /раскопки Б.И.Вайнберг/. В 800 метрах от Бабиш-муллы открыт и раскопан своеобразный грунтовый могильник /раскопки Б.И.Вайнберг, Л.М.Левиной, см. Толстов С.П., 1962, с. 158-170/. В урочище Баланды исследовались погребальные сооружения Баланды 2 и 3 /раскопки Л.М.Левиной и Е.Е.Неразик - Баланды 2/, грунтовый могильник Баланды 4 /раскопки Л.М.Левиной и Р.Л.Садкова/ и небольшие разведочные раскопки проведены на городище Баланды 1 /раскопки Е.Е.Неразик см. Толстов С.П., 1962, с. 170-181/.

Раскапывались наземные погребальные сооружения Чирик-2, Асар, Баланды 5, 6 /Л.М.Левиной/, небольшие разведочные зачистки и раскопки проводились на тех же наземных погребальных сооружениях - Кзыл-теке /Л.М.Левиной, Т.А.Жданко/, Тывкан-теке /Л.М.Левиной, М.А.Итиной/, мавзолеях в точках 530, 534, 73 /Л.М.Левиной/ и на укреплениях Чирик-3 /В.А.Лоховиц/ и Сентгир-кала /Л.М.Левина, М.А.Итица/.

§3. ВОПРОСЫ ПАЛЕОГРАФИИ И ЭКОЛОГИИ

Район древней дельты Сырдарьи (рис. I), смыкающейся на юго-западе с древней дельтой Амударьи, представляет собой огромный треугольник, протяженностью свыше 400 км. в широтном направлении и около 200 км. (в среднем) - в меридиональном. С

запада он ограничен восточным берегом Аральского моря, с юга коренными песками пустыни Кызылкум, с севера его граница идет примерно по современному руслу Сырдарьи ниже города Кзыл-Орда. К востоку от современного русла реки в районе между г. Джусалы и Кзыл-Орда сохранилась система озер и протоков, по которым в провалом реки Сарысу и Чу соединились с Сырдарьей.

Наиболее древнее, доисторическое русло Сырдарьи (Пра-Сырдарья) проходило значительно южнее района исследованных русел, к югу от основного массива Кызылкумских песков, гранича с юга с системой водораздельных хребтов, окаймляющих с севера Заравшанский оазис, соединяясь с системой Пра-Амударьи /Толстов С.П., Кесь А.С., 1954, с. 141-145; Кесь А.С., 1958, с. 7-12/.

Позднее в связи с прорывом вод Сырдарьи на север (вероятно, хронологически совпадающим со временем аналогичного поворота Амударьи), воды Сырдарьи растекались многочисленными сильно меандрирующими протоками на обширной низменности отмеченного выше треугольника, проложив себе путь к восточному побережью Аральского моря.

Анализ расположения, хотя и многочисленных стоянок эпохи неолита и бронзового века, датируемых III-II тысячелетиями до н.э., позволяет прийти к заключению, что основным протоком дельты Сырдарьи в эту эпоху была Инкардарья, русло, идущее в широтном направлении по северной окраине коренных песков Кызылкум, это наиболее меандрирующее из староречий дельты, неоднократно пересекающееся более поздним руслом Ханидарьи. В верхнем течении Инкардарья расположена главным образом к югу от Ханидарьи, затем после ряда меандров в средней части, где Ханидарья пересекает это русло, на нижнем отрезке Инкардарья расположена преимущественно к северу от Ханидарьи. В низовьях русло Инкардарьи, как и позднее Ханидарьи, образовывало общую дельту с самым восточным древним руслом Амударьи - Акчадарьей.

Дельтовая область Сырдарьи расположена в аридной зоне среднеазиатских пустынь, с юга к ней примыкает, как уже отмечалось, песчаная пустыня Кызылкум, а на востоке - северо-востоке - Приаральские Каракумы (правобережье современной Сырдарьи). Особенность этой зоны - сухой резкоконтинентальный климат с малоснежной холодной зимой и жарким засушливым летом.

Почти весь описываемый район, за исключением участка у современного русла реки, относится к зоне, где среднегодовое количество осадков достигает только 100 мм, при этом большая их часть приходится на весенние месяцы. Сырдарья ниже Кзыл-Орды замерзает в начале декабря и вскрывается в начале апреля, что имело существенное значение для формирования традиционных методов развития хозяйства (см. ниже).

В своем нынешнем течении Сырдарья проходит по пологому возвышению из собственных наносов, что при паводках приводит к затоплению широких пространств. Разливы происходят в июне и иногда зимой при заторах льда.

По данным географов /Герасинов И.П., 1937; Федорович Б.А., 1950/ до заселения человеком дельта реки изобилует озерами и болотами, среди которых извивались обводненные протоки русел. Уклон местности определял сток на северо-запад и север среди песчаных гряд Восточно-Приаральского массива. Отголоском этого являются и современные ландшафты, где пустынные равнины пересекаются сильно извивающимися сухими руслами. Остатки редких возвышенностей, бугристо-грядовые пески и глинистые такыры мозаично перемежаются с небольшими участками, поросшими невысокой травянисто-кустарниковой растительностью. На прирусловых валах в зоне современного обводнения встречаются тугайные леса из лоха, тополя, ивы и кустарников /Казахстан, 1970, с. 325 и сл./.

К востоку от Кзыл-Орды расположена обширная такирная равнина (Дарьялык-бакыр), где, очевидно, в древности и, возможно, еще в средние века располагалось озеро, в которое впадали реки Сырдарья, Сарысу и Чу. Не исключено, что именно это озеро отмечено на древних и раннесредневековых китайских картах /См. Бичурин И., т. II, приложение/ и было упомянуто раннесредневековыми путешественниками при описании земель гузов /Агаджанов С.Г., 1969, с. 65 и сл./

В 25 км. от Кзыл-Орды вниз по течению Сырдарьи на ее правом берегу отделяется проток Караузьяк (длиной около 180 км.), который у г. Джусалов вновь соединяется с основным руслом. Район между основным руслом и протоком (около 250 кв. км.) сейчас один из основных сельскохозяйственных районов Кызылординской об-

ласти. Вероятно, активно осваивался он и в древности - во всяком случае не позднее раннего средневековья, так как по данным Л.М. Левиной здесь много монументальных памятников джетысарской культуры.

Древние русла Сырдарьинской дельты - Инкардаря и Жаньдарья "отделились" от левого берега современного русла несколько выше г. Кзыл-Орды. Левобережье от г. Кзыл-Орды до г. Джусалов изобилует остатками древних русел и археологических памятников, связанных с ними. На севере этот район как бы замыкают широтные протоки Эскидарьялык, впадающие в широтный участок Кувандарья, изливавшейся отдельным устьем в залив Аральского моря к югу от Янгйкента.

Подобное направление стоки, как нам представляется, было обусловлено геологическим строением этого участка дельтового пространства. Именно на участке ниже Джусалов современное русло реки пересекает неогеновые и палеогеновые отложения /Казахстан, 1970, с. 18-19/, которые слегка заходят на левобережье Сырдарьи. Повидимому речной сток еще в глубокой древности пошел вдоль южной оконечности этих более плотных пород. Это обстоятельство получило отражение и в формировании почвенного покрова /см. Казахстан, 1970, с. 58-59/ и соответственно растительности /там же, с. 66-67/. Именно на участке современной реки, пересекающей неогеновые и палеогеновые отложения, отсутствуют лугово-бурые или аллювиальные почвы, характеризующие долину Сырдарьи на всем её протяжении; отсутствует здесь соответственно тугайная и высокотравная растительность, обычно характерная для остальной части поймы реки.

Поскольку мы не располагаем данными об археологических памятниках к северу от Эскидарьялыка - дельты Кувандарьи и до современного русла Сырдарьи и на его правобережье, трудно сделать окончательный вывод о хронологии и истории формирования этого нижнего участка русла. Представляется, что памятники на своеобразном острове, образованном современным руслом, морем и его заливом, так называемые "города гузов" - "болотные городища" определяют время обводнения этой территории, о чем мы писали выше.

Судя по археологическим памятникам к III тысячелетию до

н.э. направление стока стало уже постоянным, сформировались основные русла. Можно высказать предположение, что образовались два, грубо говоря, "широтных" протока - Инкардаря на юге у коренных песков и Эскидарьялык на севере. Первая имела истоки далеко к юго-востоку от города. Между этими меандрирующими "широтными" протоками функционировали многочисленные меридиональные. Направление их определялось общим уклоном местности в сторону моря. На формирование "меридиональных" русел оказывали влияние и отдельные "островки" палеогеновых отложений - на этой территории. Они же определяли и некоторые изгибы южных русел, Кувандарьи и даже современного русла у дельты. Есть основание предполагать, что широтный участок Кувандарьи, замыкающий с севера древнюю дельту, возник тоже в глубокой древности, так как это русло огибает с юга массив плотных коренных пород. Памятники III тысячелетия до н.э. очень немногочисленны, но они четко определяют два ведущих направления стока - на запад к Северной Акчадарьинской дельте по Инкардарье и в центральной части Сырдарьинской дельты с юга на север - от протоков Инкардаря к широтному отрезку Кувандарьи. Памятники II тысячелетия слабо представлены, что может быть связано с общими климатическими изменениями в Средней Азии. Расположены они на Инкардарье, Камектынсае и более восточных "меридиональных" руслах, а также на севере дельты. Это дает основание считать, что крупных изменений в гидрографии дельты в это время не происходило.

В I тысячелетии до н.э. происходят существенные изменения. Начинают отмирать многие участки Инкардаря и на её месте формируется более спрямленное русло Жаньдарьи. У нас нет оснований считать, что последнее полностью сформировалось в это время, так как западные районы Бештам-калы материалы I тыс. до н.э. отсутствуют, зато там обильно представлены средневековые памятники. Во второй половине I тысячелетия до н.э. сток "Жаньдарьи" вел по "меридиональным" руслам к северу (Ачинсай, Дайраг Я и др.). В этой зоне обнаружены во время маршрутных поездок стоянки скотоводов и отдельные погребальные сооружения (см. карту). Отсутствие оседлых поселений, подобных тем, что выявлены в большом количестве в южных районах дельты, не должно вызывать удивления, так как по природным условиям это

пастбищная территория. Неустойчивость водного режима в этой зоне фиксируется по следам подтопления древних стоянок, расположенных в зоне песков по сторонам протоков. Это обстоятельство препятствовало расселению человека, здесь могли возникать только временные, скорее всего зимние стоянки, связанные с выпасом скота в песках. Отсутствие массивов такиров не создавало условий для стационарных поселений. Следует учесть, что в древности, как и позже, дельтовая территория - место постоянных поселений преимущественно оседлых скотоводов и около них, очевидно, концентрируются и зимовки кочевников. Именно поэтому обнаруженные памятники, как правило, концентрируются в благоприятной для постоянного расселения зоне Жанидарьи (широтное русло) и на южных отрезках "меридиональных" русел. В системе Пракувандарьи, в восточной части дельты, ситуация несколько иная. Там нет такого массива песков. На почвообразовательные процессы оказывали влияние и северные широтные русла - Кувандарья и Эскидарья-лих (аллювиальные почвы в прошлом и частично - настоящие). Но к северу от Альтин-асара и Рабенсала известен только один монументальный памятник джетиасарской культуры - Алыб. Возможно, что это был особый стратегический пункт, защищавший территорию джетиасарцев с севера и обеспечивавший территориальное разграничение с чирикрабатцами (во время их сосуществования) при перекочевках последних на летне-осенние пастбища (меридиональное направление). Этнографические материалы /Востров В.В., Муканов М.С., 1968/ показывают, что казахи, зимовки которых располагались в дельте Сырдарьи, еще по льду реки перегоняли скот в правобережье. Здесь он до весны: теплых дней выпасался в песках (приаральские Каракумы), где было немало колодцев. Позднее начиналась перекочевка на летние пастбища на север или на северо-запад на летовки к городицам данной зоны. Осенью этот путь проделывался в обратном направлении. Обилие скотоводческих стоянок середины и второй половины I тысячелетия до н.э. на восточных "меридиональных" руслах может свидетельствовать о том, что в древности уже существовала подобная практика перекочевок (так именно восточные русла были для чирикрабатцев тем коридором, по которому они могли перекочевывать на сезонные пастбища на север, минуя территорию своих восточных соседей

джетиасарцев*.

Исходя из общих закономерностей обводнения дельты, можно предположить, что в I тысячелетии до н.э. отдельные прорывы воды в Инкардарью-Жанидарью западнее района Бештама могли происходить, но постоянного стока не было и до средневековья дельты Сырдарьи и Амударьи не имели водного сообщения. Объяснить это обстоятельство можно и тем, что общего объема стока реки хватало лишь на русла в зоне чирикрабатской и джетиасарской культур. Никогда позднее столь обширные территории одновременно не орошались. Ко II веку до н.э. западная часть дельты осушается. Многочисленные ирригационные сооружения, направленные на сохранение воды в старицах и отдельных участках отмиравших русел сохранились в зоне чирикрабатских памятников. Описание их приведено в монографии Б.В. Андрианова /1969/. Вероятно, период постепенного изменения объема стока воды длился довольно долго. После II в. до н.э. обводнялась только восточная часть дельты, где располагаются памятники джетиасарской культуры. Возможно, что и позднее продолжалось постепенное перемещение стока на восток (что как будто бы подтверждает хронология памятников). Завершается этот процесс формированием, вероятно, в VIII - IX вв. современного русла на участке ниже Кзил-Орды. Южного стока на запад в сторону Амударьинской дельты не было бесспорно до конца I тысячелетия н.э. Судя по хронологии памятников, устойчивый сток по Жанидарье появился в XII в., когда и завершилось формирование этого южного широтного русла в дельте.

Хотя Хорезмская экспедиция и не проводила широких специальных исследований в правобережье дельтовой части Сырдарьи, некоторые соображения по поводу древнего озера, в которое впадали Сырдарья, Чу и Сарысу (или места впадения двух последних в первую) можно все же высказать. Если существовало в какой-то период одно такое озеро, а не цепочка озер в дельтах Чу и Сарысу, ак теперь, то оно могло максимально занимать только

* При описании топографии поселений в зоне меридиональных русел мы основываемся на архивных очерках М.А. Итиной и Б.В. Андрианова о работах Сырдарьинского отряда ХЭ в 1971 и 1972 гг.

территорию четвертичных отложений в правобережья. Их окружают более древние плотные породы. В историческое время территория этого озера зависела от объема стока рек и климатических изменений. Судя по местоположению истоков древних дельтовых протоков Сырдарьи (см. выше), в это озеро должна была попадать только часть воды реки по отдельному руслу (руслам), так как древняя дельта реки образовалась к западу от озера (современный Дарьяликтакир к востоку от реки). При этом не исключено, что широтный проток Кувандарьи вытекал из этого озера, и может быть, в древности он соединялся с Караозьком (к сожалению, памятники в междуречьи Караозька и современной Сырдарьи не исследовались).

Наиболее северные памятники дельты - городища Джанкент (Янгикент), Кескен-Куук-кала и Куук-кала ("болотные городища", городища янгикентской группы, "города гузов") расположены на плоской, низменной и сильно засоленной равнине полуострова или, точнее, острова, ограниченного Аральским морем, Сырдарьей и полосой болот и плавней, куда впадает староречье Кувандарьи. Остров в разных направлениях пересечен хорошо выраженными сухими руслами старых дельтовых протоков. Расположение городищ непосредственно на их берегах определяет время их функционирования.

Разведочные раскопки, проведенные в 1963 г. на Кескен-куук-кале, показали, что большая часть известного по подъемным сборам материала "болотных городищ" относится к позднему этапу джетишарской культуры (УП-IX вв.). Не исключено, что они возникли в УП в. н.э. в связи с расселением племен джетишарской культуры. Средневековые материалы с Джанкента и ряда более мелких поселений свидетельствуют, что отдельные русла в зоне "болотных городищ" функционировали и позднее IX в., вероятно, вплоть до XIII в. Возможно, что они обводнились вначале за счет стока вод Ира-Кувандарьи, а затем современного русла Сырдарьи. Это согласуется с свидетельством Макдиси и Ибн Хаукаля о том, что Сырдарья в X в. была судоходной и по воде доставлялись продукты в Карьят ал-хадиса (Янгикент) /Бартольд В.В., 1965, с. 493/.

В X-XI вв. после более чем тысячелетнего перерыва за счет

нового прорыва вод стала функционировать Хандарья. На берегах этого русла и обводненных за счет его вод отдельных участках Инкардарьи сохранились развалины городских и сельских поселений, ирригационные сооружения X-XII вв., в том числе развалины большого города Дженда (современная Джан-кала), хорошо известного из средневековых письменных источников как крупный, центр огузского племенного союза.

Есть все основания предполагать, что завершение формирования современного русла нижней Сырдарьи может быть датировано временем около XV в., когда снова прокрацается течение воды по Хандарье.

Течение воды по древним южным руслам Сырдарьи вновь возобновляется периодически, особенно в XVII - начале XIX в., когда формируется известное ныне под этим названием русло Кувандарьи и когда этот обширный, к тому времени ставший пустыней район был заселен каракалпаками и казахами. Следы своеобразных поздних ирригационных сооружений, поселений, крепости, мазари являются последними по времени массовыми памятниками этого района.

ГЛАВА I ПОСЕЛЕНИЯ

§ I. ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВ И ИРРИГАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В разделе об экологии (Введение, § 3) мы подробно остановились на характеристике природных условий и обратили внимание на то, что на территории распространения памятников чирикрабатской культуры выделяются две зоны: северная - скотоводческая (здесь встречаются только развеянные стоянки и небольшое число погребальных сооружений) и южная - земледельческая, где сосредоточены поселения открытого типа, крепости и основные погребальные памятники.

Топография памятников чирикрабатской культуры в этой южной части показывает, что расселение шло оазисами, располагав-

шимися в зоне примитивных ирригационных систем (рис. 2, 3, 5) /Андреанов Б.В., 1969, с. 192-202/. Крупные оросительные сооружения типа магистральных каналов были довольно редки. Орошение базировалось на воды Пракандарьи; очевидно, большое значение имело использование паводков, когда вода собиралась в водохранилища, созданные в руслах-старницах. В условиях живой дельты гидрографический режим был очень неустойчивым, но обилие русел-старниц давало возможность маневрировать и накапливать водные запасы до необходимого уровня на более засушливые периоды и случаи заиления или усыхания питающих протоков. Общая площадь оазисов (территорий, на которых обнаружены ирригационные сооружения) очень различна. Так, один из самых крупных - Бабш-муллинский достигал площади в 10 тысяч га (рис. 2, 3), а Баландинский - около 150-200 га (рис. 5). Каналы, как правило, брали воду из небольших боковых протоков. Орошение, чаще всего осуществлялось по схеме: река - старница - ороситель - поле. Мелкая ирригационная сеть имела весьма архаические подпрямоугольные очертания. Поселения располагались у каналов либо русел вблизи орошаемых участков. Данных об их характере и планировке почти нет, так как большинство из них сильно размыто, а раскопки на них не проводились. Некоторые оазисы включали в себя укрепленные усадьбы или маленькие крепости типа Баланди I, Сендир-калы или даже крупные укрепления типа Бабш-муллы I. Городище Чирик-рабат находится на берегу основного русла реки. Вблизи него был обнаружен оазис, оросительные системы которого базировались на боковом протоке русла /Андреанов Б.В., 1969, с. 199/. По характеру оросительных сооружений (лиманио-озерного типа) и архаичности распределителей ирригация в зоне памятников чирикрабатской культуры не отличается от подобных сооружений, характерных для полусредных скотоводов и земледельцев дельтовой зоны в Средней Азии /Андреанов Б.В., 1969, с. 200, 227/.

Описанный тип расселения - преобладание оазисов из неукрепленных поселений, отличает чирикрабатскую культуру от других по преимуществу тоже "скотоводческих" культур по Сирдарье - джетысарской, отарско-каратаусской и каунчинской. Для последних характерно сочетание укрепленных поселений и могиль-

ников с курганным обрядом захоронения (последние располагались, как правило, рядом с поселениями). Неукрепленные поселения отсутствуют там даже в зоне примитивной ирригации (например, джетысарская культура). Это различие представляется существенным и, возможно, указывает на несколько более высокий уровень развития земледелия у саков Пракандарьи в IY-II вв. до н.э. Но, тем не менее, развитого типа ирригации здесь не сложилось, так как отсутствовали исторические предпосылки и прежде всего, очевидно, сколько-нибудь прочное государственное объединение /Андреанов Б.В., 1969, с. 227/.

Наибольшие следы ирригационных сооружений и земледельческой деятельности выявлены в окрестностях Бабш-муллы. Ниже мы приведем ряд фактов, указывающих, как нам представляется, на то, что Бабш-мулла I возводилась как резиденция сатрапов в поздний период существования Ахеменидского государства. В связи с этим концентрация земледельческих поселений неукрепленного типа именно в этом оазисе представляется достаточно закономерной. Оросительная система здесь состояла из трех крупных русел, расходящихся от возвышенности Аккыр к западу и северо-западу на 20-40 км., средний из этих протоков подходил к комплексу памятников Бабш-мулла. Северный проток обводил каналы меридионального направления, проходившие вдоль древних русел. Южный проток уходил далеко на запад и соединялся крупным каналом со средним, с ним связана юго-западная группа поселений. Для жизни всего оазиса наибольшее значение имел средний проток, так как он обводил каналы, на которой базировалась наиболее многочисленная группа поселений, расположенных вблизи городища. Здесь была сооружена система водохранилищ, позволявшая регулировать уровень воды в оросительных сооружениях и, вероятно, обеспечивавшая их относительную стабильность. Паводковые воды накапливались в старницах, соединенных каналами. По данным Б.Р. Андреанова /Андреанов Б.В., 1969, с. 194 и сл./, самое большое водохранилище располагалось между Бабш-муллой и возвышенностью Аккыр, в 600 м. к северо-западу от последней. Это было сильно извилистое углубленное русло (2 м при ширине 50-60 м.), протяженность углубленного участка - водохранилища - около 3 км. От русла отходили короткие каналы, подводившие

воду к полям. В зоне русла и этих каналов присутствуют россыпи керамики и кварцита, сохранившиеся на редких "пятнах" застройки на месте "сельских" поселений. У северного конца водохранилища два довольно крупных параллельных канала соединяют это русло с более северным. Это несомненно позволяло улучшать обводнение центральной части оазиса путем переброски воды из северного протока. Вблизи этих каналов было открыто довольно большое поселение (поиск 242), которое, возможно, и было связано с этим ключевым узлом в гидросистеме оазиса. Поселение расположено в 7 км к востоку от городища Бабиш-мулла I на берегу канала, сохранившегося в виде такирной полосы шириной около 4 м; до северного русла - 300 м. Остатки построек в момент обследования сохранились на поверхности в виде небольших глинистых площадок, окруженных растительностью. На них - обилие фрагментов археологических находок.

К северу и западу от городища зафиксированы также крупные водохранилища в древнем русле. Скорее всего, вся эта система водохранилищ связана с последним периодом существования оазиса. В этот период сокращался сток воды в русла системы Пращандарь и население всячески боролось за сохранение своих поселений и источников водоснабжения. Ситуация эта, судя по археологическим материалам, относится к III в. до н.э. Основной канал, проходящий у городища Бабиш-мулла I, сообщался как со средним протоком-руслом и расположенными в нем цепочкой водохранилищами, так и с южным руслом, дополнительно обеспечивавшим таким образом центральный участок оазиса водой. Детальное обследование этого района, проведенное Б.В. Андриановым в 1957-1960 гг. /Андрианов Б.В., 1969. с. 192 и сл./, наглядно демонстрирует постоянную борьбу жителей окрестностей городища за источники водоснабжения, их изобретательность в борьбе за существование и бесспорно свидетельствует об активном процессе отмирания древних русел в исследуемую эпоху.

Земледельческий оазис у городища Бабиш-мулла I (см. также рис. II, Б), связанный с основным каналом, имел протяженность около 4 км с северо-востока на юго-запад. Подобные размеры характерны и для изолированно расположенных земледельческих оазисов в дельте Амударьи (например, для Нурумского и Тузгир-

ского оазисов в Левобережном Хорезме). Неукрепленные поселения в оазисе тянутся цепочкой вдоль канала. Значительная часть их расположена к северо-западу от крепости на противоположном берегу канала. Общая численность усадеб поселений в районе крепости была не менее 10-15, раскопки этих памятников не производились, поэтому о характере их мы ничего сказать не можем. Следует лишь отметить, что на севере центральной группы было поселение с гончарными горнами (вблизи водохранилища). К северу от городища и как будто бы несколько в стороне от построек были обнаружены следы агроирригационных планировок - древних полей.

Важная группа поселений у Бабиш-мулла I расположена примерно в I км от городища. Выделяется здесь семь скоплений археологического материала. Рядом с ними - остатки мелких каналов, отходивших от магистрального. Оросительные системы, как уже отмечалось, имеют подпрямоугольную конфигурацию.

Северный проток, снабжал водой ряд меридиональных каналов, часто проложенных по отмершим протокам. Многие из них тоже имели водохранилища. От магистральных каналов отходили мелкие арки. В северной части Бабишмуллинского оазиса можно выделить не менее пяти каналов-протоков, вдоль которых и в их зоне орошения группировались неукрепленные поселения и планировки полей земледельцев. Как правило, это около десяти остатков построек (усадеб), образующих отдельный микрооазис. Иногда в пределах него даже без раскопок можно выделить одну более крупную "усадебку". Так, например, на канале к северо-западу от Бабиш-муллы (ответвлялся от северного русла) таковым являлся объект в поиске 310, занимавший площадь 100x150 м. На канале к северо-востоку от крепости (к с-з от Акмира) самое крупное "поселение" (поиск 350) обнаружено в низовье канала. Площадь скопления керамики, вытянутого вдоль канала и песчаной гряды достигает 300x70 м, сохранилось много очажных камней, хотя и планировки по поверхности не прослеживаются.

К юго-западу от Бабиш-муллы был выявлен довольно значительный как будто бы изолированный земледельческий оазис с оросительными сооружениями и большим числом "поселений". Расположен он в 11-20 км к юго-западу от крепости на широтном отрезке

южного протока. Было выявлено около 20 "поселений", расстояние между ними 400-800 м, общая протяженность оазиса - около 9 км., на ряде "поселений" прослеживались планировки помещений. Возможно, что наиболее крупное "поселение" этого микрооазиса расположено на его восточной окраине вблизи головных сооружений четырех каналов (поиск 244).

По данным Б.В. Андрианова в окрестностях Бабий-муллы выявлены следы 150 "поселений", из которых, по его мнению, около сотни могли существовать одновременно.

В районе Чирик-рабата ирригационные сооружения сохранились много хуже, здесь меньше выявлено и неукрепленных поселений. Более или менее значительные скопления археологических находок обнаружены в оазисе в 10 км к северо-востоку от Чирик-рабата, но планировка зданий почти не различается. Б.В. Андрианов /1969, с. 199/ отмечает, что на поселениях здесь преобладает, как правило, ремесленная керамика. Здесь, как и в районе Бабий-муллы обнаружены старицы-водохранилища.

Описываемые ниже крепости (укрепленные поселения) являлись центрами отдельных земледельческих оазисов. Наиболее полно исследован оазис у Баланды I. Площадь его достигала 150-200 га /Андрианов Б.В., 1969, с. 200/. Городище расположено у ответвления (старицы) Инкардарьи (рис. 5). Орошение окрестности осуществлялось из канала, начинавшегося в 1,5 км от городища на широтном дамбированном протоке. Аналогичные, но более мелкие каналы выводились из русла к западу и юго-востоку от памятника. Канал, разветвляясь на ряд более мелких оросителей, подходил к крепости с северо-востока. Территория поселения вокруг крепости (8 га) пересечена сетью мелких арыков, всюду - скопления керамики, иногда различаются остатки прямоугольных построек (6x10, 8x10 м; всего их зафиксировано около двух десятков).

Мавзолей Баланды 2 расположен к северо-востоку от крепости на особом протоке русла, в его районе есть ряд древних каналов. Погребальный комплекс Баланды 3 (к юго-востоку от крепости) связан с тем же широтным протоком, что и основной оазис. Вблизи него выявлен ряд каналов, выводившихся из дамбированного русла. Таким образом, можно предположить, что и в Баландинском оазисе, как и на Бабий-мулле, мавзолеи располагались в

пределах земледельческих оазисов, так как скорее всего это были не просто погребальные сооружения, но одновременно и культовые постройки, связанные с общей идеей возрождения и плодородия.

Анализ керамических комплексов поселений отдельных оазисов позволяет предположить, что заселение последних происходило постепенно. Судя по керамическим материалам (см. ниже) поселения в окрестностях городищ Чирик-рабат и Бабий-мулла были основаны почти одновременно со строительством городища Бабий-мулла I и могут быть отнесены к концу первого и второму хронологическим этапам существования чирикрабатской культуры (см. ниже). Часть этих поселений, очевидно, продолжала бытовать и на третьем заключительном этапе.

Поселения в оазисах у крепостей Баланды и Кабул-кала, судя по составу их керамических комплексов, возникли значительно позднее и могут быть отнесены лишь ко второму и третьему хронологическим этапам чирикрабатской культуры.

Что же касается оазиса в окрестностях Сенгир-кала, то датировать керамику его поселений можно лишь третьим этапом чирикрабатской культуры.

§ 2. КРЕПОСТИ

Все шесть известных нам укрепленных поселений чирикрабатской культуры связаны с каким-либо оазисом или группой памятников, они настолько своеобразны, что требуют индивидуального описания.

Крупнейшее городище Чирик-рабат (рис. 6) расположено на 15-километровой возвышенности на берегу Инкардарьи. Овальное в плане, оно занимает всю поверхность холма (850 x 600 м), где обнаружены остатки нескольких разновременных поясов укреплений. Древнейшая крепость, овальная в плане (IY-II вв. до н.э.), площадью свыше 40 га, была окружена двойным поясом укреплений. К этому же времени относится подпрямоугольное укрепление в центральной части городища (площадь 12,4 га), примыкающее на юго-западе к внутренней крепостной стене. Южная часть памятника

отсекается стеной времени средневековья, в которую был включен и древний круглый мавзолей (раскоп III, рис. 7, см. главу 2). Тогда же была сооружена и более поздняя прямоугольная цитадель (раскоп VI, рис. 9). Городище было окружено рвом шириной около 40 м. и глубиной более 4 м от основания стен. В древней крепостной стене толщиной 4,5 м расположена стрелковая галерея шириной 1,8 м. Стена усилена башнями подпрямоугольных очертаний (раскоп I, рис. 8), выступающими за ее плоскость на 6 м. Башня, как и стена, имела стреловидные бойницы, одинаковой высоты на входе и выходе из бойницы (около 50 см) при почти горизонтальном ее дне, чем они отличаются от обычных среднеазиатских. Бойницы располагались на одном уровне. Жилые слои на городище вскрывались лишь в небольшом раскопе в южной части памятника вблизи внутренней оборонительной стены. Общая мощность культурного слоя — более 2-х метров, верхние напластования относятся к XII-XIII вв., а нижние к IX-II вв. до н.э. Существенно, что часть культурных напластований уходит под укрепления.

Наиболее древней группой памятников на территории городища являются 6 земляных курганов, 4 из которых находятся в пределах центрального подпрямоугольного укрепления. Раскопан один (см. главу 2). На городище вскрыты также два погребальных здания, а в окрестностях его обнаружено несколько характерных погребальных памятников чирикрабатской культуры — так называемых "крестовин", один из них Чирик 2 раскапывался.

Первоначально Чирик-рабат скорее всего был укрепленным городищем-убежищем местных племен, на территории которого располагались погребения вождей вначале в курганах, а позднее — мавзолеях. Внутренние обводы укреплений могли возникнуть несколько позже, когда на территории городища формировалось постоянное поселение. Какова была площадь застройки и ее характер нам неизвестно.

На другом берегу Шандарьи открыто укрепленное поселение Чирик-3 (рис. 10, IIA), в плане прямоугольное (108 x 122 м) со скругленными углами. Местами на высоту около 1,5 м сохранились остатки крепостной стены (ширина чуть более 3-х м) со стреловидными бойницами, начинаются они на высоте 1,2 м над

уровнем основания стены, входное отверстие — высотой 45-50 см вместе со стрельчатым перекрытием; дно бойницы идет наклонно к внешнему краю стены. Высота бойниц на внешней плоскости стены — 1,3 м. Расположены бойницы в один ряд, расстояние между ними — 1,95 м. Внутри пространства, окруженного крепостной стеной, есть следы застройки. Археологический материал из шурфов принадлежит к чирикрабатскому комплексу.

В Бабимуллинском оазисе (рис. IIB) рядом расположены городище Бабим-мулла I и монументальный мавзолей Бабим-мулла 2 (рис. I3). Первое из них — укрепленное, неправильных очертаний, поселение (рис. I2), обнесенное крепостными стенами. В северной части его выделяется квадратная "цитадель" (100 x 100 м, первоначально вся территория крепости ограничивалась только ею, рис. I4), окруженная пахсовыми стенами с небольшими округлыми башнями в виде сплошных массивов на углах и в середине восточной стены. Стены "цитадели" прорезали стреловидные бойницы, располагавшиеся, как правило, веером по три штуки так, чтобы один стрелок мог обслуживать сразу все три бойницы, находившиеся на высоте 1,15 м над уровнем стрелковой площадки у подножия стены. Высота бойниц около 40 см, образованы они двумя наклонно поставленными кирпичами, дно бойниц горизонтальное, поэтому обзор из них был минимальным (см. также рис. 27).

В центре "цитадели" расположены развалины квадратного здания (44 x 44 м), получившего название "большого дома". Здание имело сплошную застройку и было окружено пахсовой стеной с бойницами и башнями-массивами по углам и у входа в середине южной стены. От входа здание делилось на две половины коридорообразными помещениями. Раскопана северо-восточная часть здания и часть примыкающего к нему с юга двора или зала. Стратиграфически на "Большом доме" выделены три периода /Толстов С.П. 1962, с. 162-165/. Нижний стратиграфический горизонт, отмеченный на плече пунктиром, содержит незавершенную строительством застройку (рис. 21). Это был комплекс помещений, примыкающий с севера к большому залу или дворику с парадным айваном со своеобразными нишами с уступами в стенах, покрытых тонкой побелкой по штукатурке. Два симметрично расположенных входа из айвана вели в находящиеся по бокам от него помещения, в свою оч-

редь сообщавшиеся с комплексом помещений к северу от айвана. После краткого периода частичного запустения недостроенное здание было забутовано. Со временем запустения и забутовки связаны двухъярусные обжигательные керамические печи, образующие второй стратиграфический горизонт. Затем на слое забутовки было возведено здание третьего стратиграфического периода (верхнего), следующее основному принципу нижней планировки, но в гораздо более грубом исполнении.

На городище полностью раскопан объект, получивший название "донжон" (рис. 15-20). Это мощное предвратное укрепление (30 x 30 м), расположенное близ юго-западного угла "цитадели". Стены его сохранились на высоту 4-5 м, внутри массива оказались заложены сводчатые помещения первого этажа. При раскопках "донжона" было выявлено тоже три строительных периода, внутри которых отмечается еще некоторое количество перестроек и ремонтов /Толстов С.П., 1962, с. 161/. В основании стен "донжона" обнаружены остатки первоначальной стены предвратного сооружения с бойницами (рис. 18А). Во втором строительном периоде, по времени мало удаленном от первого, предвратное сооружение было превращено в укрепленное здание с центральным открытым входом-коридором на "цитадель" и сводчатыми помещениями по сторонам от него (рис. 16, 17, 20). Арочные проходы выводили из помещений в коридор (рис. 20А), в южном конце которого были обнаружены остатки ворот в "цитадель" (обвязка ворот, следы от их движения на полу, подпятник). Южный внешний фасад "донжона" в это время был украшен пилястрами, выступавшими на 20 см от плоскости стены (по три с каждой стороны от осевого коридора). Поскольку сводчатые помещения были жилыми, раскопки их дали хороший археологический комплекс, на основании которого выделяется ранний период чиркирабатской культуры. Если во втором строительном периоде и был второй этап застройки, он был уничтожен при перестройках третьего строительного периода, когда частично разрушенные сводчатые помещения были засыпаны или забутованы (рис. 20Б) и образовали мощный стилобат, поднимавшийся на высоту 5 м. Кирпичная облицовка закрыла стены центрального коридора - входы и внешние стены всего комплекса. На стилобате был возведен целый ряд помещений,

почти полностью сбитых (рис. 19), к ним выводил неширокий пандус в восточной половине здания, идущий параллельно осевому коридору, тоже превращенному в двухсторонний пандус из-за наросшего культурного слоя. У северного конца малого пандуса, выходящего на верх стилобата, была расчищена площадка в одном уровне с помещениями, на углу ее в кладке сохранилась часть крученой веревки от перекидного моста, с помощью которого через осевой коридор попадали в западную половину здания. Таким образом в этот последний период существования "донжона" он был превращен, очевидно, в хорошо укрепленную входную башню.

С поздним периодом существования городища связано и сооружение пристройки ("города"?) с южной стороны памятника. Она обнесена мощной крепостной стеной (до 5,3 м толщиной) с полукруглыми выступающими за линию стены башнями, стены которых прорезали стреловидные бойницы.

Вход на пристройку и к воротам "цитадели" шел вдоль западной половины "донжона" по пандусу, который в последний период с юга был ограничен паховой стеной с бойницами. Сохранилась лишь нижняя их часть, по уровню это могли быть бойницы только для стрельбы с колена. Против осевого коридора "донжона" находился вход на пристройку.

Нижний стратиграфический горизонт "Большого дома" по строительным приемам и керамическому комплексу соответствует первому и второму строительным периодам "донжона" (от первого из них керамического материала, правда, очень мало). Второй и третий горизонты "Большого дома" могут быть синхронизированы с третьим строительным периодом "донжона" и "городской" пристройкой. Особо следует подчеркнуть, что все сооружения последнего периода на памятнике по своему качеству и приемам довольно резко отличаются от ранних, что особенно хорошо видно на "городской" пристройке.

Так как на крепости Бабиш-мула I основные раскопки проводились на "Большом доме" - постройке типа цитадели, располагавшейся в центре крепости и занимавшей её основную площадь, характер застройки между стенами крепости и "Большого дома" не был выявлен, вскрыты только участки двора на проходе от кре-

постных ворот, располагавшихся в массиве построек "донжона", до входа в "Большой дом" и культурные слои в небольших стратиграфических траншеях. В последний сезон раскопок на памятнике 1960 г. для выявления рядовых построек и времени функционирования южной пристройки к крепости были проведены небольшие раскопки на крепостных стенах пристройки, где были расчищены овалы в плане башни с одинарными стреловидными бойницами того же типа, что и в основной стене крепости, и вскрыт на площади несколько более 200 кв.м. участок рядовой застройки. На описании его мы остановимся подробнее, так как практически ни на одном памятнике чиркирабатской культуры не было помещений, вскрытых целиком, поскольку все раскопки прежде всего ставили целью выяснение стратиграфии памятников и характера культурного слоя. Раскоп на "городе" был заложен в южной части пристройки вблизи от крепостной стены (см. план). Для него был выбран участок с наибольшим скоплением археологических находок на поверхность (площадь этого участка 20 x 40 м), у северной границы которого и были начаты раскопки, выявившие три помещения в пределах большого здания, построенного из пахсы (сохранность стен по высоте максимально достигала 40-50 см). Возможно, что здание занимало всю площадь, где фиксировались археологические находки. Во всяком случае есть все основания говорить о сплошном массиве застройки на этой территории. Постройки сооружались на необжитом до этого материке, пахса в стенах очень невысокого качества, плохо промешанная. В одном из помещений удалось выявить пахсовые блоки шириной около 45-50 см., толщина стен между помещениями от 1,25 до 1,5 см. Внешняя (северная) стена здания на расчищенном участке местами достигает 4 м, наружная сторона ее сильно разрушена и имеет значительный уклон. Стены помещений были покрыты обмазкой из глины с небольшой примесью самана, толщина слоя обмазки достигает 0,5-1 см. Обмазка со стен переходит на пол. В двух из трех раскопанных помещений пол покрывали неоднократно возобновлявшиеся слои обмазок (до 8-10 см. толщиной), особенно плотными они были над материковыми ямами, большинство из которых было засыпано чистым грунтом. Раскопанные три помещения несомненно были жилыми, возможно, лишь помещение № 3 име-

ло производственное назначение, но оно было тесно связано со всем остальным жилым комплексом. Все помещения представляют собой в плане правильные прямоугольники со слегка скругленными углами (черта, характерная в строительной технике описываемого комплекса в противоположность другим объектам Бабин-мулы). Площадь их около 20-30 кв.м. Вероятно, в планировке здания придерживались принципа симметрии - помещения, сходные в плане, расположены к югу и северу от осевой зоны, идущей с запада на восток. Поверхностная зачистка показала, что к западу от раскопанных находилось какое-то большое и сильно вытянутое с севера на юг помещение типа широкого коридора или двора (ширина около четырех метров), куда вели выходы из раскопанных помещений № 1 и 2 и где, судя по большим выходам обожженной глины, возможно, находились производственные печи. Здесь же найдены керамические шлаки, медные литки и легкие шлаки неизвестного происхождения. Помещения имели плоские балочные перекрытия. Завал такого перекрытия из камыша, мелкого хвороста и кусков глиняной обмазки был обнаружен в одном из помещений, где он лежал поверх небольшого культурного слоя на полу. При одном строительном периоде всего комплекса в помещении № 1 зафиксировано два пола, но верхний, расчищенный прямо под такырной коркой, был покрыт слоем навоза. Это свидетельствует скорее всего об освоении построек уже после их частичного разрушения. К этому этапу жизни памятника относятся и небольшие очаги в завале перекрытия и некоторых других местах (полов около них не зафиксировано).

В помещениях открыты очаги разного типа. Чаще всего это был очаг открытого типа без каких-либо конструкций - горелое пятно с золой диаметром около 0,5 м или несколько больше. В двух помещениях такие открытые очаги располагались в центре помещения на невысокой (17-20 см) глинобитной выкладке, вытянутой с севера на юг или с запада на восток (размеры выкладок 3,25 x 1,15 м и 2,55 x 0,85 м). Около очажных пятен иногда сохраняются куски глины от каких-то конструкций (возможно, это были сосуды, вмозанные в основание выкладки), ямки от столбиков диаметром 10-15 см, вероятно, предназначенные для каких-то конструкций типа "треноги" над очагом для подвешивания сосудов

с готовившейся пищей. В одном случае на краю выкладки в небольшой ямке были найдены остатки проса. В производственном помещении № 3 выкладка в центре имеет менее четкие очертания и на концах ее остались комки глины от каких-то неясных округлых сооружений. Очаг в центре этой выкладки имел форму прямоугольника (0,55 x 0,3 м) с небольшими бортиками по краям, которые образовывались за счет легкого заглубления (на 3-5 см) очага в выкладку.

В полу "производственного" помещения № 3 было раскопано во семь ям, имевших хозяйственное и производственное назначение. Вырубленные в глиняном материке они достигали глубины в среднем до полуметра. Почти все ямы были перекрыты обшивкой пола, что указывает на то, что к тому моменту, когда помещение было оставлено, они уже не функционировали. Две связанные между собой ямы кроме керамики и небольшого количества костей животных в заполнении содержали остатки проса и мелкие, спавшиеся между собой кусочки легкого пористого шлака (зеленовато-желтого цвета). Следов горения непосредственно в этих ямах нет. Две ямы, расположенные у южной стены были связаны с остатками производственной печи, впущенной в стену помещения прямо над ними. Развал печи неясной конструкции был заглублен в массу стены на 50-60 см, сохранились участки обожженных стенок и пода. Длина развала около 1,8 м. В ямах были обнаружены во фрагментированном виде и отдельные целые экземпляры архаических по облику женских статуэток из грубой плохо обожженной глины. Часть из фрагментов принадлежала статуэткам неизвестных форм, здесь же найдено смрцовое грузило округлой формы. Все статуэтки изготовлены из глины с сильной примесью песка, шмота и явно представляют производственный брак. Все эти статуэтки аналогичны тем, что были найдены на поселении в 5-6 км к северу от Бабиш-муллы (точка 254 топографического отряда). Там тоже были обнаружены остатки этих фигурок /раскопки Вайнберг Б.И. см. Толсто 1962, рис. 87), но найденные на Бабиш-мулле статуэтки вдвое крупнее тех. На поселении в т. 254 фигурки сопровождалась находками небольших глиняных шариков, а в ямах помещения № 3 были тоже найдены шарики соответственно, как и статуэтки, более крупные. Среди них была обнаружена верхняя часть головы очень при-

митивной моделировки: слегка уплощенный затылок, низкий лоб, западавшая переносица. Нос сохранился лишь частично, но, очевидно, он сильно выступал из плоскости лица. Глаза, возможно, имели вставки, сохранились очень глубокие глазницы. Размеры описанной головы (около 10 см в длину) явно не соответствуют размерам обнаруженных здесь статуэток. В северо-восточном углу помещения в пол почти до уровня шейки был вкопан хум, внутри которого были найдены фрагмент бронзового изделия, прялице, крупное ребро-лощило, маленький лепной сосудик баночной формы и крупная каменная брусина. На стене хума сохранилось несколько знаков, процарапанных послеобжига. Форма венчика этого хума является "хронологическим индикатором", она - переходная от ранних экземпляров из нижнего слоя Бабиш-муллы ("донжона" в первую очередь) к поздним округлым вариантам, широко представленным в находках из "большого дома" и из слоев четвертого строительного периода донжона Бабиш-муллы, что позволяет относить южную "городскую" пристройку памятника не к самому позднему этапу его жизни.

В раскопе у южного участка крепостной стены были обнаружены остатки каркасных построек, но четкой планировки их не установлено.

В непосредственной близости от городища находится монументальное погребальное здание Бабиш-мулла 2 (рис. 13, см. главу 2), квадратное в плане, на высоком пахсовом цоколе, с симметричной внутренней планировкой. Наряду с этим мавзолеем, сооруженным, очевидно, для верхушки местных племен, были и рядовые кладбища. Сооружение Бабиш-мулла 2, расположенное в 0,5 км от городища Бабиш-мулла 1, имеет площадь 21 x 21 м при высоте до 7 м. В основании его - цоколь (30 x 30 м, высота 0,5 м) из шести рядов пахсовых блоков. Планировка здания симметрична - два пересекающихся сводчатых коридора ограничивают угловые погребальные камеры, перекрытые сводами. У торцов коридоров расположены помещения типа айванов, связанные с коридорами арочными проходами и в свою очередь открывавшиеся, вероятно, в обводный коридор, следы которого были обнаружены на северном склоне памятника. Стены помещения покрывались алебастровой штукатуркой. Погребения по обряду труповмставлений совершались прямо на полу

или на суфах, возможно, на погребальных носилках или помостах и сопровождалась богатым инвентарем. Даже после древнего ограбления остались золотые бляшки, пронизки, серьги, бусы (золотые и каменные) и другие предметы. Керамический комплекс, обнаруженный в мавзолее, аналогичен керамике городища и синхронен материалам его второго (а отчасти и первого) строительного периода. Среди керамики мавзолея было несколько фрагментов похожих на глиняные оссуарии или гробы с налепными валиками с пальцевыми зацепами под простым краем. Очевидно этот мавзолей был предназначен не для рядового населения.

Иной тип грунтовых захоронений рядового населения дало погребальное сооружение, раскопанное в 800 м севернее Бабия-мулла 2. Оно расположено на небольшой естественной возвышенности (2,1 м над уровнем современного тыкара) и представляет собой квадратную в плане тыкарную площадку (5,5 x 5,5 м) - со ступенчатыми краями, постепенно спускающимися в вырытые со всех сторон неглубокие рамы, шириной до 2,5 м и глубиной от уровня площадки - 1,3 м (табл. II, I). Площадка, ориентированная углами со сторонами света, была сооружена так, что две стороны ее параллельны каналу, проходящему с северо-востока от нее.

На верхних ступеньках (ширина - 70-75 см) около углов площадки (устьем к углу) и у середины сторон сохранилось шесть крупных горшкообразных лепных сосудов кострового обжига (табл. 10, 15-16, 27-28). Первое погребение, расположенное в 1,5 м к северо-западу от площадки и разрушенное сильным смывом, принадлежало взрослому человеку, лежащему скорченно головой на юго-запад. Два других, находившихся в 70-75 см от площадки и ориентированные параллельно ее северо-восточной стороне, содержали захоронения взрослого и подростка. Оба погребения были вытлупты на спине, один ориентирован головой на северо-запад, другой - на юго-восток. Рядом с головой подростка сохранился кувшиновидный красноглиняный гончарный сосудик. В заполнении рвов найдены два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел IY-II вв. до н.э., обломки тальковых курильниц и фрагментированная керамика, идентичная сосудам соседнего бабиямуллинского комплекса, позволяет датировать данный могильник тем же временем.

Урочище Баланды (рис. 5) расположено в 40 км к юго-востоку от Чирик-рабата. Его центральный комплекс включает три памятника: небольшую крепость Баланды I, прилегающее к ней поселение и два погребальных сооружения - Баланды 2 и 3.

Баланды I /Толстов С.П., 1962, с. 172 и сл./ - прямоугольное в плане укрепление (80 x 130 м), окруженное стенами из сырцового кирпича, сохранившимися местами на высоту до 3 м. По углам вдоль длинных стен расположены очень неглубокие полукруглые башни со стреловидными бойницами. Вход в укрепление находился, очевидно, в северо-западной стене. На памятнике были проведены небольшие разведочные раскопки (рис. 23), позволившие заключить, что Баланды I - большой укрепленный дом, в комплексе которого было несколько парадных, украшенных цветной штукатуркой помещений. По керамическому материалу памятник относится ко второму этапу существования чирикрабатской культуры.

С севера и северо-запада к укреплению примыкает поселение, состоящее из отдельных домов.

Уникальное погребальное сооружение Баланды 2 расположено в 1 км к востоку от укрепления. Мавзолеем этот синхронен Баланды I (см. главу 2).

Баланды 3, как и находящиеся невдалеке к востоку развалины, получившие название Асар, - это погребальные сооружения типа "крестовин", наиболее характерного для данной группы племен.

Укрепление Сенгир-кала (рис. 24,25) расположено в урочище Баланды, в 7 км к юго-западу от Баланды I. Это большой дом-усадебный, почти квадратный в плане (32 x 31,5 м), ориентированный углами по сторонам света. На поверхности довольно четко видна внутренняя планировка. Вокруг центрального помещения или двора (15 x 18 м) по внутреннему периметру стен дома расположены правильные ряды помещений. Высота развалин местами достигает 4 м. Рекогносцировочными раскопками в 1972 г. вскрыто несколько жилых и хозяйственных помещений, материал из которых позволит отнести дом-усадебный к наиболее позднему, третьему этапу существования чирикрабатской культуры.

На северной периферии чирикрабатской группы расположена еще одна небольшая крепость Кабул-кала или Чагырлы I (рис. 26). Она находится в 155 км к юго-западу от станции Джусалы и в 45

км к северу от Чирик-рабата. В плане крепость имеет вид неправильного прямоугольника (55 x 50 м). Стены ее, сложенные в нижней части из пахсы, а с уровня бойниц - из сырцового кирпича, сохранились местами на высоту до 4-5 м. Два ряда стрельчатых бойниц (с ложной стрелкой) расположены в шахматном порядке, расстояние между ними около 2-х метров, башни отсутствуют. В юго-восточной стене находится предвратное сооружение, возможно - пандусом. По подъемному материалу памятник относится к чирикратской культуре. Но здесь встречается уже и джетмасарская керамика, так как Кабул-кала расположена по соседству с территорией джетмасарской культуры, памятники которой базируются в зоне Кувандарьи и других восточных староречий дельты Сырдарьи.

Описание последней показывает, что гигантское городище Чирик-рабат уникально и, возможно, было наиболее древним памятником этого региона. Не исключено, что по мере того, как из городища-убежища оно превращалось в постоянное поселение, стали появляться и внутренние укрепленные стены, защищавшие это поселение.

Обычны для чирикратской культуры укрепленные дома-усадебные площадки от 1000 кв.м до 1 га (Сенгир-кала, Чагырлы, "Большой дом" Бабиш-муллы I, Баланды I и, возможно, Чирик-3), расположенные в центре оазиса чаще всего по соседству с монументальными погребальными сооружениями. На Бабиш-мулле I такой укрепленный дом включен в качестве основного и центрального элемента в систему крепости, уникальной по своим конструктивным приемам в этом районе (сложное предвратное сооружение, строенные бойницы, пилястры, большой парадный айван перед залом или двором в системе центрального здания и т.д.). В отличие от остальных укрепленных домов-усадеб, имеющих, как правило, застройку вдоль стен вокруг центрального двора или помещения, планировка "Большого дома" Бабиш-муллы I отличается осевой анфиладой помещений, начинающихся от входа, обрамленного двумя массивными ложными башенками. Вскрытая часть планировки (рис. 21) в восточной половине дома дает основание считать, что здесь строился большой парадный комплекс для приемов или особых церемоний. Принцип планировки этого комплекса характерен для ахеменидской архитектуры парадного типа и восходит еще к дворцу приемов Кира в

Пасаргадах /Francisovich Yde, 1966, с. 201 и сл./. Наиболее близким по планировке бабишмуллинскому комплексу представляется "дворец приемов" сокровищницы Персеполя, с которым уже сопоставлялась планировка части дворцового здания на городище Калала-гыр I в Хорезме /Schmidt E.F., 1939, рис. II; 1953; Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С., 1963, с. 145/. Точка зрения Рапопорта Ю.А. о том, что Калала-гыр I является недостроенной резиденцией ахеменидского сатрапа в Хорезме, убедительно обоснована. Знаменательно также, что с концом ахеменидской эпохи связано строительство резиденции сатрапа и на Арий-берде в Армении /Оганесян К., 1961; Тирацян Г.А., 1964, с. 64-78/, где был большой гипостильный зал, подражавший парадным ахеменидским залам.

Представляется, что и постройку "Большого дома" Бабиш-муллы I можно рассматривать в ряду позднеахеменидских сатрапских резиденций, строительство которых было предпринято, вероятно, по единому принципу, в самых северных сатрапиях ахеменидской державы незадолго до ее крушения. Только с включением территории низовьев Сырдарьи в состав ахеменидской державы можно связывать появление здесь в IV в. до н.э. монументальных сырцовых построек, гончарного комплекса керамики, находящего себе аналогии в южных районах Средней Азии (Согд, Парфия, и, возможно, Бактрия), окраинных земледельческих областей державы ахеменидов на востоке. Таким образом археологический материал как будто бы позволяет локализовать одну из поздних сатрапий ахеменидского государства на крайнем северо-востоке их владений, на землях полусоседних скотоводов в древней дельте Сырдарьи.

§ 3. СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Основным строительным материалом был сырцовый кирпич и пахса (битая глина). Довольно часто встречается комбинированная кладка из этих материалов (см., например, рис. 29). При этом иногда пахса образует основание стен, но чаще ряды пахсы чередуются с несколькими рядами кирпичной кладки. Сырцовый кирпич представлен достаточным разнообразием форм и размеров: квадрат-

ний, прямоугольный и трапециевидный (в сводах). Каких-либо веских оснований для хронологического разделения строительных материалов нет. В бесспорно ранних постройках "донжона" Бабиш-муллы I встречается квадратный кирпич стандарта 45 x 45 x 10 и прямоугольный 40-45 x 31-28 x 10-12. Кличатый кирпич сводов при высоте в 45 см имеет основание 26-30 см и верхнюю грань в 32-36 см. Но в большинстве памятников квадратный кирпич в основном следует стандарту 40 x 40 x 10 (Баланды, укрепления и жилые постройки Чирик-рабата, Бабиш-мулла 2). Прямоугольный кирпич как-будто бы твердого стандарта не имеет. Однако можно отметить, что кирпича с соотношением сторон 1:2 в постройках на Хандарье нет. Чаще всего встречается кирпич близкий к стандарту 50 x 30 (круглое погребальное здание Чирик-рабата, Чирик-2 и Асар), но во многих случаях при одной стороне кирпича близкой или равной 30 см, другая варьирует от 40 до 45-48 см. Подобные строительные материалы известны на юге Средней Азии с конца эпохи бронзы /Сарианиди В.И., 1977, с. 123, 126; Аксаров А., Альбаум Л.И., 1979, с. 19, 24; Массон В.М., 1959, с. 14, 34, 70/, а также в мавзолеях Тагискаена и джетиасарских постройках. Но в "античных" памятниках прямоугольный кирпич стандарта близкого к 50 x 30 отсутствует. Мы не располагаем сколько-нибудь значительными материалами по строительству и архитектуре ахеменидской эпохи на юге Средней Азии, и это не дает возможность определить истоки тех приемов и форм, которые присутствуют в памятниках чирикрабатской культуры. Правда, керамический комплекс позволяет предполагать, что это были районы юга Средней Азии, а не более удаленные. Характерная для большинства погребальных сооружений чирикрабатской культуры планировка в виде круга с крестообразным пересечением стен внутри может иметь и местные истоки /см.: Толстов С.П., 1962, с. 201 и сл./, хотя и круглые в плане постройки известны в Бактрии с эпохи бронзы /Сарианиди В.И., 1977/. Лишь в трех хандарьинских памятниках встречены сводчатые перекрытия: в донжоне Бабиш-мулла I, в мавзолеях Бабиш-мулла 2 и Баланды 2. Своды были одинарные и двойные (рис. 16, 17, 19, 20, 28-30, 32, 33). Обычно они клались наклонными поперечными отрезками, чаще всего из кличатого (трапециевидного) кирпича, применялась так

раскладка крупными кусками керамики. Кривые сводов, как правило, трехцентрового построения, высокого подъема. Стены и своды покрывались глиняной штукатуркой. При пересечении сводов в анфиладах пересекающихся помещений или коридоров, они пересекались на изолированные отрезки стенами, в которых делались арочные проходы (рис. 28, 30, 31). Все арки сооружались в уровне ниже пяти своды.

Сооружение мощного предвратного комплекса ("донжон" Бабиш-мулла I) восходит к строительной традиции, возникшей в Средней Азии еще в эпоху бронзы, там же мы находим первые полукруглые и прямоугольные башни в оборонительных стенах /Массон В.М., 1981, с. 30 и сл., рис. II; Сарианиди В.И., 1977, с. 34 и сл./.. Широко применявшиеся еще на древнем Востоке прием оформления монументальных зданий пилястрами также получил широкое распространение в Бактрии в эпоху бронзы /Сарианиди В.И., 1977, с. 42-50/.

Наиболее уникальным по своему архитектурному облику является мавзолей Баланды 2 (рис. 69), где центральный круглый зал, заключенный в обвод анфилады сводчатых помещений, разделенных на две изолированные части, перекрыт ложным куполом. Оригинальна и обработка внешней поверхности стены памятника - треугольными выступами.

Основания стен памятника - пахсовыз, в арках пахсовый цоколь достигает примерно 40 см., в помещениях - 50-65 см. Под основанием здания был обнаружен песок, перекрытый болотным слоем. Кирпичная кладка (аружных стен начинается на один ряд (15-18 см) ранее внутренней их части. Сводчатые помещения (рис. 32) имели ширину по полу около 2,45 м, по уровню "полочки" у пяти свода уже - 3,01 м, высота пяти свода над полом достигала 127-140 см, ширина "полочки" - 30 см. От пяти - "полочки" восемь рядов кирпичей клались небольшим напуском по типу ложного свода, затем - по два трапециевидно-кличатых кирпича с обеих сторон, а завершала конструкцию свода кладка из 8-9 кирпичей, положенных поперечными отрезками. В арках (рис. 30) кладка кличатая, раскладка производилась раствором и черепками керамики. Кривая многих арок практически полуциркулярная, встречаются очень низкие кривые. Арки были оштукатурены (глина). Перевязка кирпичей

в арках вглубь прохода шла почти точно в 1/2 кирпича.

По заключению архитектора М.С.Ланирова-Скобло свод "обводных" помещений клался отрезками, начиная с торцевой стороны (как обычный цилиндрический свод), получающаяся затем разность перекрывалась путем опоры концов отрезков на вторую торцевую стену и питу. Перевязка отрезков (рядов) производилась не систематически через 5-8 рядов путем замены одного сильно клинчатого кирпича топашиевидным.

Ложный купол центрального помещения волею ли являлся уникальным по конструкции сооружением в постройках Соединенной Азии той поры. Исследование сельских поселений Левобережного Хорезма IX-II вв. до н.э. и более поздних, например, выявило огромное количество остатков гончарных печей, перекрывавшихся ложным куполом, а диаметр некоторых из них был не менее пяти метров. Таким образом, вероятно, ложнокупольные конструкции были хорошо известны даже пятым строителям Средней Азии в последней трети I тыс. до н.э. Строительные особенности погребальных сооружений подробно освещены в главе 2.

При сравнении строительно-архитектурных приемов чирикрабатских памятников с материалами из соседнего Хорезма обращает на себя внимание довольно значительное различие их, проявляющееся как в строительном материале (в Хорезме архаического периода есть прямоугольный кирпич только стандарта 50 x 25 см, отсутствующий в низовьях Сырдарьи), так и в конструкциях (на Кой-крылган-кале и Елхарасе своды иного построения, нет предвратных построек типа "донхона" Бабиш-муллы I, большим совершенством и разнообразием отличается фортификационные сооружения Хорезма). В то же время строенные бойницы крепостной стены "цитадели" Бабиш-муллы I (рис. 27) напоминают бойницы Джанбаскалы /Толстов С.П., 1948а, с.88 и сл./, но они гораздо примитивнее последних. Не исключено, что прототипом для тех и других послужили фортификационные сооружения Бактрии, где аналогичные формы зафиксированы в оборонительной стене Балхского оазиса античного времени, там же встречены и ложные "стрелки" бойниц, известные и в чирикрабатских памятниках /Пугаченкова Г.А., 1976, с. 137-140/. Все это свидетельствует о том, что строительство монументальных зданий и крепостных сооружений на Ханидарье велось ско-

рее всего с помощью мастеров и ремесленников из южных районов Средней Азии, а влияние Хорезма могло быть минимальным. Аналогичная картина фиксируется и по керамическим материалам.

Обращает на себя внимание недостаток строительного мастерства у древних зодчих этого региона. Так, например, бойницы в крепостных стенах Чирик-рабата и Бабиш-муллы I, судя по всему, очень скоро дали трещины или частично обрушились, что послужило причиной их засыпки и забутовки. Мавзолей Бабиш-Мулла 2 при четкой симметрии и сложности композиции планировки построен со значительными сдвигами внутренних стен от основного плана, своды в помещениях также несут следы быстрого разрушения.

Монументальным постройкам и укрепленным поселениям чирикрабатской культуры в низовьях Сырдарьи предшествовали постоянные или временные поселения сакских племен /Левина Л.М., 1979/, где нет сырцовых построек. Косвенные данные могут свидетельствовать, что там были каркасные строения, так как традиции их прослеживаются и в некоторых памятниках чирикрабатской культуры более позднего времени. Следы каркасных построек были обнаружены в раскопе у оборонительной стены пристройки Бабиш-муллы I. В круглом погребальном сооружении на Чирикрабате массивная сырцовая кладка стен сочетается со своеобразным образным глиной деревянным каркасом, в который были заключены все стены внутри здания /Трудновская С.А., 1963/. Есть все основания выделить в этом приеме пережиток местных традиционных строительных приемов. Близкий вариант, вероятно, был встречен при раскопках на Сенгир-кале, где вдоль сырцовых стен помещений обнаружены ямки от столбов, на которые, возможно, опиралось перекрытие.

ГЛАВА 2 ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД

В сложных и многообразных погребальных памятниках чирикрабатской культуры прослеживается синкретизм местных традиций и внешних влияний. Вся серия можно разделить на две группы:

грунтовые погребения и наземные мавзолеи. В обеих группах исследовано лишь небольшое число из ныне известных погребений Чирикрабатской культуры. В южной части оазиса на естественных возвышенностях зафиксированы курганы с большими земляными насыпями. К числу их относятся курганы на городище Чирик-рабат, возвышенности Акхир и около Сенгир-тома, и близ средневекового городища Бештам. В последнем случае насыпь курганов достигает 70 м в диаметре и 4 м в высоту (при четко выраженных следах древнего ограбления, см. рис. 34), во втором случае - при диаметре насыпи около 60 м, сохранившаяся высота составляет 3,5 м. Один из шести курганов, расположенных в группе на территории городища Чирик-рабат был раскопан /С.П.Толстов, Т.А.Иданко, М.А.Итина, 1963, с. 53-56/. Под насыпью его (диаметром около 60 м, высотой - 3,5 м), в материковом грунте обнаружена большая, почти квадратная погребальная камера (7,5 x 7,2 м, глубина 2,5 м) с длинным (16,5 м) и узким (0,9 м) дромосом с южной стороны. Дно дромоса, куда вели шесть крупных широких ступеней, находилось на 0,5 м выше дна камеры (рис. 35, 36). Стены и дно всего сооружения были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. Дромос и погребальная камера оказались перекрыты настилом из шести слоев камыша (толщиной по 2-3 см). Курган был разграблен в древности и человеческих костей не сохранилось. Среди остатков инвентаря - фрагменты двух гончарных кувшинов и лейной посуды, небольшая поделка из золота, бронзовый втульчатый наконечник стрелы и железный меч (длина 85 см) с массивным широким лезвием, плоской рукоятью, вероятно бабочковидным перекрестьем и овальным навершием. Аналогичные мечи распространены в скифско-сарматских материалах У-IV вв. до н. э. /Синицин И.В., 1962, с. 67, рис. 27, 1; Смирнов К.Ф., 1961, с. 105, рис. 6, 2; Смирнов К.Ф. 1964, с. 315, рис. 22, рис. 40 с. 334; Граков В.Н., 1928, с. 148, рис. 1; Мошков М.Г., 1963, т. 18, 3; Мелюкова А.И., 1964, табл. 18, 20/, (рис. 84).

Помимо вышеупомянутых круглых курганов, вероятно, принадлежавших местным вождям, безусловно, в чирикрабатской культуре существовали и другие типы грунтовых погребений. Однако помимо редких возвышенностей на основной равнинной территории древней сардарьянской дельты в силу климатических и гидрографических

условий и процесса дефляции грунтовые погребения выявляются чрезвычайно слабо, так как от них почти не сохранились земляные насыпи.

Свидетельством тому является погребение (рис. 38), раскопанное в могильнике Баланды IV; расположенном поблизости от урочища Баланды непосредственно на левом береговом валу средней Инкардарьи /Толстов С.П., Иданко Т.А., Итина М.А., 1963, с. 72; Толстов С.П., 1962, с. 179, 181/. Само погребение было сильно размыто. Сохранилась лишь нижняя часть могильной ямы (на 40 см в глубину), представлявшая собой овал, вытянутый с юго-востока на северо-запад, с осями 5,3 и 3,8 м. Почти в центре южной стенки могильной ямы были следы ступенек, возможно, ведущих в дромос. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с катакомбным захоронением, в котором ступенчатый дромос вел с юга в овальную в плане камеру, где было коллективное захоронение. В могильной яме находилось семь скелетов, ориентированных на юго-восток. Все погребенные лежали на спине с вытянутыми руками, шесть из них с вытянутыми, а один с согнутыми в коленях и раскинутыми в разные стороны ногами. Погребальный инвентарь состоял из 11 глиняных сосудов (рис. 39, 10-21), железного кинжала, ножей, трех бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, бронзовых спиралевидных колец, стеклянных бус и подвесок.

Железный кинжал, лежащий справа от ноги одного из погребенных, правая кисть которого находилась поверх рукояти кинжала, имеет аналогии среди сарматских кинжалов. Все три бронзовых трехлопастных втульчатых наконечника аналогичны сарматским прохоровского времени (IV-II вв. до н.э.) (рис. 84). Тождественные рассматриваемым спиралевидные бронзовые височные кольца в два оборота большого диаметра (2,3 и 2,5) (рис. 83, 93-94) известны как в скифских, савроматских /Петренко В.Г., 1978, с. 59-61, табл. 27, 1-3; табл. 51, 9-II, 16; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 25, 16/, так и в сарматских памятниках IV-III вв. до н.э. /Мошкова М.Г., 1963, с. 44, табл. 29, 1-3/. В тех же памятниках сарматской культуры IV и IV-III вв. находили аналогии крупной бусине из синего стекла с белыми глазками /Мошкова М.Г., 1963, табл. 30, 16/ и стеклянной подвеске /Мош-

кова М.Г., 1963, табл. 31, 42/ (рис. 83, 19). Из одиннадцати сосудов (рис. 39, 10-21) лишь два изготовлены на гончарном круге, остальные относятся к керамике первой группы кострового обжига. Подобные горшки характерны для сакских памятников УП-У вв. до н.э. тех же районов бассейна Пракандарьи и Инкардарьи /Левина Л.М., 1979, с. 185, рис. 7, 31/ и для окружающих поселений и городищ. Известны они и у савроматов и сарматов Поволжья и Южного Приуралья и в нижних слоях памятников соседней джетысарской культуры. Аналогичные баландинским чашам (станковым и первой группы) широко представлены и в актамском могильнике У-Ш вв. до н.э. в Фергане /Горбунова Н.Г., 1962/ и в сакском могильнике Шарт /Бернштам А.Н., 1956/. Есть они и в материалах сакских памятников УП-У вв. до н.э. той же территории Канндарьи /Визневская О.А., 1973, с. 154, табл. XXII, 17, 18; Левина Л.М., 1979, с. 187, рис. 9, 26/. Красноглиняный красноангобированный кувшин второй группы типичен для чирикрабатского керамического комплекса. Рассмотренный инвентарь позволяет датировать погребение (очевидно, также в катакомбе со ступенчатым дромосом) IY-III вв. до н.э.

Иной тип грунтовых погребений дало погребальное сооружение, названное нами Бабиш-мулла 6, раскопанное в 8,0 м севернее Бабиш-муллы 2. Оно расположено на небольшой естественной возвышенности (2,7 м над уровнем современного такира) и представляет собой квадратную в плане земляную площадку (5,5 x 5,5 м) - со ступенчатыми краями, постепенно спускающимися в вырытые со всех сторон неглубокие рвы, шириной до 2,5 м, глубиной от уровня площадки - 1,3 м).

Площадка, ориентированная углами по сторонам света, была вырыта так, что две стороны ее параллельны каналу, проходящему с северо-востока (рис. 40, 41).

На верхних ступеньках (ширина их - 70-75 см) около углов площадки (устьем к углу) и у середины сторон сохранилось шесть крупных горшков лепных кострового обжига (рис. 39, 38, 69) в которых в анатомическом порядке лежали детские кости. Рядом с площадкой параллельно ступеням вскрыто три ямных захоронения: одно на расстоянии 1,5 м к северо-западу от площадки, - это разрушенное смывом погребение взрослого, с юго-западной ориента-

цией, в скорченном на правом боку положении, два - к северо-востоку от площадки на расстоянии 70-75 см от нее и параллельно ей, погребения взрослого и подростка, с противоположной ориентацией, оба вытянуты на спине. Около головы подростка поставлен кувшиновидный красноглиняный сосудик, обычного для чирикрабатской культуры типа. Судя по заполнению некоторых сосудов и ямы в центре площадки, сама площадка и ее верхняя ступенька длительное время стояли открытыми, и позднее (вероятно после совершения всех захоронений) вместе с ровиками были перекрыты курганной насыпью, диаметром 20 м. Найденные в заполнении рвов два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел IY-III вв. до н.э., фрагменты тальковых курильниц, фрагментированная керамика, идентичная сосудам соседнего бабимуллинского комплекса (рис. 39, 38-69), позволяет датировать данный могильник тем же временем. Безусловно, Бабиш-мулла 6 не является обычным могильником, а представляет собой культовый комплекс, где при захоронении маленьких детей в горшочковидных сосудах, расположенных на ступеньки сооружения выполнялся определенный ритуал, очевидно, связанный с представлениями о дальнейшей потусторонней судьбе ребенка. Нам кажется, что при любых вариантах толкования этого обычая, данный конкретный памятник никоим образом не может иметь отношение к каким-либо вариантам зороастрийского или маздеитского погребального обряда*.

Вторую группу чирикрабатских погребальных памятников составляют наземные мавзолеи.

В настоящее время известно около четырех десятков этих сооружений. Расположены они изолированно друг от друга и на расстоянии от 0,5 км до нескольких километров от поселений. 18 из этих памятников были в той или иной степени раскопаны.

По внешнему виду их можно разделить на два типа: квадрат-

* Детские захоронения в глиняных сосудах распространены на обширной территории и, как лишней раз доказывает вышеописанный могильник, в широком хронологическом диапазоне, поэтому вряд ли можно увязывать подобные захоронения, как это делает В.А.Завьялов и С.С.Миняев, с какими-либо этническими передвижениями - см. В.А.Завьялов, С.С.Миняев, 1992, с. 43-45.

ные и круглые в плане. Известно лишь два памятника первого типа, а более трех с половиной десятков — второго.

Внутренний планировочный принцип, обязательные расположение входа с южной стороны, основные строительные приемы обоих типов мавзолеев одинаковы. Так как архитектурные особенности и строительные приемы при сооружении мавзолеев рассматривались выше, остановимся лишь на планировочных принципах.

Вероятно, одно из более ранних — круглое в плане здание, расположенное в юго-восточной части городища Чирик-рабат, диаметром 38,5 м, сохранившейся высотой — 8,5 м (рис. 42, 43). Внутреннее пространство его разделено двумя ориентированными по сторонам света и пересекающимися в центре трехметровой толщины стенами на четыре квадратных в плане помещения (размером 5,9 x 5,9 м). Северные помещения соединены с южными, а не между собой, сдвинутыми к центру здания проходами. Десятиметровой длины входной коридор с юга вел в юго-восточное помещение. Вдоль стен внутри помещений были широкие и высокие суфы. В толще внешней стены на высоте 7,25 м шел коридорчик, шириной 0,5 м, соединяющий между собой камеры (4 x 1,3 м), откуда узенькие проходы выводили на площадки. Вероятно, этот коридор опоясывал по периметру внутренние нижние камеры. Здание было сложено из крупного сырцового кирпича (47-55 x 29-31 x 9,5-11 см) на глиняном растворе, при этом в кладке стены проложено несколько камышовых прослоек /Трудновская С.А., 1963, с. 205; Толстов С.П., 1962, с. 146-147/. Вдоль стен, покрытых несколькими тонкими слоями обмазки, был поставлен каркас из вертикальных жердей, скрепленных камышовой веревкой. Под зданием возведен небольшой цоколь /Трудновская С.А., 1963, с. 208/, полы помещений подстилалась кирпичной кладкой, а в узком входном коридоре был пандус. Вдоль стен помещений, как уже отмечалось, тянулись широкие и высокие суфы, на которые и были положены тела умерших в сопровождении богатого инвентаря. На суфах северонадвальной камеры совершалось трупосожжение.

Погребальное здание было основательно разграблено в древности, но остатки погребального инвентаря (золотые серьги со сканным орнаментом из завитков и золотой бахромой, множество золотых пронизок, бляшек, колокольчиков, золотые цилиндрические

пронизы, серебряные пронизы, бусины из ляпис-лазури, каменные скарабеиды, хальцедоновая ахеменидская печать V-VI вв., гребень из слоновой кости, каменные чаши, бронзовые наконечники стрел, железные пластины от панциря, мелкие железные трехперые черепковые наконечники стрел раннесарматского облика, керамика и т.п. — рис. 38, 21-25; рис. 83, 1-33; рис. 84) позволяют считать этот мавзолей местом погребения представителей родоплеменной знати /Трудновская С.А., 1963, с. 213/. С.П.Толстов и С.А.Трудновская датировали его концом IY или рубежом IY-II вв. до н.э. /Толстов С.П., 1962, с. 148; Трудновская С.А., 1963, с. 213/. Нам представляется, что весь комплекс находок, и прежде всего, наличие ахеменидской печати, позволяет ограничить эту дату — IY в. до н.э.

Вероятно, к тому же или несколько более позднему времени можно отнести и погребальное сооружение Бабиш-Мулла 2, расположенное в 0,5 км от городища Бабиш-Мулла I. Это монументальное погребальное здание, квадратное в плане (21 x 21 м), высотой до 7 м. В основании его — цоколь (30 x 30 м, высотой 3,5 м) из шести рядов пахсовых блоков (рис. 44). Планировка здания — четко симметрична. Два пересекающихся сводчатых коридора ограничивают угловые погребальные камеры, тоже перекрытые сводами. У торцов коридоров расположены помещения типа айванов, связанные с коридорами арочными проходами и в свою очередь открывавшиеся, вероятно, в обводной коридор, следы которого были обнаружены на северном склоне памятника. Стены помещений покрывались алебастровой штукатуркой. Погребения по обряду труповыващения совершались прямо на полу или суфах, возможно, на погребальных носилках или помостах; сопровождалась они богатым инвентарем. Даже после ограбления, произведенного еще в древности, осталось немало золотых полусферических бляшек, пронизки, массивные золотые бусины с зернью, бусы из камня, золотые серьги с подвесками, в том числе и с кораллом и жемчугом и другие предметы (рис. 83, 53-80).

Керамический комплекс, полученный из раскопок сводов и из завалов в помещениях, аналогичен керамике городища и синхронен материалам ее второго (отчасти и первого) строительного периода (рис. 45). Среди керамики мавзолея было несколько фрагментов

глиняных оссуариев или гробов с налепными валиками с пальцевыми зажимами под простым краем. Вероятно, и этот мавзолей был предназначен не для рядового населения, но погребальный обряд здесь совершенно иной, хотя хронологический разрыв между постройкой описанных двух мавзолеев минимальный.

На территории городища Чирик-рабат было раскопано еще одно, /квадратное в плане (19,5 x 19 м) погребальное здание с мощными стенами (до 5 - 5,5 м толщины), из сырцового кирпича, квадратного (38-40 x 35-38 x 8-10 см) или прямоугольного (40-48 x 35-38 x 8-10 см) стандартов, с камышом в слоях раствора /Толстов С.П., 1962, с. 150-151; Лоховиц В.А., 1963/. Внутреннее пространство разделено мощной четырехметровой стеной на два помещения, соединенные сдвинутым от центра проходом. Входной коридор был в юго-восточной стене. Глиняные с большим количеством соломы полы подстилались двумя рядами кирпичной кладки (рис. 46, 47). Данный мавзолей также был ограблен в древности, но сохранившиеся остатки погребального инвентаря (золотые пронизки, круглые нашивные бляшки, фрагменты костяного гребня и бронзового сарматского типа зеркала с ободком, агатовые, жемчужные и стеклянные бусы, бронзовые и железные наконечники стрел, тальковая курильница, а главное, керамический материал (рис. 37, 39-77; рис. 83, 34-52) позволяют отнести период бытования данного памятника к III-II вв. до н.э. Надо отметить в погребальном инвентаре мавзолея своеобразные, возможно, культовые горшковидные котлы с резким перегибом тулова на средней высоте сосуда и с "ободком" вокруг тулова. Некоторые из них - орнаментированы (см. ниже) /В.А.Лоховиц, 1963, с. 217, 218, рис. 3/. Внутри одного из сосудов были положены три каменных и одно костяное грузило. Любопытно также, что в керамическом комплексе данного мавзолея среди характерной чирикрабатской керамики, участвуют типичные джетиасарские сосуды (не менее трех кружек, несколько горшков первого типа, даже фрагменты миски и кувшинов), (рис. 37, 46-47, 51, 74-76).

Как выше указывалось, основная же масса известных ныне чирикрабатских мавзолеев - это круглые в плане постройки, диаметром в среднем 18-20 м, из паховых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей (преобладающий стандарт - 50 x 30 x 12 см),

сохранившиеся в высоту на 3-5,5 м от уровня современной поверхности.

Центральная часть сооружения воздвигнута на стилобате из битой глины, внутреннее пространство разделено по диаметру здания и во многих случаях, перпендикулярно ей идущей второй стеной, образующей вместе с первой подобие крестообразной планировки. У некоторых таких памятников вокруг центральной, поставленной на стилобат части шел обходной коридор, у других - ров.

Исследования мавзолеев показали, что значительная часть их подвергалась внутренней перестройке и все они многократно использовались для захоронений, причем иногда в одних и тех же сооружениях производились и кремация и труповываждение в деревянных гробах, на носилках или циновках.

Таким неоднократно перестраивавшимся памятником является мавзолей "Кзыл-тепе", расположенный в 8 км восточнее городища Балаиды (рис. 48). Диаметр мавзолея - 21,8 м, сохранившаяся высота - 2,9 м над уровнем окружающей дневной поверхности. Рекогносцировочные раскопки на нем выявили наличие вокруг круглой в плане стоящей на цоколе центральной части коридора, шириной до 3 метров, ограниченного с обеих сторон стенами из паховых блоков, и заполненного спаявшимися в результате интенсивного горения глыбами кирпичей и глины. На южной стороне вход в здание отсечен от коридора радиально идущими стенами. Здание имело не менее двух строительных горизонтов. Следы интенсивного горения св.заны как с верхним, так и с нижним строительным периодом, но внизу их больше. Немногочисленные керамические находки аналогичны таковым из поселений первого и второго этапов чирикрабатской культуры (см. ниже).

Вероятно, близкую планировку имел мавзолей № 2 могильника Тагискен. Этот памятник, круглый в плане, диаметром 24 м, сохранившейся высотой 2,4 м, также с обходным коридором со следами интенсивного горения в нем. Стоящая на глиняном цоколе центральная часть здания представляла собой в плане круг, разделенный двумя перекрещивавшимися стенами на четыре камеры, с проходами вблизи центра /Толстов С.П., 1963, с. 35, рис. 8/, вход в здание с южной стороны отсечен от коридора (ширина коридора

- 3,2 м) радиально идущими стенами (рис. 49). Толщина стены, ограничивающей центральную часть навзоеля - 2,2 м, толщина внешней стены коридора - 1,5 м. Керамический комплекс навзоеля № 2 могильника Тагискен идентичен таковому навзоеля Кзыл-тепе и может быть датирован IY или IY - нач. III в. до н.э.

Такой же идущий по периметру круглого здания коридор зафиксирован и на памятнике Тышкан-тепе диаметром 15,8 м, сохранившийся на высоту - 3,8 м (рис. 50, 51). Стены его также сложены из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (в данном случае формата 39-41 x 39-41), но следов горения здесь очень мало (рис. 51). Здание неоднократно перестраивалось. Крутой пандус выводил к входу на юго-восточной части памятника. Зафиксированные во время рекогносцировочных раскопок на обломках стен и на полу слои песчано-глинистых натеков, как и отсутствие кирпичных завалов, ставят под сомнение наличие какого-либо серьезного перекрытия, прежде всего, в коридоре. Судя по керамическим находкам, навзоель Тышкан-тепе функционировал и в более позднее время, чем навзоель Кзыл-тепе и № 2 могильника Тагискен.

Один из наиболее характерных навзоелей - памятник Чирик-2, расположенный в 6 км к северо-западу от Чирик-рабата. Это круглое в плане здание, диаметром 17,5, сохранившееся на высоту 5 м, возведено на стилобате из крупных комков глины, со входом с южной стороны. Стены его (толщиной 2,5 м) сложены из чередующихся слоев пахсовых блоков (высотой 60-70 см) и рядов сырцового кирпича (преобладающего стандарта 50 x 30 x 12 см). Как показали раскопки, сооружение перестраивалось. Можно говорить, по крайней мере, о двух строительных периодах с частичными перестройками в каждом из них (рис. 52-54).

Первоначально здание имело обходной коридор, обломки стен и пола которого сильно заматы, следы горения зафиксированы в культурном слое и над входным пандусом (рис. 52-53). Затем внутренняя пахсовая стена обходного коридора была срезана, пространство внутри здания забутовано глиной и кусками кирпичей, поверх которого выложены два нивелировочных горизонтальных ряда кирпичей. Вся внутренняя площадь сооружения вновь поставленными стенами делилась на четыре неравных камеры. Северные сектора разделялись стенами, отходящей от северной стенки, а южные - коридорчи-

ком-пандусом, ведущим через проход в центральной стене к входу (рис. 52). Стены верхнего строительного периода покрыты толстым слоем глиняной с саманом обмазкой, сильно прокаленной. Несмотря на частичные перестройки, изменявшие размеры и форму камер, бесконечное подновление полов и выкладки под ним, принцип этой планировки сохранился.

Следы интенсивного горения зафиксированы особенно на нижних полах. На верхнем уровне следы горения отмечены лишь частично в северо-восточном секторе и "коридорчике-пандусе". Над прослойками песчано-глинистых намывов наряду с обгорелыми обломками человеческих скелетов встречены и слои камыша и прутьев (рис. 53). Следы намывов отмечены повсюду на стенах и полах сооружения. Можно говорить не менее, чем о семи погребенных в последний период бытования навзоеля. Некоторые из захоронений были, безусловно, положены на деревянных носилках, однако, на двух черепах отмечены следы горения.

Среди погребального инвентаря, и прежде всего керамики, в целом характерный для чирикрабатского комплекса второго этапа (см. ниже), надо отметить сосуд кострового обжига с серой ангобированной поверхностью с резким перегибом тулова, с орнаментом в виде горизонтальных и косых линий и наколов (рис. 37, 35). Данный сосуд близок вышеупомянутым сосудам из квадратного навзоеля городища Чирик-рабат /В.А.Лоховиц, 1963, с. 221/ и, очевидно, также может быть отнесен к разряду культовых. Золотая серьга из витой проволоки с жемчужиной и коралловой подвеской тождественна найденной в навзоеле Бабиш-мулла 2 /С.П.Толстов, 1962, с. 166, рис. 94/ и коррелируется с серьгами из раскопок К.А.Акишева могильников Сыры-Булак и Коктума (IY-II вв. до н.э.) в Семиречье /К.А.Акишев, 1983, с. 137, с. 140/. Костяные ручки с орнаментом, аналогичные найденной в навзоеле Чирик-2, известны как в сарматских и скифских памятниках Поволжья /М.Г.Можкова, 1963, с. 38, табл. 22, 16, 18; Б.И.Граков, 1962, с. 110 рис. 9/, так и в среднеазиатских могильниках последних веков до н.э. и первых веков н.э. /Ю.Д.Баруздин, 1956, с. 66, рис. 10; Б.А.Литвинский, 1959, с. 79, рис. 4; О.В.Обельченко, 1956, с. 209, рис. 5/. Такие находки, как вышеупомянутые бусы, прежде всего, круглая каменная черная бусина с белым орнаментом

пятиугольниками, костяная туалетная ложечка, каменные курильницы, каменные оселки, бронзовые наконечники стрел, ближайшие аналогии имеют в материалах сарматских могильников /М.Г. Мошкова, 1963, с. 45, табл. 30, 47, 50; табл. 31, 16; с. 40-41, табл. 26, 7, 8; с. 39, табл. 23, 8, 9; табл. II, рис. 20; К.Ф. Смирнов, 1973, с. 173, 174/. Любопытно отметить в слоях мавзолея Чирик-2 находку коробочки мака. Остатки погребального инвентаря (керамика, каменная курильница, многочисленные мелкие стеклянные бусы, круглая каменная бусина черного цвета с белым орнаментом в виде расходящихся пятиугольников, костяная туалетная ложечка и рукоятка ножа с резным орнаментом, золотая серьга из витой проволоки с жемчужиной и коралловой подвеской, бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 37, 28-37; рис. 54б) позволяют датировать мавзолей Чирик-2 концом IY-II вв. до н.э. (вероятно, верхний его слой III-II вв. до н.э.).

Мавзолей типа Баланды 3 (расположен в 3-х км к востоку-юго-востоку от крепости) уже лишен обходного коридора. Все здание (диаметром 8,6 м, высотой 3 м) со стенами из чередующихся рядов пахсовых-блоков и сырцовых кирпичей (формата 50 x 30 x 10 см) поставлено на 1,5 м. высоты цоколь (из мелких комков битой глины). Внутреннее пространство разделено на четыре сектора проходящей по диаметру основной стеной со сдвинутым от центра к югу проходом в ней и перпендикулярно основной стене со сдвинутым от центра к югу проходом в ней и перпендикулярными основной стене со скользящими проходами вдоль нее. Следы интенсивного горения отмечены лишь в северных секторах. Все здание заполнено песчано-глинистыми намывами (рис. 55), следы которых сохранились и на обломках стен. Никаких завалов сводов как и во всех вышеописанных мавзолеях, не зафиксировано. Судя по останкам человеческих скелетов можно говорить не менее, чем о семи погребенных в последний период бытования памятника, при этом три черепа явно были в сильном огне. Среди погребального инвентаря отметим фрагменты нескольких кухонных горшков и двух красноглиняных станковой работы кувшинов (рис. 37, 26-27), типичных для чирикрабатского керамического комплекса второго этапа (см. ниже). Интересна находка фрагментов красноглиняного же изделия с ручкой, изготовленного тщательной ручной лепкой, по-

крытого снаружи густым красным ангобом и дощением. Такие сосуды характерны для соседней джетмасарской культуры. Мавзолей, внешне подобие вышеописанным, отмечен на территории чирикрабатской культуры неоднократно. Среди них упомянем мавзолей в II км юго-западнее возвышенности Аккыр (поиск 36/63), который весьма близок по внешнему облику мавзолею Кзыл-тепе и Тышкан-тепе, но меньше размерами (при диаметре 12 м, он сохранился в высоту 1,3 м). Как и в последний период бытования Кзыл-тепе, в рассматриваемом мавзолее в центре прослеживается квадратная в плане камера со следами внутреннего деления, заключенная в обвод круглых стен и подобия коридора. Тому же мавзолею Кзыл-тепе, а еще более мавзолею № 2 могильника Тангискен, чрезвычайно близок один из южных погребальных памятников "Бельтам", расположенный в 6,5 км к северу от колодца Бельтам (рис. 56), диаметром 20,8 м, сохранявшаяся высота 2,8 м. Поставленная на стилобате центральная часть, разделенная на четыре почти равных сектора, крестообразно пересекающимися кирпичными стенами, окружена коридором (2,5 м ширины). Следы интенсивного огня зафиксированы внутри коридора и по его стенам, и в трех камерах центральной части мавзолея. Вход в погребальное сооружение вел с юга. Кирпичи стен - подквадратные в плане (стандарта 40 (41) x 40 (41) см).

Четыре камеры имеют и сравнительно небольшой (диаметром 9 м., высотой 2,1 м) мавзолей, находящийся в 12 км к северу от гыра Сенгиртам и зафиксированный в поиске 64/59 инкардаринского маршрута (рис. 57). Расположенный в нескольких километрах юго-восточнее крепости Кабул-кала мавзолей Чагирлам-2 сохранился гораздо хуже. Диаметр этого сооружения - 15 м, высота - 2 м. На данном мавзолее довольно четко просматривается окружная стена, шириной не менее двух кирпичей (стандарт кирпичей 40 x 40 см), а также массивная центральная и отходящая от нее к северо-востоку. Даже при кратковременном обследовании было отмечено значительное количество самана в обломках стен и наличие намывов на обломках (рис. 57 б).

Среди подобных мавзолеев отметим погребальное сооружение, известное как поиск 51/60, расположенное в 20 км западнее крепости Баланды. В 7 км к северо-востоку от мавзолея Чирик-2 и в

3 км западнее аула Тогай найдено еще подобное сооружение (поиск 22/63) на высоком стилобате, диаметром 15,5 м. Помимо центральной мощной стенки, идущей в широтном направлении, с севера и юга прослежены перпендикулярные первой небольшие стеночки.

На северной окраине чирикрабат того оазиса обследован еще целый ряд мавзолеев вышеописанного типа. Один из наиболее интересных находился в точке 534 (рис. 58) в окружении целого ряда поселений на каналах. К югу же от этого погребального сооружения было поселение гончаров с остатками керамического производства. Сам мавзолей в точке 534, диаметром 17,5 м сохранившийся на высоту 3,4 м, имел внешние стены (2-х метровой толщины), возведенные из чередующихся слоев пахсы и прямоугольного в плане сырцового кирпича (стандарта 50 x 30 см), а также центральную, проходящую по линии юго-запад - северо-восток стену. Рекогносцировочные раскопки и зачистки выявили ров шириной 1,5 м вокруг сооружения. Внутреннее пространство памятника разделено на шесть камер. Вход в мавзолей вел с юго-востока в центральную камеру юго-восточной половины здания. Проходы в стенах (шириной 0,9 м) выводили в соседние, сегментовидные помещения здания. Последние в свою очередь соединены с симметричными им помещениями в северо-западной половине мавзолея (рис. 58). Центральное же помещение северо-западной половины по конфигурации и размерам тождественно симметричному ему входному. Центральная стена мавзолея вдвое шире остальных стен, разделяющих камеры (1,8 м и 0,9 м). Все стены обмазаны толстым слоем глиняных обмазок, на которых четкие следы дождевых потеков. Камеры были заполнены намытыми песчано-глинистыми слоями с включением фрагментов человеческих костей, обрывков переплетенного тростника и обломков деревянных плашек. Среди находок с данного мавзолея обломки кварцевых сколов, лодил, фрагменты керамических сосудов, характерных для чирикрабатского комплекса второго этапа (см. ниже), обломки каменной чаши на кольцевом поддоне и др. (рис. 37, 4, 5).

В 14 км южнее вышеописанного был мавзолей, в точке 530 (рис. 59). Диаметр его - 9,5 м, сохранившаяся высота - 2,8 м над уровнем окружающей поверхности. Кирпичные стены, толщиной 1,2 м, поставлены на высокий цоколь из комков битой глины.

Внутреннее пространство мавзолея разделено на четыре камеры. Центральная стена, толщиной в 1 м, имеет меридиальное направление. Вход в здание находился в юго-западной части. Проход в центральной стене соединял обе южные камеры, которые в свою очередь сообщались с северными камерами проходами в стенах, перпендикулярных основной меридиальной стене. Вокруг мавзолея в точке 530 был прослежен неглубокий ров шириной 1,5 м. Рекогносцировочные раскопки в юго-западном секторе выявили, что камеры были заполнены глинистыми намытыми слоями с включениями большого количества камыша, дерева, обломков костей человеческих скелетов, фрагментов керамики. Последняя идентична керамике памятников чирикрабатской культуры второго этапа (см. ниже). На глиняных обмазках стен фиксируются следы дождевых натеков. Поскольку внутренняя планировка, размеры, сам характер данного памятника тождественны мавзолею Баланды 3, можно предположить, что и там вокруг строения существовал ров.

В 8,5 км к юго-востоку от мавзолея в точке 530 расположен еще один мавзолей под именем точка 528 (рис. 60). По размерам он вдвое превышает вышеописанный мавзолей, но очень сильно смыт. Диаметр его 18,5 м, внутреннее пространство разделено на четыре камеры. Среди керамического комплекса, в целом характерного для чирикрабатской культуры, отметим бокал кострового обжига на ножке (рис. 37, 9-16).

В 2 км к западу от городища Баланды в 1986 году был зафиксирован еще один круглый же мавзолей, названный Баланды 7 (рис. 61), (Баланды 5 и 6 - это развалины двух круглых в плане построек (диаметром 9,2 м и 8,4 м) между мавзолеем Баланды 3 и могильником Баланды 4 на расстоянии 1,5 км друг от друга). Мавзолей Баланды 7, диаметром 10,5 м, сохранившийся на высоту 1,2 метра, имел четыре камеры и был окружен ровом. Центральная стена (толщиной, как и окружающая 1,5 м) проходила по оси юго-восток - северо-запад и имела проход в южной трети. Проходами в тонкой, перпендикулярной основной, стене южная и восточная камеры соединялись с западной и северной. Можно отметить большое количество самана в обмазках стен. Мавзолей очень сильно смыт и фрагменты керамики, найденные в нем, позволяют лишь соотнести их с чирикрабатским комплексом.

Сравнительно более поздний комплекс находок известен из погребального сооружения Асар (рис. 62-64). Оно расположено в 5 км к востоку от мавзолея Баланды 2 и в 4,5 км к северо-востоку от мавзолея Баланды 3. Памятник был раскопан целиком, после чего системой шурфов и траншей было выявлено, что вокруг мавзолея был ров, а сам он воздвигнут на невысоком (0,6 м) цоколе. Стены здания (диаметром 15 м) построены из чередующихся рядов пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (стандарта 50 x 30 x 12 см) на толстом слое глиняного раствора с примесью большого количества самана. Вход в мавзолей, как обычно, вел с юга, где в стене сохранились две ступеньки. Внутреннее пространство разделено на две половины проходящей по центру стеной (толщиной 1,8 м) с проходом, сдвинутым к югу. На глиняных с самачом обмазках пола и стен зафиксированы мощные слои песчано-глинистых натеков и наливов. В заполнении мавзолея (рис. 64), состоявшем из перегнивших органических остатков, большого числа разрозненных фрагментов человеческих скелетов, перемешанных с кусками камышево-тростниковых настилов, обломков дерева (в том числе фрагментов деревянных гробов и носилок с резными плавками)*, практически не было следов огня, за исключением северо-восточного угла, где был найден единственный обгорелый череп (из общего числа обнаруженных 20 черепов). Исследования выявили остатки не менее восьми носилок (и гробов), с различными резными плавками и простыми (рис. 66). Погребения на носилках или в решетчатых гробах известны как в Поволжье, так и в Средней Азии, по крайней мере, с IY в. до н. э. /М.Г.Мошкова, 1963, с. 22, табл. 3, 10, табл. 4, 5-7; А.Н.Бернштам, 1940, с. 12; С.С.Сорокин, 1961, с. 134, табл. XII; Ю.Д.Баруздин, 1959, с. 59; Б.И.Вайнберг, Л.М.Левина, 1968, с. 71-74, рис. 30). Надо отметить, что различные детали таких носилок и гробов были встречены в мавзолее Бабиш-мулла 2, в верхнем горизонте Чирик-2, а также в мавзолее Баланды 2-(см. ниже). Однако носилки и гробы из мавзолея "Асар" отличаются от вышеупомянутых парадностью своего облика. До сего времени не знаем

* Реконструкции носилок и гробов сделаны авторами совместно. Рисунки носилок выполнены Б.И.Вайнбергом.

полных аналогий резным деталям носилок и гробов из мавзолея Асар. Среди других находок упомянем две плетеные круглые корзинки (диаметром 20 и 23 см, высотой 9-10 см), исполненные техникой спирального плетения, обтянутые снаружи кожей, и плоские плетеные же крышки к ним (рис. 65). Аналогичные плетеные корзины с крышками найдены в карабулакском могильнике в Предгорной Фергане /Ю.Д.Баруздин, 1956, с. 68, рис. 9; Ю.Д.Баруздин, 1961, с. 59, рис. 9, с. 60, рис. 9а. Здесь же приведена сводка подобных находок в Средней Азии; Н.Г.Горбунова, 1986, р. 328, pl. XLIX/, в Восточном Туркестане в дельте Кумдарьи в могильнике раннеханьского времени /Folke Bergman, 1939, pp. 82-83, 119-120, pl. 21, 1/.

Любопытны также полусферической формы чаши, деревянная и из тыквы со следами ремонта (скрепленная бронзовой проволокой). Подобные (не плоскодонные) чаши известны в среднеазиатских могильниках последних веков до н.э. и первых веков н.э., таких, как, например, Кара-Булак /Ю.Д.Баруздин, 1961, т. XI/, Кулпак-Сая /I в. до н.э. - В.И.Спришевский, 1956, с. 72, рис. II/, Кенкол /А.Н.Бернштам, 1940/. В юго-западном секторе мавзолея были обнаружены два деревянных сосуда типа "пиксид" (рис. 65). Найденные в мавзолее костяные тщательно отполированные бусины цилиндрической и конусовидной формы (рис. 65) аналогичны найденным в Актанском могильнике Ферганы /Н.Г.Горбунова, 1962, с. 101-102, рис. 3, 41/, в сарматских могильниках Поволжья и Приуралья /М.Г.Мошкова, 1963, с. 46, табл. 32, 10-12/. Керамика, найденная в культурном слое мавзолея (рис. 37, 1-3), тоже характерна для чирикрабатского керамического комплекса второго и третьего этапов. Таким образом, остатки погребального инвентаря (бронзовые наконечники стрел, керамика, каменные и костяные бусы, деревянные и тыквенные сосуды, плетеные корзинки и др. находки) позволяют датировать данный мавзолей в пределах III-II вв. до н.э.

Расположенный к северу от гира Сенгир-там мавзолей в поиске 73/59, диаметром 25 м, со стенками, сохранившимися на высоту 2 м, как и погребальное сооружение "Асар", имел внутри лишь одну, проходящую по диаметру стену с проходом в центре, низкий (30 см) цоколь, вход на юге, а на глиняных, с большим количест-

вом самана, обмазках стен отмечены многочисленные намывы и потеки.

Близкую внутреннюю планировку, качество глиняных обмазок отмечаем и в мавзолее поиска 72/59, диаметром 13,5 м, высотой 1,8 м, находящегося в 14 км к востоку от городища Чирик-рабат (рис. 67). При рекогносцировочном обследовании в 1986 г. вокруг этого мавзолея был также обнаружен ров, шириной 1,3 м, зафиксирован цоколь высотой 0,4 м, на котором возведены стены из прямоугольного в плане сырцового кирпича (стандарта 50 x 30 x 10 см). Вход в мавзолей находился на юге - юго-западе. Внутреннее пространство разделялось стеной, проходящей в направлении восток - юго-восток - запад - северо-восток, имевшей такую же ширину, как и внешняя окружная стена (1,2 м). В восточной четверти центральной стены был проход. Западная четверть внутреннего пространства мавзолея отсекалась стенкой (толщиной 0,6 м), перпендикулярной центральной стене с проходами в южной и северной ее частях. На обмазках стен также зафиксированы дождевые потеки. При рекогносцировочных раскопках в данном мавзолее, как и в Баланды 7, следов огня не отмечено. Находки с мавзолея включают в себя обломки кварцита и фрагменты керамики. Последние могут быть соотнесены с чирикратбатской керамикой третьего этапа.

Несколько отличается от вышеописанных по своей внутренней планировке мавзолей № I могильника Тагискен (диаметром 16,3 м, сохранившаяся высота 2,8 м), хотя внутри окружной кирпичной стены (толщиной 2,4 м) насчитываем четыре крестообразно расположенные камеры, прямоугольные в плане (рис. 68). Само же расположение камер исключает наличие центральной и перпендикулярных ей стен. Окружная стена и заполнение между камерами выложены из квадратного в плане сырцового кирпича. Немногочисленные фрагменты сосудов коррелируются с комплексами чирикратбатской керамики второго и третьего этапов.

Среди чирикратбатских погребальных сооружений выделяется купольный мавзолей Баланды 2 - круглое в плане здание (диаметром 16 м, сохранившиеся на высоту 4,5 м. - рис. 69). Вход расположен в южной части здания и оформлен в виде намечающегося портала с арочным перекрытием. Центральное круглое помещение,

диаметром 5,5 м, перекрыто ложным куполом и заключено в обвод афилады из семи сводчатых помещений, разделенных на две части. Внешняя поверхность стен здания обработана двадцатью пятью выступающими треугольными лопатками /Толстов С.П., 1962, с. 174-177/ (об архитектуре и строительной технике - см. выше). Мавзолей был ограблен еще в древности, но керамический комплекс (в основном из расклинок сводов - рис. 45) и остатки погребального инвентаря позволяют датировать его IY - III вв. до н. э. Надо отметить также фрагменты деревянных гробов или носилок, подобных найденным на Бабин-Мулле 2 и "Асар".

Исследование мавзолеев чирикратбатской культуры, в том числе и анализ их инвентаря, дает возможность считать, что среди основной массы их, очевидно, к наиболее ранним относятся сооружения с обходным коридором, где первоначально также происходило горение (Кзыл-тепе, мавзолей № 2 могильника Тагискен, нижний строительный горизонт Чирик 2 и др.) (рис. 70). Центральная часть мавзолеев, возведенная на стилобате, делилась на четыре камеры. Впоследствии эти обходные коридоры могли выродиться во рвы, прослеживаемые вокруг и самих поздних зданий (например, "Асар", поиск 73/59). Внутренняя планировка также меняется, постепенно теряя свою "крестообразность" и сохранив лишь деление на две половины. Судя по натекам на обмазках стен и полах, подавляющее большинство мавзолеев не имело постоянного перекрытия.

Некоторые погребальные сооружения отличаются от основной массы. Прежде всего это относится к большим мавзолеем на городище Чирик-рабат и Бабин-мулла 2. Безусловно, все три мавзолея предназначены были для погребения знати. Но и у круглого погребального здания Чирик-рабата и у Бабин-Муллы 2 существовали "крестообразная внутренняя планировка, обходной коридор, цоколь (малый стилобат на Бабин-Мулле 2 и небольшой цоколь при высоком суфах в круглом мавзолее Чирик-рабата). В квадратном погребальном сооружении Чирик-рабата отмечена лишь кирпичная выкладка под полами и наличие двух камер. Помимо основной двухкамерной планировки с поздними круглыми мавзолеем этот памятник сближает и отмеченное для них наличие небольшого цоколя, более поздней даты керамики и другого инвентаря, большой

процент самана в обмазках стен и пола.

Особняком стоит и мавзоль Балаанды 2, что предположительно объясняется и его дополнительными специфическими культовыми функциями (помимо погребальных).

Как выше говорилось, планировка круглых мавзолеев с внутренним крестообразным пересечением стен могла иметь и местные корни. Весьма вероятна связь чирикрататских погребальных сооружений типа Кзыл-тепе, мавзолей № 2 Тагискена и др. с характерными для более раннего сакского населения этих районов "шлаковыми" курганами и некоторыми ранними мавзолеем могильника Тагискен (№ 6*), с характерной планировкой и обрядом кремации /Толстов С.П., 1962, с. 201 и сл.). При этом нельзя исключить и определенные "чужие" (возможно, южные, в том числе и мазентские) влияния. Переход от кремации к труповыставлению наблюдается в одних и тех же мавзолеех (например, Чирик 2), но наряду с этим отмечаем и существование обоих обрядов в различных, но одновременных погребальных памятниках.

Возможно, носители чирикрататской культуры пронесли подобный тип погребальных сооружений при своем движении на юго-запад во II в. до н.э. (см. ниже).

ГЛАВА 3 КЕРАМИКА

Как и всегда при археологических исследованиях и в данном случае многочисленным и выразительным материалом, полученным в результате раскопок и разведок памятников чирикрататской культуры, явилась керамика.

Принимая во внимание степень изученности различных памятников этой культуры, в основу стратиграфического анализа керамического комплекса были положены материалы, полученные

* Необходимо отметить, что ранние мавзолей Тагискена также, как сооружение № 6, в свою очередь, генетически связаны с соседней джетмасарской культурой (например, керамический комплекс, строительная техника и т.п.).

при раскопках городища Бабия-Мулла I (прежде всего - "донжона"), стратиграфического и иных раскопок городища Чирик-рабат, с учетом также материалов других многочисленных поселений и погребений.

Имеющийся в настоящее время керамический комплекс может быть разделен на три последовательно сменяющихся этапа: первый - с рубежа У-IV вв. до н.э. до 330 г. до н.э.; второй - от последней трети IV в. до н.э. - условно до середины III в. до н.э.; и третий этап - в пределах второй половины III - не позднее начала II в. до н.э.

Всю керамику* по технологической характеристике можно отнести к двум большим группам: I - сосуды грубой ручной лепки кустового обжига, явно домашнего изготовления, и 2 - сосуды, в основном сформированные с помощью гончарного круга, горнового обжига, ремесленного производства. Внутри каждой группы сосуды делятся по формам и назначению более подробно на типы и подтипы.

Керамика первой группы (рис. 71, 2,3) составляет 32,4% всех имеющихся в коллекции сосудов (не менее 657 экземпляров). Среди них по форме выделяются горшки, котлы, чаши, миски, "сковороды-жаровни" и др. (рис. 72, табл. 1). Все виды сосудов первой группы чирикрататских памятников предшествующего хронологического периода (УП-У вв. до н.э.) той же территории бассейна средней Кандарьи и Инкардарьи /Толстов С.П., 1962, с. 137, рис. 73, 104; Толстов С.П., Итина М.А., 1966, с. 151-172; Вишневская О.А., 1973, с. 74-77, табл. XXII, XXIII; Левина И.М., 1979, с. 178-190, рис. 7-9/.

Горшки (рис. 1, 1-5, 12-14, 23-32, 37-44, 48-54, 61-69; рис. 2) составляют 74% от общего числа сосудов первой группы**.

Такие сосуды имеют плоское дно, диаметр которого близок или чуть меньше диаметра края, вытянуто-округлое тулово и слегка отогнутый наружу простой, иногда слегка утонченный или же

* Речь идет о коллекции, насчитывающей около 60 000 фрагментов, в результате обработки которой можно говорить о наличии в ней 2028 экземпляров сосудов (целых, археологически целых и частично фрагментированных). Естественно, здесь речь идет лишь о сосудах.

** В коллекции насчитывается 486 горшковидных сосудов первой группы.

уголщенный край. По габаритам сосудов, степени вытянутости и выпуклости тулова, характеру венчика или края можно выделить три подтипа и несколько вариантов (рис. 2). Преобладание того или иного подтипа по этапам не устанавливается (табл. 1). Подобные горшки распространены на значительной территории в большой хронологический период, но наиболее близкие аналогии находим в сакских памятниках УП-У вв. до н.э. той же средней Ханидарьи и Инкардарьи /Толстов С.П., 1962, рис. 104; Левина Л.М., 1979, с. 184 и сл., рис. 7, 4-10, 31-35; рис. 8), в памятниках савроматской и сарматской культур нижнего Поволжья и Южного Приуралья /Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 7, 12, 13, 20; табл. 8, 13, 15, 16, 28; Мовшкова М.Г., 1963, табл. 7, 14, 21-22), а также в памятниках первого этапа соседней джетишарской культуры /Левина Л.М., 1971, рис. 15, 10-16/. В последнем случае можно говорить не только об аналогиях, но и полном тождестве. Так, например, среди сосудов подтипа В₃ значительна группа горшков с маленьким венчиком, диаметр которого намного превышает диаметр плоского дна, что характерно для промаций джетишарских горшков, а внешний вид их тождественен такому джетишарской культуры. Среди горшковидных сосудов "джетишарский импорт" составляет не менее 5,5%. Все горшки (рис. 71, 23-32, 37-44, 48-54, 61-69) имеют в глиняном тесте примеси песка, шмота, покрыты жидким беловатым или серым ангобом, обычно частично закопчены снаружи. Размеры горшков различны: при высоте от 10 до 48 см, диаметры венчиков 7 - 28 см, диаметры дна - 5-23 см, тулова - 8 - 38 см, при высоте 15-20 см.

Котлообразные сосуды встречаются гораздо реже (чуть более 7% сосудов первой группы). В коллекции отмечено более трех десятков котлов, найденных на всех этапах. Для котлов характерно широкое устье с плоским или уплощенным краем, со сплошными или петлеобразными ручками, часть котлов имела конической формы поддон (рис. 71, 77, 76; рис. 72).

5,3% сосудов первой группы составляют широко открытые миски (рис. 71, 55-60; рис. 72) с плавно округлыми стенками и утонченным краем. Такую же простую форму имеют немногочисленные чаши (рис. 71, 33-36; рис. 72, табл. 1).

Различного размера "сковороды-жаровни" - более частая находка на всех поселениях чирикрабатской культуры (6% сосудов первой группы - рис. 71, 80-89; рис. 72). Между собой они различаются габаритами и толщиной стенок, обычно покрытых беловатым или серым ангобом.

Из других форм сосудов первой группы отметим котлообразные или горшковидные сосуды с цилиндрическими сливами на верхней части. Все они найдены в слоях первого этапа культуры. Единичные находки фрагментов таких сосудов (рис. 71, 7; рис. 72, табл. 1) были на поселении в районе господица Чирик-рабат, на самом городище Чирик-рабат, в могильнике Бабиш-Мулла 6. Ближайшие аналогии данным сосудам в значительном количестве находим в сакских памятниках УП-У вв. до н.э. на той же территории среднего течения Ханидарьи и Инкардарьи, как на поселениях, так и в погребальных сооружениях /Вишневская О.А., Итина М.А., 1971, с. 204, рис. 6; Вишневская О.А., 1973, с. 76, рис. 46, табл. IX, 21; табл. X, 20; табл. XXII, 9-11; табл. XXIII, 1-2; Левина Л.М., 1979, с. 187, рис. 9, 1, 2, 10-12/. Близкие по форме сосуды, но в отличие от вышеописанных - круглодонные, характерны для многих среднеазиатских культур и памятников сакского времени, таких как кумсайская культура в Хорезме /Б.И. Вайнберг, 1975, с. 42-48, рис. 15, 21-27; Вайнберг Б.И., 1979, с. 14, с. 54, табл. У, 2-5/, бургулукская культура в Ташкентском оазисе /Тереножкин А.И., 1940, с. 32-33; Тереножкин А.И., 1979, с. 21, рис. 6; Дуке Х., 1982, с. 45, рис. 6, 8; с. 91, рис. 18, I-3; Б.Абдуллаев, Х.Дуке, 1987, с. 14-21, рис. I, I-2, 9/, верхних слоев поселения Кучуктепе Сурхандарьинской области /Аскарбеков А., Альбаум Л.И., 1979, с. 104, табл. 14, 2, 3/, памятников Семиречья и соседних районов /Акишев К.А., 1954, с. 17, табл. П, 18, 27; Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963, с. 96, рис. 103, рис. 92, I-2; Лервинштам А.Н., 1950, табл. ХСУ, 53, 55; И.Кожимбердиев, 1977, с. 16, рис. 4, с. 17, рис. 5/. Аналогичные плоскодонные сосуды отмечены в памятниках савроматской культуры Южного Приуралья /Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 7, 34, 37, табл. 8, 36; Смирнов К.Ф., 1964, с. 358, рис. 66, 5/, но К.Ф. Смирнов считал эти сосуды привезенными из Средней Азии /Смирнов К.Ф., 1964, с. 118, 119/. Вероятно, для чирикрабатского кера-

нического комплекса такие сосуды являются архаизмами.

Основная масса керамики первой группы неорнаментирована и лишь менее 3% сосудов украшено нем или иным способом (рис. 71). Это и прочерченный или прорезанный по сырой или слегка подсушенной глине волнистый, зигзагообразный орнамент на тулове, иногда дополненный точечными вдавливаниями, а также насечки по краю ("бережку") (рис. 71, 1-6, 8, 12-17, 21). На первом этапе чирикрабатской культуры найдено лишь два сосуда с орнаментом в виде насечек по краю. Горшки с насечками по краю, нарезанные палочкой по еще сырой глине, встречаются в керамических комплексах "донкона" Бабиш-Мулла I, поселений в окрестностях городищ Бабиш-Мулла I, Баланды I, Сенгир-кала. В последнем случае вместе параллельных друг другу насечек на уплощенном крае сосуда насечки располагались под углом относительно друг друга. Тождественные по форме и орнаменту в виде параллельных косых насечек по краю горшки чрезвычайно характерны для соседней джетынасарской культуры / Л.М.Левина, 1971, с. 29, рис. 9, 7-15, рис. 15, 12-14/. Известны подобные сосуды и в памятниках тасмолинской культуры Центрального Казахстана /Кадырбаев М.К., 1966, с. 393, рис. 61/. Отдельные экземпляры плоскодонных горшков с такой орнаментацией отмечены в материалах памятников савроматской и прохордарьской культур Поволжья /Смирнов К.Ф., 1964, с. 355, рис. 63, с. 357, рис. 65, 1; Мовкова М.Г., 1963, табл. 7, 4, 9/. Вероятно обнаруженные в чирикрабатском керамическом комплексе единичные сосуды с прочерченными, частично заштрихованными насечками, или же с зигзагообразным орнаментом, иногда сочетающимся с горизонтальными полосами, могли быть заимствованы жителями бассейна Ханыдары от северных соседей, населения джетынасарского урочища, где подобные узоры широко распространены.

Около 1,5% керамики первой группы в нашей коллекции составляют небольшие котлообразные сосуды усеченно-биконической формы с перегибом тулова и горизонтальным валиком на средней части. Сосуды покрыты ангобом темносерого цвета и подглазены. Некоторые из них орнаментированы наколами и прорезными линиями, иногда разукладываются елочный узор (рис. 71, 8, 15-17, 20). Такие сосуды найдены, главным образом, в погребальных сооружениях (в мавзолее Чирик-2, квадратном мавзолее Чирик-рабата и др.), но встре-

чены они и в стратегическом раскопе на городище Чирик-рабат. У половины подобных сосудов валик, огибающий среднюю часть тулова, загнут кверху, а у двух сосудов оттянутые части загнутого кверху валика превращены в симметрично расположенные ручки-ушки с отверстиями для подвешивания. У одного из этих сосудов из квадратного мавзолея Чирик-рабата край приподнятого валика был украшен глубокими нарезками /Лоховиц В.А., 1963, с. 218, рис. 3/. Местонахождение этих сосудов позволяет предполагать их культовый характер. Полных аналогий таким сосудам пока указать не можем, но интересен факт находки близкой формы в кургане Коркино II в окрестностях Красноярска, датированного концом II стадии тагарской эпохи /Николаев Р.В., 1966, с. 201, рис. 5, 2; Николаев Р.В., 1980, с. 239, 242, рис. 2, 1-3/. Р.В.Николаев предполагал, что такой тип сосудов характерен для племен, живших на территории окрестностей Красноярска /Николаев Р.В., 1966, с. 206/, но число найденных там сосудов (не более 4-х экземпляров) делает такой вывод гипотетичным. Вероятно, в качестве гипотезы можно рассматривать и наше предположение о генетической связи таких сосудов с некоторыми формами небольших котлов, характерных для памятников саков УП-У вв. до н.э. средней Ханыдары и Инкардары /Левина Л.М., 1979, с. 185, рис. 7, 13/, непосредственных предков и предшественников населения чирикрабатских поселений и городищ.

В рассматриваемом керамическом комплексе редки находки простейшей формы крышек (рис. 71, 45, 46), единичны бокаловидный сероангобированный сосуд (рис. 71, 72 - из погребального сооружения - т. 528) и кружка с прямыми стенками (рис. 71, 47 - могильник Бабиш-Мулла 6). Последняя напоминает кружки из комплекса Джетынасар I.

Удельный вес керамики первой группы заметно понижается от этапа к этапу. Так, на раннем этапе чирикрабатской культуры сосуда первой группы составляют 39%, а на третьем - менее 27% всех сосудов, имеющихся в нашей коллекции.

Сосуды второй группы - все ремесленного производства, изготовленные в абсолютном большинстве случаев на гончарном круге быстрого вращения из хорошо промешанной и отмученной глины, покрытые снаружи жидким беловатым или красно-коричневым ангобом.

По форме и назначению среди сосудов второй группы выделяем хуми, хумчи, горшковидные сосуды, котлообразные, кувшины, фляги, чаши, миски, сосуды типа тагора, крыжки и др. (рис. 74, а-г).

Крупные толстостенные сосуды, предназначенные для хранения жидкостей и зерна (хуми, хумчи, крупные горшковидные сосуды) могут рассматриваться вместе. Эти сосуды составляют чуть более 30% керамики второй группы (413 экземпляров) (рис. 75, рис. 76). По форме верхней части сосуда, тулова и венчику они делятся на два типа, которые в свою очередь подразделяются на подтипы с несколькими вариантами в каждом (рис. 74, а, табл. II).

Сосуды обоих типов изготовлены ленточной техникой на гончарном круге быстрого вращения из хорошо промешанной и отмученной глины с добавлением мелкоотличенного шмота, песка, известковых включений. Большая часть сосудов снаружи покрыта ангобом красного или красно-коричневого цвета: Ангоб наносился или непосредственно на красноватую поверхность сосуда или поверх жидкого беловатого ангоба. Красный или красно-коричневый ангоб часто покрывал венчик и плечики сосуда, а после поворота сосуда растекался ниже по тулову широкими полосами потеков и отдельными каплями. Подобный прием ангобирования на отдельных фрагментах имеет вид организованной росписи, на что в свое время обратил внимание М.Г. Воробьева, приняв ее за ленточный узор /Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А., 1960, с. 34/. У части рассматриваемых сосудов на 5-12 см ниже венчика был валик, иногда перерезанный насечками (рис. 74, рис. 75, 2, 17, 18, 3, 52; рис. 6, 25, 28, 35).

Первый тип составляет более трети (35,6%) сосудов данного вида. К нему относятся сосуды с раздутым в верхней части туловом без шейки, с направленным внутрь Т-образным венчиком с плоским бережком (рис. 75, 1-16). Диаметр уплощенного дна меньше диаметра венчика. На наружной стороне дна видны следы песчаной подсыпки или же крестообразная выпуклость (следы от гончарного круга). На некоторых днах (например, из ямы помещения F I доижона Бабин-муллы I) были отпечатки грубой ткани. Толщина стенок сосуда около дна у отдельных экземпляров достигает 3,5 см. Хорошо прослеживается ленточная техника формовки и послед-

вательность прикрепления различных лент (частей сосуда) на днах и стенках, днаце всегда примазывалось с наружной стороны стенок тулова. Верхняя половина раздутого тулова всегда шире нижней, а его наибольший диаметр приходится на верхнюю треть. Обычно наибольший диаметр тулова в полтора-два раза превышает диаметр венчика. Диаметры последних варьируют в пределах 24-50 см, но преобладают сосуды с венчиками, диаметром 32-44 см. Для венчиков первого типа хумов характерно наличие плоского бережка, ширина которого у подтипа IA₁ достигает 10 см, и выступа или нависания части венчика снаружи (рис. 75, 15, 16, табл. II, рис. 74).

По форме венчика среди сосудов первого типа выделяются три подтипа с тремя-четырьмя разновидностями в каждом (табл. II, рис. 74).

Для сосудов подтипа IA характерны крупные размеры (высота сосуда достигает 1,8 м), в том числе и для венчика, ширина плоского бережка которого 4,5-10 см. Внутренний край венчика оттянут внутрь сосуда (рис. 75, 1-17, 32-33, 43-46, 51-52). Все четыре разновидности подтипа IA различаются между собой размерами венчика и степенью выступания и формой его внутреннего и наружного краев. 80% сосудов этого подтипа встречается в ранних слоях культуры.

Подтип IB при той же форме тулова отличается от подтипа IA не только шириной плоского бережка, но и значительно меньшей степенью оттянутости его вовнутрь сосуда. 50% сосудов подтипа IB найдено в материалах первого этапа, 36,6% их встречено в слоях второго этапа и 13,3% - третьего этапа.

Для сосудов подтипа IC характерен венчик с небольшим плоским бережком без оттянутого внутрь сосуда, но с обычным для сосудов первого типа выступанием наружу внешнего края венчика. 37% сосудов подтипа IC обнаружено в материалах первого этапа, 38,3% - второго этапа и 24,6% - третьего. Для одного из вариантов подтипа IC - IC₄ - характерен орнамент на сосудах в виде валика с насечками, опоясывающего сосуд на 5-6 см ниже венчика (подобно валику на части сосудов подтипа IB), а на части сосудов варианта IC₅ отмечен узор в виде глубоких пальцевых вдавливания по наружной стороне венчика. При этом надо отметить, что если сосуды

подтипа IC₄ с валиком и насечками на нем встречены и на первом этапе рассматриваемого комплекса, то сосуды подтипа IC₅ с пальцевыми вдавливаниями по венчику найдены лишь на втором его этапе (рис. 75, 44, 46).

Первый тип является господствующим в материалах первого этапа, составляя в его слоях почти три четверти сосудов этого вида и 52,4% от всех сосудов типа I в чиркрабатской коллекции.

Сосуды, аналогичные сосудам подтипов IA и IB, известны в материалах памятников Южной Туркмении (таких как Елькен-депе в слоях V в. до н.э., Гарры-Кяриз I (УП-ІУ вв. до н.э.)) /Марущенко А.А., 1969, с. 100, табл. XXVШ, 1-6; Пилипко В.Н., 1984, с. 37, рис. 4, 1/. Известны подобные сосуды и в нижних слоях городища Афрасиаб на стадии Афрасиаб ІВ /Кабанов С.К., 1981, 47, 43, рис. 191-3/, но особенно широко такие сосуды распространены в согдийских памятниках последующего времени с ІУ-Ш вв. до н.э. /Тереножкин А.И., 1950, рис. 69, Ш, 9; Кабанов С.К., 1981, с. 50, рис. 22, 4-7; Шишкина Г.В., 1969, с. 73, рис. 7, 83-89, 146; Кабанов С.К., 1973, с. 54, рис. 12, 26, 27; он же, 1969, с. 186, рис. 3, 25; Шишкина Г.В., 1974, с. 47, рис. 8, 10/. Встречены аналогичные сосуды и в раннепарфянских памятниках /Пилипко В.Н., 1975, рис. 35, 3/. В материалах тех же вышеупомянутых памятниках Южной Туркмении и Согда находим аналогию сосудам подтипа IC с характерными профилированным наружу венчиком /Марущенко А.А., 1959, с. 100, табл. XXXIX, 3, 9; Шишкина Г.В., 1969, рис. 7, 93, 154; Кабанов С.К., 1981, рис. 13, 17, 18; Пилипко В.Н., 1984, с. 37, рис. 4, 3, 10/. Аналогичные сосуды подтипа IC формы в материалах Согда встречаются и в слоях Афрасиаб IA (У-ІУ вв. до н.э.). Некоторые сосуды, относящиеся к разновидности IC₄, орнаментированные пальцевыми вдавливаниями по наружной стороне венчика, тождественны распространенным в Бухарском Согде в материалах аяктепинского этапа (ее ранней фазы), синхронного стадии Афрасиаб ІІ /Ураков Б., 1982, с. 5/. Если, как уже упоминалось выше, хумы подтипов IA и IB характерны, прежде всего, для первого этапа чиркрабатской культуры (например, сосуды подтипа IA единичны даже на втором этапе), то сосуды подтипа IC распределены по этапам иначе: лишь треть их встречена на первом этапе, 40% - на втором, и четвер

их - на последнем третьем этапе. Надо заметить, что если сосуды подтипа IC₄ с опоясывающим их ниже венчика валиком с насечками отмечены на втором и первом этапах в равных пропорциях, то сосуды подтипа IC₅ с орнаментом в виде пальцевых вдавливаний на венчике встречены в основном в материалах второго этапа.

Второй тип (рис. 76, I-4, 6-8, II-20, 26-34, 36-37; рис. 74a) рассматриваемого вида гончарных сосудов характеризуется несколько иными пропорциями, меньшей раздутостью и более сферической формой тулова, наибольший диаметр которого расположен вблизи середины его высоты, наличием горловины и округлым или подтреугольным в сечении венчиком. Высота сосудов второго типа достигает 130-165 см., диаметр дна немного меньше диаметра венчика. Второй тип (57,6% сосудов второго типа и 66% сосудов данного вида в слое) и третьего этапов (38,2% сосудов второго типа и 71,1% сосудов вида, найденных в слоях этапа). Отдельные экземпляры сосудов второго типа зафиксированы и в верхних слоях первого этапа культуры (27% всех встреченных на первом этапе хумов, хумчей, корчаг и других сосудов вида).

Второй тип также подразделяется на несколько подтипов и вариантов (рис. 74, табл. II). Для сосудов подтипа PA характерны крупные подтреугольные в сечении венчики и короткая горловина. Единичные хумы подтипа PA найдены в материалах верхнего слоя первого этапа, 40% сосудов подтипа встречено в слоях второго этапа, остальные - на третьем этапе. У сосудов подтипа PB четко выраженная горловина переходит в крупный округлый в сечении венчик. Подтип PB - наиболее распространенная форма среди сосудов второго типа (64,7% против 6,3% сосудов подтипа PA, 26,9% сосудов подтипа PC и 2,1% - подтипа PD). Все четыре варианта подтипа PB обнаружено в материалах первого этапа (в основном в верхнем слое этапа и лишь два хума этого подтипа найдены в материалах нижнего слоя "донхона" Бабия-Мулла I), около половины (48%) - в материалах среднего этапа, свыше 40% - на третьем, последнем этапе чиркрабатской культуры. Подтип PC характерен для хумчей, сравнительно небольших по размерам хумов и корчаговидных и горшковидных сосудов с несколько отогнутым наружу небольшим подтреугольным или округлым в сечении вен-

чиком, диаметр которого обычно почти равен диаметру дна и нередко в два раза меньше наибольшего диаметра плавно округлого тулова. Разновидности подтипа ПС различаются между собой опять же высотой горловины, формой и степенью отогнутости наружу венчика. Лишь семь экземпляров сосудов подтипа ПС встречено в тех же верхних слоях первого этапа культуры, что и подтипов ПА и ПВ, а основная масса сосудов подтипа ПС также относится к материалам второго (среднего) этапа (56,25% их), при этом на долю третьего этапа приходится 32,8% их.

Как упоминалось выше, орнаментированные сосуды рассматриваемого вида встречаются редко. Помимо вышеотмеченных сосудов подтипа IC₄ и IC₅ с опоясывающим валиком с насечками и пальцами вдавливаниями на венчике были обнаружены единичные экземпляры сосудов с орнаментом в виде насечек по борозку и иногда и по внешней стороне венчика. Два таких сосуда, относящихся к подтипу IC₅, были встречены на поселении Валанды и в погребальном сооружении Валанды 2, еще два - в 3 горизонте стратиграфического раскопа У на городище Чирик-рабат (второй этап чирикрабатской культуры), а три экземпляра, относящихся к подтипам ПВ₂ и ПС₂, найдены в материалах того же второго этапа на городище Бабиш-Кула I и на одном из окрестных поселений (рис. 75, 42-46, 48-49; рис. 74а).

Второй тип рассматриваемого вида сосудов не имеет прямых аналогий ни в одном из более южных среднеазиатских районов, таких как Парфия, Маргиана, Бактрия, Согд, а также Хорезм. На представляется, что такая форма могла развиться на месте в конце первого этапа чирикрабатской культуры, но нельзя исключить предположения о том, что второй тип сосудов данного вида мог вести свое происхождение от форм, изредка встречающихся в памятниках Южной Туркмении доахеменидского и ахеменидского времени /Массон В.М., 1959, табл. XXXIX, 4).

Среди сосудов рассмотренного вида гончарной керамики надо отметить двадцать восемь экземпляров, резко отличных от остальных вышеописанных сосудов, прежде всего своей технологией и техникой изготовления. К сожалению, фрагментарность этих сосудов не дает возможности полно представить их форму, но техника изготовления их тщательной ручной лепкой без применения гончарного

круга, внешняя отделка поверхности, покрытие густым красно-коричневым, местами до черного цвета, ангобом с последующим поддоением, заставляет относить их к формам, типичным для соседней джетысарской культуры. Два таких сосуда были встречены на поселении в окрестностях городища Валанды I, а еще два экземпляра таких хумов обнаружены на поселениях района Кабулкамы в северной части оазиса.

Небольшую группу среди керамики второй группы (ремесленной) чирикрабатского комплекса составляют невысокие (высотой 12-20 см), приземистые (небольшая ширина тулова превышает высоту сосуда) красноангобированные горшки (2,1%). Диаметр дна (иногда на дисковидном поддоне) обычно в полтора раза меньше диаметра венчика. У части горшков диаметр венчика равен высоте сосуда (размеры их в среднем: диаметры дна - 8-14 см, венчиков - 10,5-18 см, наибольший диаметр тулова - 13-23 см, при высоте 12-20 см). По форме тулова, верхней части сосуда, венчика этот вид сосудов делится на два типа (рис. 74б, табл. III). Первый тип представлен горшками без горловины, с плавной усеченно-биконической формой тулова, с утолщенным чуть выступающим наружу маленьким венчиком с плоским борозком, горизонтальным валиком, опоясывающим сосуд на 2 см ниже венчика (рис. 77, 52-53, 69-71, 74-75). Горшки первого типа составляют 31% сосудов этого вида. 70% их найдено в материалах первого этапа, остальные сосуды первого типа обнаружены в слоях второго этапа культуры. Близкие горшкам первого типа формы отмечены в Согде в слоях Афрасиаб I-и II /Шишкина Г.В., 1969, с. 65, рис. 3, 10; рис. 7, 145/. Второй тип горшков представлен сосудами с аналогичной формой тулова, но с выраженной горловиной и отогнутым наружу простым или чуть утолщенным краем, иногда превращающимся в округлый или подтреугольный в сечении венчик. Некоторые такие сосуды снабжены валиком, проходящим под горло на 3 см ниже венчика (рис. 77, 72), реже встречаются сосуды с уступом, отделяющим горло от тулова (рис. 77, 73). Сосуды второго типа обнаружены в материалах уже самых ранних слоев первого этапа, но количественно они преобладают в слоях второго этапа (73% сосудов второго типа и 65% сосудов данного вида в слое). Помимо вышеописанных надо отметить отдельные экземпляры горшковидных

сосудов, вероятно, представляющие собой импортные. Среди последних интересен сосуд, встреченный в материалах верхнего пола помещения № 8 цитадели городища Бабия-Мулла I (рис. 77, 12) с плоским бережком, слегка профилированным наружу венчиком, налипшим валиком на плечиках. Валик на плечиках горшка не опоясывает его сплошь, а местами прерывается и опущенные концы валика образуют подобие налипших треугольников (рис. 77, 19). В то же время этот горшок изготовлен ручной лепкой без применения гончарного круга, обжиг его неравномерный, снаружи он покрыт темносерого цвета ангобом и подлощен (внутренняя его поверхность также серого цвета). Горшковидные сосуды подобной техники изготовления, орнаментации и всего внешнего облика известны на территории соседней джетмасарской культуры. Сосуды аналогичной отделки и технологии составляют 14% горшков.

Около 1% керамики второй группы составляют котлообразные сосуды (высотой до 35 см), толстостенные, в основном с крупным Т-образным венчиком, подобным венчикам хумов первого типа, с широким плоским бережком, направленным внутрь сосуда и профилированным снаружи (рис. 74б, рис. 77, 21-25, 50, 54; табл. III). Такие сосуды в большинстве случаев встречены в материалах третьего этапа чирикрабатской культуры, главным образом, на городище Бабия-Мулла I (на городской пристройке и в верхнем слое цитадели). Аналогичные сосуды найдены в Южной Туркмении в керамическом комплексе Елькен-депе /Марушенко А.А., 1959, с. 101, табл. XXXIX, 9/, подобные формы есть и в Согде в слоях III в. до н.э. /Кабанов С.К., 1981, с. 53, рис. 23, 4/.

Близки вышеупомянутым своеобразные сосуды, по форме представляющие собой нечто среднее между котловидными и сосудами типа тагора. Количественно группа таких сосудов невелика (чуть более 1% керамики второй группы). Такие сосуды найдены в основном в слоях второго и третьего этапов (рис. 74, табл. III). Это также крупные толстостенные широко открытые сосуды (высотой 15-17 см, диаметр венчика до 35 см) с плоским или уплощенным бережком простого края или слегка профилированного наружу венчика (рис. 77, 22-24, 76-77). Часть таких сосудов (из нижнего слоя) ниже венчика опоясаны небольшим валиком (рис. 77, 77)*, у боль-

*Тождественные последним сосуды встречены в слоях IV в. до н.э. на Афрасиабе /Кабанов С.К., 1981, с. 43, рис. 19, 27/.

шинства же симметрично расположены крупные налепы или в виде парных сплошных ручек-упоров, или в виде вертикальных рядов налипших шишечек (по 2-3 налепа в ряду) (рис. 77, 22-24). Этим сосудам, как и вышеописанным, покрыты светлым или красноватым ангобом, иногда красно-коричневый ангоб небрежно нанесен поверх светлого беловатого.

Самая распространенная форма среди второй группы чирикрабатской керамики - кувшины (рис. 74в, рис. 78), составляющие более трети (34,8%) - 477 экземпляров гончарных сосудов (табл. IV). Несмотря на значительные расхождения в размерах (так, высота их варьирует от 11-15 до 45 см, диаметр венчика - 10-15 см, диаметр днища - 10-20 см), эти сосуды по своему облику представляют один тип - горшковобразные кувшины (в абсолютном большинстве без ручек) с яйцевидным туловом, невысокой плавно изогнутой горловиной с отогнутым наружу простым слегка утолщенным краем или маленьким округлым или подтреугольным в сечении венчиком. Диаметр последнего равен или меньше (до 1,5 раз) диаметра плоского днища и в два-три раза меньше наибольшего диаметра тулова. Наибольшее расширение тулова обычно приходится на середину его высоты. Сосуды этого вида можно разделить на несколько подтипов с несколькими вариантами в каждом подтипе (рис. 74в). Между тремя первыми подтипами, составляющими 80,5% кувшинов различия выражаются лишь в форме венчика и края, степени изогнутости горла, в габаритах. Все эти сосуды также красноангобированные, но есть и с покрытием светлым (бело-розовым) жидким ангобом. Довольно часты небрежные назки красно-коричневого ангоба поверх жидкого светлого. 19% этих кувшинов найдены в материалах нижнего этапа культуры (они составляют там 86,6% сосудов этого вида) (рис. 78, табл. IV), 48,8% их встречено в комплексах второго этапа (где они составляют 83% кувшинов) и 12,5% сосудов описанных подтипов отмечено в материалах третьего этапа (здесь они составляют 66% от всех встреченных на третьем этапе кувшинов) (рис. 78, пять левых рядов).

Хотя полных аналогий описанным сосудам в южных районах Средней Азии пока неизвестно, однако по общему облику, прежде всего, верхней части, и отделке эти кувшины могут быть сравни-

ми с подобными из парфянских, бактрийских, согдийских и хорезмийских памятников IY-II вв. до н.э. /Пилипко В.Н., 1975, рис. 35, 2; Мандельштам А.М., 1966, с. 181, табл. XIX, 2; Кабанов С.К., 1981, с. 48, рис. 21, 17; Воробьева М.Г., 1967, с. 315, табл. II, 46/, при этом следует подчеркнуть такой важный момент, как отсутствие ручек у чирикрабатских кувшинов. Более близкие аналогии находим в памятниках сарматской культуры Поволжья среди материалов, которые сами исследователи этой культуры считают импортными /Можкова М.Г., 1963, табл. 12, 13; с. 30/, но в тех же памятниках прохоровской культуры встречается значительное число местных лепных сосудов, форма которых очень близка рассматриваемым кувшинам чирикрабатской культуры /Можкова М.Г., 1963, табл. 7, 17, 30, 38/.

Помимо вышеописанных, среди сосудов донного вида обнаружено 19,5% (93 экземпляра) кувшинов иной формы, иной технологии изготовления и внешнего облика. Лишь пятая часть их изготовлена с помощью гончарного круга, остальные же сформованы тщательной ручной лепкой, в большинстве случаев покрыты густым красно-коричневым или темносерым до черного цвета ангобом и подложены, но встречаются и такие сосуды со светлым ангобом и потеками и мазками красно-коричневого ангоба поверх светлого. Абсолютное большинство этих сосудов имеет прямое почти цилиндрической формы горло и иногда дополнительный валик или горизонтальное рифление на горле (рис. 78, правый ряд). Часть этих сосудов снабжена петлеобразными ручками, круглыми или подпрямоугольными в сечении, прикрепленными к плечикам и горлу, реже к небольшому, но четко выраженному округло-подтреугольному в сечении венчику (кувшинов с ручками в нашем комплексе всего 2,5%). Очевидно, в основной массе вышеописанные кувшины представляют собой импорт в чирикрабатском керамическом комплексе. Они являются типичными для керамики соседней джетысарской культуры. Среди кувшинов чирикрабатской гончарной посуды импортные (главным образом, джетысарские) сосуды составляют чуть более 19%. Они неизвестны в самых нижних слоях первого этапа культуры, появляясь лишь в конце первого этапа (средние слои "донжона" городища Бабиш-Мулла I, где составляют 13% кувшинов слоя), но широко встречаются в материалах второго этапа (17% кувшинов

слоя) и особенно на третьем этапе (34% - см. табл. IY, подтипы Д и след.). Они найдены как на неукрепленных поселениях, например, в районе крепости Баланды I, так и в слоях городища Чирикрабата (в его стратиграфическом раскопе), Бабиш-Мулла I (на верхних полах помещений № 4, 8 и др.), Баланды I, в некоторых погребальных памятниках. Так, например, в помещении № 7 "Большого дома" городища Бабиш-Мулла I в подбутовке под деревянными колоннами второго пола (считая сверху) находились фрагменты дна и тулова кувшиновидного сероангобированного лощеного сосуда хорошей ручной лепки с рифлением в месте перехода к горлу, с наклепным орнаментом в виде шпечек и полулунных валиков (рис. 78, 101). Выше упоминалось, что подобная керамика характерна для джетысарской культуры. Любопытен тот факт, что кувшины с прямым горлом с валиком или горизонтальным рифлением на горле, изготовленные ручной лепкой, покрытые жидким светлым ангобом, часто с мазками и потеками красно-коричневого поверх светлого, отмечены лишь в верхних слоях второго этапа чирикрабатской культуры, а в слоях третьего этапа составляют большинство среди "импортных".

Очень редки среди керамики второй группы фляги (0,5% гончарной посуды - рис. 74, рис. 79). Встреченные в слоях второго и третьего этапов фляги (на первом этапе имеем дело лишь с фрагментами) представляют собой крупные красноглиняные светлоангобированные сосуды (диаметр горла их - 10-12 см, наибольший диаметр тулова - 33-35 см, высота до 45 см) по своей форме (рис. 79, 1, 2) близки флягам, известным в памятниках IY-II вв. до н.э. Парфти /Пилипко В.Н., 1975, рис. 35/, Хорезма /Воробьева М.Г., 1959, с. 105, 109, 210, рис. 31-32/, но в отличие от хорезмийских лишены какого-либо орнамента.

Миски составляют около 18,6% сосудов второй группы. Все они широко открытые, с плавно округлыми или слегка спрямленными стенками, с плоским дном, диаметр которого в два-три раза меньше диаметра края (рис. 80). Абсолютное большинство мисок покрыто красно-коричневым или красным ангобом, иногда лишь по внутренней стороне, часто поверх жидкого белого ангоба. Размеры их варьируют, но в среднем при диаметре дна 9-12 см, высоте 6,5-10 см, диаметры их краев - 20-30 см. Третья часть ми-

сок имеет обычные плоские днища, иногда со следами срезов ножом снаружи, 47,9% мисок снабжено дисковидным поддном, а 18,75% - кольцевидным. Находки последних относятся, главным образом, к слоям первого этапа культуры (77,7% таких мисок), остальные - к слоям второго этапа. По форме венчика выделено несколько типов мисок с подтипами и вариантами (рис. 74; рис. 80, табл. У).

К первому типу относим миски с простым слегка приостренным или утолщенным краем, иногда с уплощенным или плоским бережком (рис. 80, I-4, 8-16, 18-24, 30-36, 38, 69, 90). Миски первого типа составляют 59,4% сосудов данного вида и подразделяются на два подтипа. Подтип IA - миски с простым приостренным краем, различной высоты (3-9 см) и диаметра, обычно тонкостенные. Подтип IA составляет 15,9% сосудов первого типа и 9,4% всех мисок. Четвертая часть мисок подтипа IA найдена в слоях первого этапа (где они составляют 9% всех мисок в слое), треть - в материалах второго этапа (где они - 6,5% всех мисок этапа) и 41,6% - на третьем этапе (где они дают 15,6% всех мисок данного этапа). Миски подтипа IB имеют прямой или слегка отогнутый внутрь утолщенный край с уплощенным или плоским бережком. Данный подтип в свою очередь делится на три варианта, различающихся между собой степенью округлости верхней части сосуда и более или менее заметным наклоном уплощенного края внутрь. Миски подтипа IB составляют 84,1% сосудов первого типа и подразделяются по этапам следующим образом: четверть их найдена в материалах первого этапа, где они составляют около половины (49,2%) всех сосудов данного вида этапа, более половины (51%) встречено в слоях второго этапа (где они составляют 52,4% мисок) и 23% - на третьем этапе (где они составляют 45,3% мисок).

Ко второму этапу относим миски с профилированным наружу Г-образным венчиком (рис. 74г, рис. 80, 6, 25-29, 37, 39-43, 49-60, 62-68). Сосуды второго типа составляют 31% мисок и делятся на два подтипа с двумя вариантами в каждом подтипе. Подтип ПА (75% сосудов второго типа) - это миски с профилированным наружу подпрямоугольным в сечении Г-образным венчиком и уплощенным или плоским бережком (рис. 74). Это довольно крупные

миски, у которых при высоте в среднем 9-12 см, диаметр днища - 9-15 см, диаметр краев - 26-30 см. По степени оттянутости наружу венчика и ширине бережка различаем варианты ПА₁ и ПА₂. Для сосудов подтипа ПА₁ (они составляют около 46% подтипа) характерен относительно слабо профилированный наружу округло-подпрямоугольный в сечении венчик (рис. 80, 6, 29, 37, 50, 53, 55). У сосудов подтипа ПА₂ четко выражен Г-образный оттянутый наружу подпрямоугольный в сечении венчик. Для мисок подтипа ПА₃ характерен такой же, но еще более удлиненный венчик, ширина бережка которого достигает 2,5-3 см (рис. 80, 49, 51, 54, 62-68). 35,5% сосудов подтипа ПА найдено в слоях первого этапа (где они составляют 31% всех мисок, обнаруженных в данных слоях), 47,5% - в слоях второго этапа (где они дают 22,5% мисок этапа) и 17% в слоях третьего этапа.

У мисок подтипа ПВ, составляющих четвертую часть сосудов второго типа, обычно более тонкостенных и меньших габаритов, оттянутые наружу венчики чуть приострены к концу, а иногда и опущены вниз таким образом, что уплощенная или плоская верхняя площадка венчиков расположена под углом к краю сосуда. Внутренний край венчика иногда слегка профилирован и внутрь сосуда. В последнем случае в сечении венчика приобретают Т-образную форму (вариант ПВ₂) (рис. 80, 70, 73-76, 85-89, 91-94). 30% мисок подтипа ПВ найдено в материалах первого этапа культуры, половина - в слоях второго этапа и 20% - в материалах третьего этапа (см. табл. У).

К третьему типу мисок относим сравнительно небольшие сосуды, с резко расширяющимися кверху прямыми стенками, со специфическим венчиком, сосуды, известные в литературе под именем "рыбных блюд". В чирикратском керамическом комплексе найдено наибольшее число их в слоях лишь второго и третьего этапов культуры (рис. 80, 47, 48). Эти довольно тонкостенные сосуды составляют лишь немногим более 1,5% мисок.

К четвертому типу относятся также небольшие мисочки с плавно округлыми стенками и клювовидным венчиком (рис. 80, 71-72, 80). При высоте II-12 см, диаметр днища этих сосудов 5-7 см, диаметр края - 12,5-14,5 см. Они найдены в тех же слоях второго и третьего этапов культуры, что и "рыбные блюда" и количественно

оставляют лишь 1,2% общего числа мисок.

Пятый тип (это 6% от общего числа сосудов данного вида) представлен неглубокими блюдами с простым приотстренным или же уплощенным краем, диаметр которого равен или близок диаметру дна (рис. 80, 5, 15, 17). 6,7% таких блюд отмечено в материалах первого этапа, 53,3% - второго этапа, и 40% - в материалах третьего этапа. У отдельных таких сосудов приотстренный венчик обращен внутрь блюда.

Шестой тип также насчитывает небольшое число экземпляров, составляющих лишь 1,2% мисок. Это большого диаметра низкие блюда с широким плоским бережком, плавно переходящим в стенки сосуда (рис. 80, 7). Большая часть этих блюд изготовлена из серого мрамора или полированного песчаника.

Наконец, среди сосудов данного вида необходимо отметить фрагменты мисок хорошей ручной лепки, покрытых густым темносепрым до черного цвета ангобом и лощением. Полную форму их восстановить не удалось, но внешний вид фрагментов и количество черепка заставляют вспомнить миски соседней джетисарской культуры. Эти миски найдены лишь в материалах среднего этапа, и число их равно числу сосудов четвертого и шестого типов.

Все сосуды данного вида распределяются по этапам следующим образом: в материалах первого этапа 26,3% мисок, в материалах второго этапа - 48,6% и четверть мисок - в материалах третьего этапа.

Вышеописанные миски и блюда находят аналоги в керамических комплексах южных среднеазиатских земледельческих районов. Так, например, сосуды первых четырех типов имеют полные аналоги в материалах Южной Туркмении V-II вв. до н.э. /Марушенко А.А., 1959, табл. XII, 7, 8; табл. XXXI, 1-6, 8-10; Массон В.М., 1959, табл. XI, 1; табл. XII, 6, 21; Пилипко В.Н., 1975, рис. 5, 17, 18; рис. 35; Пилипко В.Н., 1985, с. 130, табл. XIV, 15, 16, 54-60; табл. XXIII, 7; Усманова З.И., 1963, с. 57, рис. 30, II; Усманова З.И., 1963а, с. 192, рис. 21, II-13, 15, 17-19, рис. 23, 40; рис. 24, 13, 37, 45, 49; Качурис К., Бурыков Д., 1963, рис. 4, 13; Мурадова Э.А., 1984, с. 71, рис. 6, 1-2, 7, 8, II/, в материалах Ай-Ханум /Schlumberger D. et Bernard P., 1965, р. 606-639/, в памятниках древней Бактрии /Gardin J.C., 1957, f.

VII, 23a(1), a/21; III, 15b; IV, 16a, 17, 18a, b, 19b, c, XIII, 3; Дьяконов М.М., 1953, табл. XII, 15-17, 28-30, 34, с. 284, рис. 20/, а также в комплексах ахеменидского времени Иранского плато /Cattenat A., et Gardin J.C., 1978, p. 31, fig 6/.

Формы, тождественные вышеописанным первому, второму, третьему и четвертому типам, особенно широко представлены в материалах Самаркандского и Бухарского Согда этапа Афрасиаб Iо и Афрасиаб II /Вишкина Г.В., 1975, с. 60-78, рис. 3, рис. 4, рис. 5, рис. 10 - см. там же сводку находок подобных сосудов; Кабанов С.К., 1981, рис. 17, 5-12, рис. 18, 10, рис. 21, 1-4, рис. 23, 1, 5, 7, 9-10, 13; рис. 25, 1, 2; Вишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Коваленко Г.А., 1985, с. 442, табл. CXXXIY, Гулисангский этап Ромия I/.

Некоторые варианты первого и второго типов чирикрабатских мисок имеют аналоги в керамических комплексах Хорезма кангуйского периода /Воробьева М.Г., 1967, с. 316, табл. III, 10-16, 26-27/. В Хорезме и Согде также неоднократно отмечены находки блюд из серого камня, аналогичных вышеописанному вестому типу /Воробьева М.Г., 1967, с. 143, 144, рис. 57; табл. XUI; Кабанов С.К., 1981, с. 45, рис. 18, 28-30/.

Всего 10,6% керамики второй группы составляют красноангобированные с тщательно обработанной поверхностью чаши с простым утонченным краем и небольшим плоским дном (рис. 7, 4-12, 15-18, 32-46, 56-68/. Имеющиеся в коллекции чаши могут быть разделены на два типа. К первому типу, составляющему 11% чаш, относим сравнительно неглубокие сосуды с обычным приотстренным краем и плавно закругленными стенками (рис. 16, 43-44, 64-66), распространенные на всех этапах чирикрабатской культуры.

Для второго типа характерны глубокие чаши, иногда со слегка округлым туловом, с заметным перегибом его стенок, но чаще с резким перегибом на середине или на уровне верхней трети высоты тулова. Второй тип составляет 83,5% сосудов данного вида. По степени округлости тулова, резкости перегиба, степени изгиба стенок верхней части чаши, направленности края можно выделить три подтипа с двумя-тремя вариантами (рис. 74, табл. У). Чаши подтипов ПА и ПВ встречены в слоях всех трех этапов, а чаши подтипа ПС, с резким перегибом тулова почти на середине его

высоты и с маленьким округлым в сечении венчиком, найдены пока лишь в слоях первого и второго этапов (рис. 77, 63). Число чаш подтипа ПА в три раза превышает число сосудов подтипа ПВ и более, чем в 15 раз превышает число чаш подтипа ПС.

Помимо вышеописанных чаш первого и второго типов в слоях второго и третьего этапа встречены фрагментированные чаши иной формы и иной техники изготовления. Полушарное тулово завершается слегка отогнутым наружу маленьким круглым в сечении венчиком, а чаще просто выделенным прочерченной горизонтальной линией краем (рис. 77, 15). Число их превышает 5,5% от общего числа сосудов данного вида. Они изготовлены не на круге быстрого вращения, подобно сосудам первого и второго типов, а тщательно ручной лепкой, и покрыты не обычным ангобом красного цвета, а густым серым и темносерым ангобом и подлощью. Подобные чаши чрезвычайно характерны для керамического комплекса джетмасарской культуры /Левина Л.М., 1971, рис. 3, 74-79, рис. II, 4, 43; рис. 15, 92-93, 96-106/.

Выше упоминалось, что все чаши второго и первого типов покрыты красным ангобом по тщательно заглаженной поверхности. Сплошное лощение поверх красного ангоба отмечено лишь на двух экземплярах фрагментированных чаш, найденных на поселении Сегир-кала, материал которого относится к последнему этапу чирикрабатской культуры. Характер такого "зеркального" лощения заставляет вспомнить подобные сосуды Хорезма кангуйского времени /Воробьева М.Г., 1959, с. 190/.

Рассмотренные нами чаши первого и второго типов находят полные аналогии в тех же районах, памятниках и стратиграфических слоях, что и миски и другие виды сосудов второй группы чирикрабатской керамики, то есть, прежде всего, Парфии, Марганин, Бактрии, Согда /Марушенко А.А., 1959, с. 84, табл. XII, 5; табл. XXXI, 7; табл. XXX; Пилипко В.Н., 1975, рис. 5, 13, рис. 35, 13; Пилипко В.Н., 1985, с. 130, табл. XIY, 47; табл. XXIII, 1, 2; Мурадова Э.А., 1984, рис. 4, 2, 4, рис. 5, 1, II; Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А., 1985, табл. LXXIX; Шиякина Г.В., 1969, рис. 3, 1; рис. 7, 24-27; Шиякина Г.В., 1975, рис. 1, 2, 3; рис. 2, рис. 9; Кабанов С.К., 1969, рис. 3, 1, 9; Кабанов С.К., 1981, рис. 13, 4; рис. 21, 9; Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984

рис. 60, с. 145, рис. 3, 3, 4, с. 146, рис. 2-5/. Интересен факт, что в отличие от вышеупомянутых древнеземледельческих оазисов, где встречено подавляющее большинство форм, аналогичных чирикрабатским второй группы, в рассматриваемом керамическом комплексе на Хандарье отсутствуют столь характерные для памятников Бактрии, Согда, Хорезма бокалы на ножке. Имеется лишь единственный экземпляр подобной формы сосуда, но относящегося к керамике первой группы, то есть изготовленного ручной лепкой, напольного обжига, с небрежно заглаженной поверхностью, покрытой серого цвета ангобом. Сосуд этот был найден в одном из погребальных наземных сооружений (рис. 71, 72).

Среди сосудов второй группы керамики лишь 1,3% составляют конической или округло-конической формы крышки с простым или профилированным краем (рис. 776 1-3, 13, 26-28, 55). Все крышки тщательно выделены, в основном они красноватые, с красным ангобом, реже - сероватые, покрытые темносерым ангобом. По форме края крышки могут быть подразделены на три подтипа и несколько разновидностей (рис. 74). Крышки, отнесенные к подтипу А, имеют простой край, слабо профилированный край характерен для крышек подтипов В₁ и В₂, сложно профилированным краем снабжены крышки подтипа С. В то время, как крышки подтипа А найдены в культурных слоях всех трех этапов чирикрабатской культуры, крышки, относимые к подтипам В и С, были встречены лишь в слоях второго и третьего этапов. Вышерассмотренные крышки имеют аналогии в материалах тех же памятников древней Парфии и Согда, что и остальные виды сосудов второй группы чирикрабатского комплекса /Кацурис К., Буриков Ю., 1963, с. 123, рис. 4, 4, 14, 22/. Крышки подтипов А₁ и В₁ встречают близкие аналогии и в материалах памятников древнего Хорезма кангуйского времени /Воробьева М.Г., 1959, с. 108, рис. 17, 8, 9; Воробьева М.Г., 1967, с. 316, табл. III, 4-7/.

На сосудах второй группы изредка фиксировалось наличие тамг, прорезанных по сырой глине около дна. В основном, это простейшие крестообразные знаки, две или три параллельные линии, так называемые "птичьи лапы" (рис. 81), изредка буквообразные тамги. Любопытно наличие знаков в виде трех параллельных полос, пересеченных одной перпендикулярной им полосой.

Последний знак зафиксирован на "импортной" посуде и весьма распространен в джетысарском керамическом комплексе.

Сравнение вышеописанной керамики второй группы с материалами других среднеазиатских районов выявляет необычайную близость ее особенно к древнепарфянской и согдийской. В то же время нельзя не отметить, что некоторые формы сосудов с Ханидарью находят аналогии и прототипы в слоях южнотуркменских памятников более раннего времени, чем согдайские с аналогичной керамикой. Анализируя те или иные виды и типы сосудов чирикрабатского и согдийского комплексов приходим к выводу об общности их происхождения и вероятности существования единого "центра" их происхождения, возможно, находящегося на территории Парфии или Бактрии в позднеахеменидский период и давшего чрезвычайно близкий керамический комплекс обоим районам. Учитывая, однако, историческую ситуацию, можно предполагать, что уже со второй четверти IY в. до н.э. развитие керамических комплексов в каждом упомянутом районе шло своими путями. За относительно короткий период существования чирикрабатской культуры не могли произойти резкие перемены в керамике, но определенные существенные изменения можно отметить. Так, например, в чирикрабатском керамическом комплексе иная динамика развития хумов с Т-образными венчиками*, которые вскоре вытесняются хумами и хумчями другого типа, не имеющего аналогов в южных среднеазиатских районах.

Отсутствие в нашем комплексе кубков на ножке, вероятно, можно объяснить фактом их более позднего появления в Согде, чем первая треть IY в. до н.э.

Вероятно, комплекс керамики второй группы появился в ханидарьинских районах не без участия согдийских мастеров**, че-

*Интересно отметить, что подобного типа сосудов в Хорезме вообще не было. Наличие единственной такой находки в комплексе одного из самых северных городищ Ток-калы /Гудкова А.В., 1964, с.10/ не может изменить этого вывода и, вероятно, объясняется наибольшей близостью к чирикрабатской культуре.

**Судя по аналогиям в керамике, прежде всего, мастеров из районов Бухарского Согда.

рез территорию которых могли проходить пути культурных влияний на Нижнюю Сирдарью (Ханидарью).

Надо отметить также, что в чирикрабатском керамическом комплексе незначительно число ложенных сосудов в сравнении с Согдом. Лишь на поздних памятниках типа Сенгир-кала распространяется зеркальное ложение, характер которого свидетельствует о контактах с хорезмийскими мастерами.

В отличие от материалов из нижних слоев городища Афрасиаб в Согде и верхнего слоя городища Елькен-депе в Парфии, в которых находит аналогии керамика второй группы чирикрабатской культуры, в последней отсутствуют крупные баночные формы керамики с подкосом в нижней части сосуда, характеризующие так называемый "ахеменидский" комплекс посуды. Этот момент представляется весьма существенным. В силу того, что городища Афрасиаб и Елькен-депе являются крупными археологическими памятниками со сложной стратиграфией, выделить на них хронологически "чистые" слои несомненно более трудно, чем на однослойных или относительно простых по стратиграфии памятниках подобных чирикрабатским. Исчезновение крупных баночных форм с подкосом, вероятно, может служить хронологическим индикатором. В то время, когда складывался керамический комплекс чирикрабатской культуры, куда был импортирован практически весь набор форм станковой посуды из южных районов Средней Азии (Согд и Парфия во всяком случае, для Бактрии пока не имеем синхронных материалов), крупные баночные формы с подкосом уже вышли или выходили из употребления. Учитывая, что сложение чирикрабатского керамического комплекса есть основания связывать с последним этапом существования ахеменидской державы, время полной смены керамических форм на юге Средней Азии произошло в то же время, то есть к началу IY в. до н.э. и, вероятно, было связано с какой-то реорганизацией сатрапий и соответственно иной их культурной и экономической ориентацией. Интересно отметить, что если Хорезм входил в тот ареал, где в ахеменидское время бытовали баночные с подкосом формы сосудов, то с IY в. до н.э. в этом районе они исчезают полностью, а на смену им приходит яркий и индивидуальный в Средней Азии хорезмийский керамический комплекс кангуйского времени. Очевидно на юге Средней Азии и в Хорезме процесс

Таблица 3

Сосуды венозной системы

Виды Толпы Возраст Клиника	Безболезненные 25 лет - 2,10			Компьютерные 12 лет - 2,80			Телеметрические 14 лет - 1,00			Физические 14 лет - 1,00			Клинические 14 лет - 1,00		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
III эмболия	(1) 70	(2) 50	(1) 50	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 6600	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 450	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 50	(2) 50	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 545	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 545	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 428	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 428	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 428	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 428	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 428	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 428
II эмболия	(3) 300	(11) 70	(12) 50	(11) 334	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 570	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 570	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690	(1)(1)(1)(1)(1)(1) 690
I эмболия	(7) 70	(3) 70	(10) 70	(10) 70	(3) 70	(10) 70	(3) 70	(10) 70	(3) 70	(10) 70	(3) 70	(10) 70	(3) 70	(10) 70	(3) 70
Умно пу	(10) 34	(15) 50	(4) 14	(29) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14	(2) 14

Таблица 4

Сосуды венозной системы

Виды Толпы Возраст Клиника	Кубинина 47 лет - 34,80			С-133 лет			D-23 лет			E-23 лет			F-30 лет			G-45 лет			
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	
III эмболия	(55) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60
II эмболия	(55) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60
I эмболия	(55) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60
Умно пу	(55) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60	(10) 60

лениях чирикрабатской культуры он считал ее отличительной чертой. Следы бронзолитейного производства обнаружены на Бабим-мулле I.

С изготовлением и обжигом грубых лепных статуэток и шариков (типа головок к ним) (рис. 82, 42, 43) связаны два производственных комплекса — на поселении к северу от Бабим-муллы (точка 254) и на пристройке этого памятника.

Из орудий труда кроме зернотерок и оселков (рис. 82, 40) изредка встречаются фрагменты железных ножей с прямой и дугообразной спинкой и выделенным черенком. Иногда ножи имеют костяные резные рукоятки (рис. 82, 38, 40-41, рис. 83, 52, 88).

Оружие также представлено ограниченным количеством предметов, так как в рядовых мавзолеях его практически нет. Наиболее массовой категорией находок этой группы являются наконечники стрел (рис. 84). Все они принадлежат к типам, характерным для сарматских памятников /Смирнов К.Ф., 1961/, трехлопастные и трехгранные стрелы с выступающей и скрытой втулкой преобладают. Встречен один экземпляр двухлопастной листовидной стрелы с втулкой, проходящей через все перо (Бабим-мулла I, рис. 84, 5). В сарматских материалах двухлопастные втульчатые стрелы позже V в. до н.э. не встречаются /Смирнов К.Ф., 1961, с. 40; Мошкова М.Г., 1963/, но вряд ли на основании этой одной находки можно датировать комплекс наконечников стрел из слоев Бабим-муллы I с V в. до н.э. Преобладающими являются наконечники, характерные для наборов сарматских памятников IV-II вв. до н.э. /Мошкова М.Г., 1963/. Железные наконечники стрел единичны. Отсутствие археологически "закрытых" комплексов не дает оснований для сужения датировки на основании анализа типов наконечников стрел. Особый интерес представляет костяной наконечник из Бабим-муллы I, имитирующий втульчатый литой бронзовый (рис. 84, 12).

Единственный меч найден в кургане на городище Чирик-рабат (овальное навершие на плоской рукоятки и бабочковидное перекрестье — 84, 52). По аналогиям из Приуралья, Западного Казахстана и других районов он был датирован рубежом V-IV вв. до н.э. /Толстов С.П., 1962, с. 143-144/.

Кинжал плохой сохранности и неясной формы был найден вместе

с фрагментами пластинчатого железного доспеха (рис. 84, 53-54) в круглом погребальном здании на Чирик-рабате /Толстов С.П., 1962, с. 148-150; Трудновская С.А., 1963/. Кинжал сарматского типа находился также в погребении Баланды 4.

Конское снаряжение почти не известно по нашим материалам. На Бабим-мулле I были найдены один целый и один фрагментированный двудырчатый роговой псалий (рис. 82, 17, 39). Появляются подобные изделия в V в. до н.э. /Смирнов К.Ф., 1961, с. 87/, но бытуют еще длительное время.

Комплекс украшений наиболее богато представлен в погребальных сооружениях.

В мавзолеях Бабим-Мулла 2, круглом и квадратном погребальных сооружениях Чирик-рабата, на Чирике-2, "Асаре" и др. несмотря на ограбления сохранилось немало золотых и серебряных бляшек, розеток, пронизей, колокольчиков, пастельных и стеклянных бус (из ляпис-лазури, хальцедона, крупные бусины из синего стекла с белыми глазками, обведенными красными ободками, каменные скарабеиды, хальцедоновая ахеменидская печать, бусы из ляпы, агата, позолоченные стеклянные, массивные золотые бусины с зернью, янтарные, сердоликовые бусины, мелкие голубые стеклянные, черные каменные бусины с белым орнаментом в виде расходящихся пятиугольников, костяные цилиндрические бусы и др.), золотые серьги и подвески, бронзовые подвески, перстни и т.п. (рис. 83).

Хальцедоновая ахеменидская печать датируется V-IV вв. до н.э. /Трудновская С.А., 1963, с. 213/, крупные глазчатые бусы из синего стекла, мелкие голубые, каменные черные с белым орнаментом встречаются в памятниках прохоровской культуры /Мошкова М.Г., 1963, табл. 30, 26, 15, 23; табл. 31, 16 и др.). В тех же комплексах известны и бронзовые серьги или височные кольца с заходящимися друг на друга концами или свернутые в 1,5-2 оборота /Мошкова М.Г., 1963, с. 44, табл. 29, 1-4/. Тщательно отполированные костяные бусины или подвески цилиндрической и усеченно-конической формы имеют аналогии в Актамском могильнике в Фергане /Горбунова Н.Г., 1962, с. 101, 102, рис. 3, II/, а также в сарматских памятниках Поволжья и Приуралья, начиная с конца IV в. до н.э. /Мошкова М.Г., 1963, с. 46, табл.

32, 10-12/. В прохоровской культуре встречены были и золотые серьги, имеющие некоторое сходство с найденными на Бабиш-Мулле 2 /Можкова М.Г., 1963, с. 44, табл. 29, 30/. Довольно близкие бабишмуллинским серьги найдены в одном из ранних погребений Тулхарского могильника /Мандельштам А.М., 1966, табл. LIX, 6/. Большинство же украшений чирикрабатской культуры пока не имеют точных аналогий (например, парные золотые подвески со сканным орнаментом и бахромой из золотой проволоки, представляющих собой ряд завитков в форме латинской буквы S - Толстов С.П., 1962, с. 148), но встречаются на памятниках самой чирикрабатской культуры неоднократно (например, серьги из скрученной золотой проволоки с жемчужинкой и коралловой подвеской найдены в погребальных памятниках Бабиш-Мулла 2, Чирик-2). Подобные последние серьги найдены в Семиречье в могильнике IY-I вв. до н.э. Коктума /Акизов К., 1983, с. 140/.

Костяные и бронзовые туалетные ложечки, бронзовые зеркала с валиками по краю, иногда с боковой ручкой-черешком, курильницы из светлосерого песчаника и серого талько-силицитового сланца, костяные резные рукоятки ножей, костяные гребни - все эти вещи находят аналогию в сарматских и причерноморских памятниках с IY в. до н.э. /Смирнов К.Т., 1973, с. 173, 174; Можкова М.Г., 1963, табл. II, 20, табл. 26, табл. 20, 19, табл. 27, табл. 28; Сокольский Н.И., 1971, с. 138/. Каменные (много реже - глиняные) курильницы широко представлены в чирикрабатской культуре. Они известны также в материалах квадратного мавзолея на городище Чирик-рабат, мавзолея Бабиш-Мулла 2, на поселениях I, 16 в южной группе поселений окрестностей городища Бабиш-Мулла, на поселениях чирикрабатского и баландинского оазисов, в заполнении рвов могильника Бабиш-Мулла 6 (рис. 45).

Особо интересный набор предметов был обнаружен на Баланды I в одном из парадных помещений. Большинство фрагментов изящных костяных пластин с резным орнаментом (рис. 82, 2-7) принадлежало, вероятно, парадной шкатулке с усеченно-конической крышкой. Между пластинами, образовавшими рамку, была заключена тонкая дощечка, обложенная с обеих сторон слюдой, через которую видна была роспись на дощечке (сохранились лишь

пятна алого цвета и следы позолоты). Выточенные из слоновой кости столбики с глубокими кольцевыми пропилами, заполненными синей пастой и небольшие наверху могли оформлять углы этой шкатулки. Здесь же были найдены обломки золотых и серебряных ювелирных изделий, жемчужины и фрагменты маленьких стеклянных сосудов (вероятно, сирийского производства) с росписью, позолотой и рельефными узорами (рис. 82, 9, 10), большое бронзовое зеркало с валиком по краю и боковым штырем с отверстием для прикрепления ручки (рис. 82, 16).

Вместе с этими предметами, хотя бы частично составлявшими содержание шкатулки, была найдена небольшая каменная скульптура фантастического зверя (рис. 82, 12). По мнению С.П.Толстова, на ней видно воздействие традиций скифского "звериного стиля" /Толстов С.П., 1962, с. 174/.

С костяными изделиями из Баланды I то технике изготовления перекликается костяной предмет из здания Баланды 2. Это резная полая костяная трубка с железным граненым стержнем, выходящим за ее концы (рис. 82, 1), на которые могли одеваться дополнительно костяные элементы, фрагменты которых были найдены вместе с предметом. Подобные предметы известны из царских курганов и богатых погребений в Скифии, они определены Э.В.Яковенко как части веретен греческого типа /Яковенко Э.В., 1973, с. 39-43, рис. 1, 3; Мелюкова А.И., 1975, с. 172, рис. 53, 10/. Находка этого предмета заставила нас обратить внимание на фрагменты деревянных сосудов и крышек от них, найденных в ряде погребальных памятников (Бабиш-мулла 2, Асар). Все они идентичны греческим пиксидам IY-III вв. до н.э., известным в Причерноморье /Сокольский Н.И., 1971, с. 199 и сл., табл. XXVIII, 12/. С деревянными греческими ларцами и шкатулками, украшенными резьбой, могут быть сопоставлены и костяные пластины от шкатулки из Баланды I /см. Сокольский Н.И., 1971, с. 123 и сл., о деревянных веретенах - см. с. 192, 218-220 и табл. XXXIII, 1-6/. На территории степей между Причерноморьем и Приаральем подобные находки греческого импорта неизвестны. Поэтому следует предположить, что они попали в низовья Сырдарьи через юг Средней Азии от участников походов Александра Македонского. В таком случае даже учитывая возможность долгого хранения мелких

предметов туалета, мы должны датировать слой с предметами греческого импорта последней третью IV — началом III в. до н.э., что дает, как нам представляется, основание уточнить датировку сооружений в урочище Баланды /ср. Толстов С.П., 1962, с. 174, где дана дата III-II вв. до н.э./.

Уже упоминавшиеся грубые лепные обожженные статуэтки несомненно связаны с весьма архаической местной традицией (рис. 82, 42-43). Большинство из них схематически передает человеческое туловище с грубо выделенными конечностями, чаще всего без головы. Встречаются странно изогнутые части фигурок, но может быть это бракованные изделия, так как они найдены на месте их производства. Вместе с фигурками находятся глиняные обожженные шарики без какой-либо детализации на них, по размерам они могут соответствовать "головкам" статуэток, назначение их неясно. Скорее всего это культовые предметы.

С местными верованиями связана и уникальная находка черепа собаки, раскрашенного пятнами красной краски (под стеной пристройки Бабия-мулла I).

ГЛАВА 5

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Для отождествления носителей чирикратской культуры с одним из известных по письменным источникам племен или народов существенное значение имеет не только географическое положение памятников этой культуры, но и ряд выводов, которые можно сделать на основании их изучения. Во-первых, преобладание чирикратского археологического комплекса по отношению к культуре саков низовьев Сырдарьи (Уйгарк, Тагискен южный, шлаковые курганы и поселения), что предполагает, по крайней мере, значительное этническое единство населения с VII в. до н.э. до II в. до н.э. на этой территории. Во-вторых, включение носителей чирикратской культуры в административно-хозяйственную систе-

му Ахеменидской империи, что нашло свое отражение в постройке сатрапской резиденции (Бабия-мулла I) и распространение на этой территории достижений строительного дела и гончарного ремесла из более южных районов державы. Разгром ахеменидов Александром Македонским имел существенные последствия и для этого региона, хотя прямо не затрагивал его. Осталась недостроенной сатрапская резиденция, очевидно, прекратился приток ремесленников из южных районов, оборвались многие культурные связи, что повлекло явное огрубление и изменение традиции в строительстве и гончарстве. В-третьих, полное исчезновение памятников чирикратской культуры в низовьях Сырдарьи ко II в. до н.э. (процесс этот мог происходить и ранее, но на материале изучаемого региона мы не имеем критериев для выделения в пределах III-II вв. до н.э. более дробных хронологических периодов). Связан этот процесс с изменением гидрографической сети сырдарьинской дельты. Вероятность такого объяснения подтверждается отсутствием здесь памятников, приемственным по отношению к чирикратской культуре.

Учитывая все это можно с достаточным основанием предположить отождествление комплекса чирикратской культуры низовьев Сырдарьи с даями (дахами). Они появляются на исторической арене не позже середины I тысячелетия до н.э. /ср. Junge, 1939, с. 71; Струве, 1968, с. 61, прим. 76/. Имя этого иранского кочевого племени *Daia* встречается у Геродота (I, 125), его отождествляют с *daha* Авесты /Yst, 13, 143; Nyberg H.S., 1938, p. 249/. В качестве подданных ахеменидской империи *daha* упоминаются в "Антидевовской" надписи Ксеркса /XPh, 26; Herzfeld E., 1938; Струве В.В., 1968, с. 119/ наряду с саками-хаумаварга и саками-тиграхауда. Последние две группы кочевых племен Средней Азии локализируются большинством исследователей на юго-востоке Средней Азии по соседству с Бактрией и Согдом (это саки-хаумаварга или амиргийские) и к востоку от Каспийского моря — саки-тиграхауда, отождествляемые с массагетами /см. Литвинский Б.А., 1972, с. 158-174/. В.В.Струве отождествлял *daha* с "саками, которые за морем" наквирустемской надписи Дария I /DNA, 28-29; Струве В.В., 1968, с. 111/ и "саками за Согдом" в надписях на документах основания дворцов Дария I в Персеоне и Экбатанах

/Herzfeld E., 1938, с. 19; переводы Струве В.В., 1968, с. 58; Абаева В.И., 1980, с. 36/, а также со "страной саков, достигающей предела земли" или "саками болот и долин" из надписи на Суэцком перешейке /Струве, 1968, с. 113-114; Эдаков А.В., 1976, с. 91-97/ и считал их саками-массагетами.

В настоящее время в науке господствует мнение об отождествлении "саков, которые за морем" с европейскими скифами /Литвинский Б.А., 1972, с. 158/. Массагеты же по общему признанию локализуются к востоку от Каспийского моря. Открытие и исследование многочисленных памятников на Узбое и в Закаспии /Юсупов Х., 1986/ делают эту локализацию весьма обоснованной и соответствующей данным Геродота, Страбона и других древних авторов о массагетах за рекой Оксом (Араксом) к востоку от Каспийского (Гирканского) моря. С.П.Толстов /1961; 1962, с. 136/ связывал территорию чирикрабатской культуры на Хандарье с апаснаками. Согласно данным письменных источников апаснаки локализуются в низовьях каспийского рукава Амударьи (вблизи Гиркании). Новые археологические материалы, свидетельствующие об обводнении Узбоа (рукава Амударьи, впадавшего в Каспийское море), позволяют подтвердить эти сведения и связать с апаснаками западную группу памятников узбойской культуры /Юсупов Х., 1991/.

Б.А.Литвинский предложил локализовать владения "саков, которые за Согдом", на правобережье средней Сырдарьи /Литвинский Б.А., 1960; 1972, с. 169/. Подобная локализация, на наш взгляд, противоречит устойчиво сохраняемому античной традицией сведениям о том, что Яксарт был границей державы ахеменидов /Страбон, XI, II, 4; Солин XIX, 6/. Страна "саков, которые за Согдом" определяет крайние северные или северо-восточные пределы ахеменидской державы, так как она противопоставляется южному пределу - Кушу /Herzfeld E., 1926, с. 2107; Kent R.Y., 1943, с. 305/. Интересные сведения о локализации кочевых племен сохранили сподвижники Александра Македонского, они приводятся в описаниях его похода у Арриана и Квинта Курция Руфа. Согласно Арриану на север от Согдианы простирается "равнина около скифской пустыни" /IY, 5, 3-4/, что дает основание считать Кызылкум "Скифской пустыней", если учесть приведенные выше данные

о недостроенной, очевидно, сатрапской резиденции в низовьях Сырдарьи, к северу от этой пустыни, то можно локализовать там и владения "саков, которые за Согдом". Для правителей земледельческого Согда ближайшими беспокойными соседями, как и много позднее для Тимура и его преемников, например, были кочевники на северных окраинах их владений. Именно за обладание землями в низовьях Сырдарьи во имя безопасности своих владений на юге Средней Азии вели борьбу на протяжении всего XV в. тимуридские правители /Иванов П.П., 1958, с. 22/. В ахеменидскую эпоху ситуация в распределении народов бесспорно была сходной, так как она диктовалась экологией региона - к северу от земледельческого Согда располагалась "скифская" пустыня и далее в низовьях Сырдарьи - область "саков, которые за Согдом". Самаркандской степью называет автор XVI в. Фазлаллах ибн Рузбихан район против Отрара на противоположном берегу Сейхуна (Сырдарьи) (гл. XXI, 70а).

У Квинта Курция есть дополнительные сведения - скифы - союзники Спитанена, действующие в районе Мараканды и на севере Согда названы дагами (VII, VII, 32), которые в свою очередь являются соседями Хорезма наряду с массагетами /Квинт Курций, VIII, I, 8/. Территория массагетов локализуется на запад от Хорезма, поэтому, учитывая приведенные выше данные, есть все основания поместить даев (дагов) на восток от Хорезма, в низовьях Сырдарьи, что подтверждает, как нам представляется, точку зрения В.В.Струве об их тождестве с "саками, которые за Согдом" /Струве В.В., 1968, с. 58, 113, 114/. Эта локализация согласуется и со сведениями Страбона /XI, 9, 2/ о том, что дан первоначально (до их переселения к границам Парфии) жили "выше Меотиды"*. По Арриану дан жили "за Танаисом" или "по Танаису", что опять же отвечает их локализации на Прахандарье, бывшей в IY-II вв. до н.э. самым юго-западным дельтовым руслом Сырдарьи**. Переселение даев в Прикаспий, на

*Об отождествлении в данном случае Меотиды с Аральским морем см.: Yutshmid A., 1888, с. 31; Бартольд В.В., 1965, с. 30.

**О локализации даев в этом же районе Приаралья в целом см.: Литвинский Б.А., 1972, с. 173, там же сводка литературы.

границы Парфии происходит в первой половине III в. до н.э. /Nergmann A., 1914, с. 48; Пьянков И.В., 1964, с. 124-125/. Археологические материалы чирикрабатской культуры этому не противоречат, так как в III в. после второго этапа чирикрабатской культуры памятники ее почти полностью исчезают в древней дельте Сырдарьи, а самое позднее — к началу II в. до н.э. чирикрабатская культура заканчивает свое существование. Племена, населявшие этот район, покидали свои земли в связи с изменением гидрографического режима дельты. Со II в. до н.э. основной сток в Аральское море происходит по системе более восточных и северных Прикувандарьинских русел, где находилась территория племен джегтмасарской культуры. Можно допустить, что переселение даев к границам Парфии произошло и с согласия, а может быть даже по приглашению Селевкидов. Даи были союзниками Александра /Арриан, У, 12, 2/ и принимали участие в его индийском походе /Квинт Курций, VIII, XIУ, У/, вероятно, по традиции они сохранили союзнические отношения с Сельвкидами и были поселены на северной границе Селевкидской державы для защиты от набегов других кочевых племен*. К тому же это сдерживало самих даев и защищало владения Селевкидов от вторжения тех же даев. /ср.: Толстов С.П., 1948а, с. 231/.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Чирикрабатская культура саков низовьев Сырдарьи (IУ-II вв. до н.э.) сложилась в западной части древней дельты этой реки на широтных и меридианных просторах русла, формировавшегося на базе отмиравших протоков Инкардарьи (функционировала в эпоху бронзы) и ставшего в средние века одним из основных дельтовых русел (Хандарьи). К северо-востоку от него на протоках Кувандарьи и Пракувандарьи, обводившихся позднее, находятся памятники Джегтмасарской культуры, некоторые из них имеют слои, синхронные

*Обзор литературы по всему вопросу о взаимоотношениях дахов с массагетами в Прикаспии см.: Литвинский Б.А., 1972, с. 173.

чирикрабатской культуре. В последней выявлены две зоны: 1) северная, занятая под пастбища скотоводов и 2) южная, где расположены оазисы неукрепленных поселений с сопровождающей их примитивной ирригацией, отличительной чертой которой является прежде всего широкое использование переуглубленных старинных русел под водоемы и совмещение каналов одновременно с несколькими из них для более полного обеспечения водой. Характер ирригации свидетельствует бесспорно об усыхании русел этой зоны. В пределах южной зоны расположены и крепости, от огромного городища Чирик-рабат, очевидно, бывшего убежищем и резиденцией вождей чирикрабатских племен на ранней стадии культуры, до маленьких крепостей, центров оазисов — Баланды I, Чагырлы и т.д. Особое место занимает городище Бабин-мулла I, на Большом доме которого в нижнем слое вскрыта часть здания, повторяющего по плану отдельные ахеменидские парадные постройки, что позволяет рассматривать памятник в целом как сатрапскую резиденцию в подчиненной ахеменидам самой северной в державе области "саков, которые за Согдом". Привлечение данных письменных источников служит основанием и для отождествления этой группы племен саков с дахами (даями, см. главу 5).

Памятники IУ-II вв. до н.э. на Празанидарье сложились на базе культуры сакских племен низовьев Сырдарьи предшествующего времени (могильники Уйгарак, южный Тагискен, поселения и "шляковые" курганы) и сильного культурного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии, которое проявилось в приемах строительной техники, особенностях архитектуры, формах гончарной керамики. Однако сильная варваризация, заметная во всех областях культуры, не дает основания говорить о переселении в низовья Сырдарьи сколько-нибудь значительной группы населения, скорее всего это были ремесленники, передававшие местным жителям основные навыки производства. Подобные явления характерны для периода ахеменидского господства в Средней Азии и были связаны, очевидно, с политикой центральной власти по отношению к окраинным владениям. Анализ керамического комплекса чирикрабатской культуры показывает, что все виды и типы гончарной посуды находят прямые аналоги в комплексах керамики Парфии и Согда У-III вв. до н.э. На базе этих заимствованных форм в низовьях Сырдарьи

складывается чирикрабатский керамический комплекс, включающий ряд неповторимых типов и вариантов сосудов. Гончарному комплексу сопутствует местная лепная керамика "сарматоидного" облика, имеющая истоки в сакских комплексах VII-V вв. до н.э. в этих же районах. Несмотря на то, что южные влияния придали культуре сакских племен IV-II вв. до н.э. в низовьях Сырдарьи совершенно новый облик, преемственность ее по отношению к более ранним сакским памятникам прослеживается не только в керамике /Левина Л.М., 1979/, но и в погребальном обряде. Так, С.П.Толстовым отмечалась генетическая связь наземных круглых мавзолеев этой эпохи с их первоначальным обрядом трупосожжения с мавзолеями Тагискена /Толстов С.П., 1962, с. 201-203, рис. II7/, в грунтовых подкурганых квадратных камер с дромосом Южного Тагискена с чирикрабатским курганом. Обряды трупосожжения, существующие на этой территории уже в раннесакское время, продолжают жить вплоть до III в. до н.э. Позднее их сменяет обряд труповывавления.

Причины смены обряда в настоящее время определить трудно. Как выяснилось в последние годы, оссуарные захоронения известны в низовьях Амударьи (Девобережный Хорезм) с IV в. до н.э., но там им не сопутствовал обряд труповывавления, а практиковался иной способ очистки костей трупа от мягких тканей. Обряд труповывавления в Хорезме четко фиксируется в первые века н.э. Отсутствие явных оссуариев в низовьях Сырдарьи и бесспорная практика труповывавления не дают сейчас основания поддерживать высказанное нами ранее предположение о связи смены обряда захоронения с влиянием Хорезма /см. наш раздел о чирикрабатской культуре в сер. "Археология СССР", том "Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время", М., 1992/.

Исследование мавзолеев чирикрабатской культуры дает возможность считать, что среди основной их массы, вероятно, к наиболее ранним относятся сооружения с обходным коридором, где первоначально происходило горение (Кзыл-тепе, мавзолей 12 могильника Тагискен, нижний строительный горизонт Чирик 2 и др.). Центральная часть мавзолеев, возведенная на стилобате, делилась на четыре камеры. Впоследствии обходные коридоры могли выродиться во рвы, прослеживаемые вокруг подобных, но самых поздних зда-

ний (например, "Асар"). Внутренняя планировка также постепенно меняется, теряя свою "крестообразность" и сохранив лишь деление на две половины. Судя по натекам на обмазках стен и полов, большинство из таких мавзолеев не имело постоянного перекрытия. Несмотря на свои размеры, большие мавзолеи чирикрабатской культуры, несомненно предназначенные для захоронения знати (Бабиш-мулла 2, Чирик-рабат - круглые и квадратные сооружения), во многом сохраняют конструктивные особенности, свойственные основной массе мавзолеев. Так, в круглом погребальном здании Чирик-рабата и квадратном на Бабиш-мулле 2 сохраняются крестообразная внутренняя планировка, обходной коридор, высокий цоколь. Квадратное погребальное сооружение Чирик-рабата с более поздними круглыми мавзолеями сближает двухкамерная планировка, невысокий цоколь.

Планировка круглых мавзолеев с внутренним крестообразным пересечением стен могла иметь глубокие местные корни. Представляется несомненной связь чирикрабатских погребальных сооружений типа Кзыл-тепе, мавзолей № 2 Тагискен и других с "шлаковыми" курганами и некоторыми ранними мавзолеями могильника Тагискен (мавзолей № 6*, планировка, обряд кремации), характерными для более раннего сакского населения этих районов. /Толстов С.П., 1962, с. 201 и сл./ Однако в погребальном обряде чирикрабатской культуры нельзя исключить и определенные, вероятно, южные влияния, поскольку переход от кремации к труповывавлению наблюдается иногда в одних и тех же памятниках (мавзолей Чирик-2). Но наряду с этим отмечено и существование обоих обрядов в разных одновременных памятниках. Сам факт перехода в погребальных сооружениях одного и того же типа от традиционного трупосожжения к труповывавлению мог происходить либо под влиянием каких-то изменений в религиозных представлениях, либо с появлением новой этнической группы населения (последнее представляется в конкретной ситуации Средней Азии этого времени менее вероятным).

*Отметим, что мавзолеи Тагискена типа погребального сооружения № 6, в свою очередь, безусловно, генетически связаны с джетмасарской культурой (керамический комплекс, строительная техника и др.).

На современном уровне знаний относительная хронология памятников чирикрабатской культуры может быть представлена в следующем виде:

I этап: Нижний слой застройки и ранние укрепления на городище Чирик-рабат, курган № 1 и может быть круглое погребальное здание* на городище, нижний слой "Большого дома" и два нижних строительных периода "донжона" на Бабиш-мулле 1, могильник Бабиш-мулла 6, начало строительства, а, возможно, и завершение постройки мавзолея Бабиш-мулла 2, Кзыл-тепе, мавзолей № 2 могильника Тагискен.

II этап: Баланды 1 и 2, слой печек и частично верхний слой "Большого дома", а также верхний строительный период "донжона" на Бабиш-мулле 1, Бабиш-мулла 2, верхний слой Чирик-рабата, часть мавзолеев типа Баланды 3, Чирик 2, могильник Баланды 4, мавзолей № 2 на Тагискене, мавзолей в точках 530, 534, 528, Кзыл-тепе.

III этап: Частично верхний слой Бабиш-муллы 1 и Чирик-рабата, Сенгир-кала, квадратное погребальное здание на Чирик-рабате, мавзолей "Асар", Баланды 7, в поиске 73, № 1 на Тагискене.

Общая датировка памятников чирикрабатской культуры в пределах IY-II вв. до н.э., предложенная С.П.Толстовым /1962, с. 136 и сл./, достаточно убедительна. Однако, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют внести некоторые уточнения. По аналогиям в материалах сарматской культуры (особенно в близких территориально памятниках Южного Приуралья) предметам вооружения для начала раннего этапа может рассматриваться дата - рубеж V-IY вв. до н.э. (курган на Чирик-рабате и, возможно, начало освоения территории Чирик-рабата).

Архитектурно-планировочные данные дают основание связывать начало постройки Бабиш-муллы 1 с эпохой ахеменидов. Тот факт, что постройка сатрапской резиденции (по нашему предположению) осталась незавершенной и была заброшена (на какое-то время) скорее всего указывает, что это было связано с крахом

*Датировано концом IY - или рубежом IY-III вв. /Толстов С.П., 1962, с. 148; Трудновская С.А., 1962/.

ахеменидской державы. В таком случае верхней границей первого этапа условно может быть признан 330 г. до н.э. Керамические аналоги этому комплексу имеются в слоях Афрасиаб I Б (последняя четверть IY в. до н.э.) /К исторической топографии..., с. 57, 58. Даты, предполагавшиеся ранее Г.В.Вишкиной, немного расходятся с этим - см. там же/, а так же в кроющем слое Елькендепе III, верхняя дата которого определена IY в. до н.э. /Магруденко А.А., 1959, с. 718, автор связывал гибель памятника с греческим завоеванием оазиса/.

Для датирования второго этапа культуры существенны находки предметов греческого импорта на Баланды 1, 2 и Бабиш-мулла 2. Датировка их определяется в пределах IY-III вв. до н.э., но исходя из исторической ситуации, время их появления в низовьях Сырдарьи может быть определено в пределах последней трети IY в. до н.э., самое позднее - начала III в. до н.э. Общая дата этого этапа может быть предложена от последней трети IY в. до н.э. условно до середины III в. до н.э.

Для определения верхней границы III этапа и верхней даты культуры вообще особых данных нет. Протяженность этого этапа, судя по малой мощности культурных наслоений и малому количеству памятников, вряд ли была большой. Поэтому нет оснований определять верхнюю границу их позже начала II в. до н.э., но нельзя исключить, что развитие ее завершается полностью в пределах III в. до н.э.

Палеоантропологические материалы из памятников чирикрабатской культуры очень ограничены. Они по данным исследовавшей их Т.А.Трофимовой генетически связаны с серией более ранних сакских черепов из этого же региона (Тагискенско-уйгаракских), но отличаются некоторой цивилизацией и ослаблением монголоидной примеси /Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с. 113 и сл./.

Особо выделена Трофимовой Т.А. серия черепов из погребальных сооружений "Асар" и Чирик-2 (она очень смешанная по типам, но наиболее представительна). Как отмечалось выше, материалы эти относятся ко второму и третьему этапам чирикрабатской культуры и по возрасту на несколько веков моложе тагискенско-уйгаракской серии. В ней "выступает ясно выраженный европеоидный брахикраниальный компонент при слабой монголоидной примеси" /там же, с. 115/.

Исключительный интерес исследовательницы привлекли три крупных брахикранных черепа, отличных от всей серии саков низовой Сырдарьи (Асар, погребения 9, 15, 16), они отнесены к европеоидному высоколицему брахикранным типу, известному в более позднее время на юге Средней Азии и что особенно интересно в связи с рассматривавшимися нами в главе 5 сюжетами - в предгорной полосе Копетдага в районе Кэмл-арвата из могильника Мешретитахта (раскопки А.М.Мандельштама). Исследовавшая последнюю серию Т.П.Кияткина отнесла ее к брахикранным высоколицему варианту средиземноморской расы /Кияткина Т.П., 1964; Трофимова Т.А., 1974, с. 57; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с. 115/. Предполагаются южные связи и при рассмотрении особенностей ряда типов женских черепов из Асара.

Для второй половины I тыс. до н.э. это самая северная территория, на которой в настоящее время зафиксирован южный восточно-средиземноморский антропологический тип или его влияние на смешанные типы. Это обстоятельство, как нам представляется, достаточно закономерно в связи с теми фактами, которыми уже сейчас располагает наука. При раскопках могильника поздней бронзы на Тагискене (Северный Тагискен, IX-VIII вв. до н.э.) /Толстов С.П., 1962; Толстов С.П., Итина М.А., 1966/ в пристройке к мавзолею 4д был обнаружен череп молодой женщины, отнесенный Т.А.Трофимовой к восточно-средиземноморскому типу /Т.А.Трофимова, 1967/, что находит, очевидно, закономерное объяснение и в археологическом материале, так как один из культурных комплексов Северного Тагискена связан с югом - областью распространения земледельческих культур. Это направление связей дельтовой области Сырдарьи с этой эпохи стало традиционным. Оно фиксируется по импорту (керамика) из ранних (доакхеменидской поры) курганов Уйгарака /Вишневокая О.А., 1973, с. 74 и сл., табл. XX, 26-30; см. по этому поводу Вайнберг Б.И., 1991, с. 14 и сл./, а позднее в материалах чирикрабатской (см. выше) и джетысарской культур /см., например, Левина Л.М., Никитин С.Б., 1991/.

Завершив краткий экскурс в итоги палеоантропологического исследования материалов чирикрабатской культуры, следует отметить, что несмотря на то, что мы не располагаем в настоящее время одновременными чирикрабатскими палеоантропологическими мате-

риалами из соседней джетысарской культуры, некоторые данные о более поздних черепах из алтынасарского комплекса памятников позволили Т.А.Трофимовой сделать вывод о сходстве их с материалами из погребений в мавзолее Асар и из Чирик-рабата /Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с. 185/.

Следует обратить внимание, что дельтовая область Сырдарьи в IX-II вв. до н.э. была достаточно изолированным от соседних территорий Казахстана районом, что нагло свое отражение не только в своеобразии культурных комплексов чирикрабатской культуры и ранних этапов джетысарской культуры, но и в антропологических особенностях ее населения. В дополнение к сказанному выше отметим, что для соседних территорий расселения усуней в это время характерно в противоположность юго-восточному Приаралю усиление монголоидной примеси /Исмагулов, 1970, с. 55; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с. 185 и сл./.

В литературе стало общим местом сопоставлять палеоантропологические материалы из чирикрабатских памятников с материалами из курганов скотоводов Бишкекской долины /см., например, Кияткина Т.П., 1965; Ходжайев Т.К., 1980, с: 9/. Археологический материал не дает никаких оснований для подобных сопоставлений. Чирикрабатскую группу черепов отличает по расовым и морфологическим особенностям состояние перехода от андроновского типа к типу Среднеазиатского междуречья. Подобный процесс происходил на широкой территории и мог, как предполагают исследователи, иметь разное направление в зависимости от исходных антропологических типов /Алексеев В.П., 1974/, поэтому осторожнее и справедливее говорить о северном или северо-восточном происхождении скотоводческого населения Бишкекской долины, а не связывать его с популяцией юго-восточного Приаралья напрямую.

В системе расселения "племен" чирикрабатской культуры можно обнаружить те же характерные черты (скорее закономерности), что были свойственны и для общества тюркских кочевников более позднего времени. Вся хозяйственная и административная деятельность у них сосредотачивалась в пределах племенного сообщества, занимавшего определенную территорию, куда входили пастбища и пашни и, как правило, укрепленные пункты - резиденция главы племени /см.: Иванов П.П., 1958, с. 128/.

Выделенные в пределах территории чиркрабатской культуры "оазисы" (группы памятников), сформированные вокруг укрепленных поселений (крепостей) на изолированных ирригационных системах, практически полностью отвечают подобной характеристике. Явление это связано скорее всего с определенным уровнем экономического и политического развития у скотоводов, сохраняющих родоплеменное деление (или его форму). Возможно, что в дахских объединениях племен в древней дельте Сырдарьи в IV-III вв. до н.э. входило не менее пяти племен (Сейгиркала скорее всего укрепленная усадьба и возникла она только на последнем этапе существования культуры). Стоит в связи с этим вспомнить, что Страбон среди даев, живших позднее у северных пределов Парфии, отмечал племена "апарнов", "ксанфиев" и "тиссуров" /Страбон, XI, VIII, 2, см. также XI, IX, 3/.

Подводя итог характеристике памятников чиркрабатской культуры низовьев Сырдарьи, можно сделать вывод о комплексном характере хозяйственных занятий населения. Если в традициях культуры и инвентаря четко отмечаются кочевнические (скотоводческие, вернее) черты, то наличие монументальных построек со сложной архитектурой и особенно открытых, неукрепленных поселений около них явно свидетельствует об оседлом образе жизни и развития в каких-то пределах земледелия. Ограниченность его в объеме определялась примитивностью ирригационных сооружений и, возможно, скромными ресурсами воды в протоках Пражанидарьи, что привело во II в. до н.э. практически к их полному осушению, это заставило население чиркрабатской культуры покинуть низовья Сырдарьи. Протоки же Пракувандарьи (район к востоку) продолжали функционировать и здесь продолжала развиваться диетмасарская культура.

Conclusion and Chronology Issues

The Chirikrabskaya culture of the Lower Eyrdaria Saka (4th-2nd centuries B.C.) originated in the western part of the Eyrdaria's on the latitudinal and longitudinal expenses of the riverbed which was formed on the basis of the drying channels of the Inkardaria (which was flowing there in the Bronze Age) and became one of the main delta riverbeds (Janidarija) in the Middle Ages there. Found north-east of it on the channels of the Kuvandaria and Prakuvandaria rivers, which were alive a few times later too, are the sites of the Jettiasar culture some of which have levels belonging to the same time as the Chirikrabskaya culture. Two zones have been ascertained within the latter: 1) the northern one with the pastures of cattle-breeders, and 2) the southern zone with a few oases with unfortified settlements and accompanying primitive irrigation systems whose most distinctive feature is the use of old river channels for reservoirs. The character of the irrigation systems leaves no doubt that the river channels in this zone were subject to drying in. Within the southern zone there are also some fortresses ranging from the huge fortified settlement of Chirik-rabat, which served probably as the hiding place and residential seat of the Chirik-rabat tribal chiefs at the early stages of the culture to such smaller fortresses as the oasis centres - Balandy I, Chagirlij, and the like. Standing out conspicuously is the old town site Babish-Mullha I in the lower level of whose Bolshoi house a part of the building has been excavated to repeat in plan some of the Ahamenid gala structures, which fact makes it possible to consider the site on the whole as a satrap residence in the subordinated to the Ahamenids area of "the Saka who are behind the Sogd" found in the northernmost part of the State. On the basis of the data from written sources it seems possible to identify this group of Saka tribes with the Dahi (Dayans, see: Chapter 5).

The sites of the 4th-2nd centuries B.C. were formed in the Prajanidaria area on the basis of the earlier culture of

the Saka tribes from the Lower Syrdaria (Uigarak and southern Tagisken cemeteries, settlements and "slag" kurgans) and a strong cultural influence of the agrarian oases of the south of Central Asia, which is manifest in the building techniques, architectural features and potter's-wheel pottery. However, in view of a strong touch of barbarism present in every sphere of culture the idea that any significant groups of population moved to the Lower Syrdarija reaches should be dismissed in favour of some groups of craftsmen who were transmitting their main production skills to the local population. Such phenomena were characteristic of the period of Achaemenid rule in Central Asia and were probably connected with the policy pursued by the central authorities with relation toward their peripheral possessions. An analysis of the pottery of the Chirik-rabat culture shows that all the kinds and types of the potter's wheel vessels have their direct analogues in the sets of pottery of Parthia and Sogd of the 5th-3rd centuries B.C. On the basis of these borrowed forms the Chirik-rabat pottery complex, which included a number of unique types and variations of vessels, was formed in the Lower Syrdaria reaches. The pottery complex is accompanied by local plastic pottery of the "Sarmatoid" appearance which is traceable in its origin back to the Saka pottery complexes of the 7th-5th centuries B.C. from the same areas. Although the southern influences changed the appearance of the Lower Syrdaria Saka tribes of the 4th-2nd centuries B.C. completely, its succession to the earlier Saka sites is traceable not only in pottery (Levina L.M., 1979) but in burial rituals too. Thus, for instance, S.P. Tolstov wrote about the genetic ties between the surface round-shaped mausoleums with their initial cremation rite of that period and the mausoleums of Tagisken (Tolstov S.P., 1968, p.201-203, Fig. 117), and between the ground subkurgan square chambers with a dromos in Southern Tagisken and the Chirik-rabat kurgan. Having been in existence there during the Early Saka period, the cremation customs survived up to the 3rd century B.C. to be replaced later by the custom of leaving the dead to the elements

It is not easy at present to determine the causes behind the change in this custom. In recent years some ossuaries have become known in the Lower Amudaria area (left-bank Khoresm) as belonging to the 4th century B.C. but they are not accompanied there by the custom of putting the bodies of deceased to the force of element instead of which a different way of removing the soft tissues from the bones was used. The custom of putting the bodies of deceased to the force of the element is registered in Khoresm distinctly in the early centuries A.D. In the absence of any obvious ossuaries in the Lower Syrdaria area and the indisputable practice of exposing the dead bodies to the element do not enable us to insist now on our earlier supposition concerning the connection between the change in the burial custom and the influence of Khoresm.

Studies in the mausoleums of the Chirik-rabat culture provide some grounds to believe that the earliest among the main mass of them are those with a roundabout passage where the fire was initially made (Kizil-tape, mausoleum N 2 in Tagisken cemetery, the lower building level of Chirik 2, and others). The central part of the mausoleums was built on a platform and was divided into four chambers. Later on the by-pass corridors could develop into the ditches which are registered running around similar but very late buildings (e.g., "Asar"). The interior plan gradually changed too, lost its "cross-shaped" configuration and became divided into two halves only. Judging by the accumulations on the coating of the walls and floors a majority of such mausoleums had no permanent overhead covers. Despite their dimensions the larger mausoleums of the Chirik-rabat culture that were undoubtedly intended for members of nobility (Babish-mulla 2, Chirik-rabat - one round - and one square-shaped structures) in many respects preserve the architectural traits typical of the main mass of the mausoleums. Thus, for example, surviving in the round burial structure of Chirik-rabat and in the square-shaped one of Babish-mulla 2 are a cross-shaped interior plan, a by-pass corridor and a high socle. The square-shaped burial structure of Chirik-rabat is made similar to the later round-shaped mausoleums by its

two-chamber ground plan and a low socle.

The inner plan of round mausoleums with a cross-shaped intersection of their inner walls could have deep local roots. The connection between the Chirik-rabat burial structures of the type of Kzil-Tepe, mausoleum N 2 of Tagisken and others with the "slag" kurgans and with some of the early mausoleums of the cemetery Tagisken (mausoleum N 6, its ground plan, cremation*) that were characteristic of the earlier Saka population in these regions, seems to be indisputable (Tolstov S.P., 1962, p.201 and next). However, as the transition from the custom of cremation to that of putting the dead to the force of the element is observed to have taken place sometimes in one and the same mausoleum (e.g. in the mausoleum of Chirik 2) one cannot exclude presence of some, probably, southern influences. But, again, the existence of both customs has been registered simultaneously in different contemporary sites. The fact of transition from the custom of cremation to that of putting the dead bodies to the force of the element in the burial structures of one and the same type could take place either under the influence of some changes in the religious ideas or as a result of emergence of a new ethnic group (in the concrete situation of Central Asia of that time the latter case seems to have been less probable).

At the present stage of research the relative chronology of the Chirik-rabat culture's sites can be described as follows:

1st stage: The lower building level and early fortification works in Chirik-rabat old town site, kurgan No.1 and, probably, the round burial building** in the site, the lower le-

* It can be noted that the Tagisken mausoleums of the same type as the burial structure No.6 are in their turn undoubtedly related along the genetic lines with the Jetyasar culture (what with the set of pottery, construction techniques, etc.).

** Dated back by the late 4th or by the turn of the 4th-3rd centuries (Tolstov S.P., 1962, p.148; Trudnovskaya S.A., 1962).

vel of the "Bolshoi dom" and two lower building levels of the "donjohn" period in Babish-mulla 1, Babish-mulla 6 cemetery, the beginning or, possibly, completion of the construction of the mausoleum Babish-mulla 2, Kzil-Tepe, Mausoleum No 2 in Tagisken.

2nd stage: Balandi 1 and 2, the oven level and partially the upper "Bolshoi dom" level as well as the upper building level of the "donjohn" period in Babish-mulla 1, Babish-mulla 2, the upper level of Chirik-rabat, some of the mausoleums of the Babandi 3 type, Chirik 2, Balandi 4 cemetery, mausoleum No 2 in Tagisken, mausoleums in the points 530, 534, 528, Kzil-Tepe.

3rd stage: Partially the upper level of Babish-mulla 1 and Chirik-rabat, Sengir-kala, the square burial structure in Chirik-rabat, mausoleum "Asar", Balandi 7, trench 73, No 1 in Tagisken.

S.P.Tolstov's suggestion to the Chirik-rabat culture's sites dated in general within the period of the 4th-2nd centuries B.C. (Tolstov S.P., 1962, p.136 and next) is quite convincing but the materials available to us allow some more precise definitions. Judging by the analogies found in the materials of the Sarmathian culture (especially in those coming from the territorially nearest sites of the South Urals) and in the items of armament the beginning of the early stage can be dated by the turn of the 5th-4th centuries B.C. (the kurgan in Chirik-rabat and, possibly, the start of mastering the territory of Chirik-rabat).

On the basis of data on architecture and ground plans the beginning of the construction of Babish-mulla 1 can be linked with the era of the Akhemenids. The fact that the construction of the satrap residence (as we believe it to be) remained unfinished and forgotten (for some time) seems to indicate most probably a connection with the fall of the Akhemenid state. In this case the upper boundary of the first stage can be recognized conditionally as being marked by the year of 330 B.C. Some ceramic analogues of this complex are found in the levels of Afrasiab 1 B (the last quarter of the 4th century B.C.). (K istoricheskoi topografii... (On the historic topography...), p.57,

58. The dates suggested earlier by G.V.Suisnikina differ a little bit from these - see: Ibid.) as well as in the overlaying level of Elken-Tepe III whose upper date has been ascertained as the 4th century B.C. (Maruschenko A.A., 1959. P.718; the author saw the fall of the site as connected with the conquering of the oasis by the Greek).

Of much importance for dating the culture's second stage are the Greek imports found in Balandi 1,2 and Babish-mulla 2. The finds themselves can be dated by the 4th-3rd centuries B.C. but judging from the historical situation the time of their appearance in the Lower Syrdaria area can be defined as the late third of the 4th century B.C. or, at the most, the beginning of the 3rd century B.C. In general it can be suggested that the second stage lasted from the late third of the 4th century B.C. and, conditionally, up to the mid-3rd century B.C.

As to the upper limit of the 3rd stage and the upper date of the culture as a whole no special data are available at all. Judging by the thinness of the culture levels and the small numbers of relevant sites, it was not too protracted in time. Hence, there is no reason to date their upper limit by anything later than the beginning of the 2nd century B.C., but it cannot be excluded, however, that its full development was completed within the 3rd century B.C.

Paleoanthropological materials from the sites of the Chirik-rabat culture are extremely scarce. According to the data of T.A.Trofimova who studied them, they are genetically connected with the series of the earliest Saka skulls from the area (Tagesken-Uigarak) but differ a bit by a certain degree of racialization and weakened Mongoloid admixture (Ginzburg V.V., Trofimova T.A., 1972, p.113 and next).

Although at present we do not have any contemporary Chirik-rabat paleoanthropological materials from the neighbouring Jetyasar culture, some data available on the later skulls from Altin-asar enabled T.A.Trofimova to draw a conclusion about their being similar to the materials obtained from the burials in mausoleum Asar and from Chirik-rabat (Ginzburg V.V., Trofimova T.A., 1972, p.185).

It should be pointed out that in the 4th-2nd centuries B.C. the delta area of the Syrdaria was an area quite isolated from the neighbouring territories of Kazakhstan which fact is reflected not only in the original appearance of the cultural complexes of the Chirik-rabat culture and of the early stages of the Jetyasar culture but also in the anthropological features of its population. In addition to the above we shall note that in contrast to the south-eastern Aral area the neighbouring Usuki territories of that time were characterized by the increase in the Mongoloid admixture (Ismailov, 1970, p.55; Ginzburg V.V., Trofimova T.A., 1972, p.105 and next).

It has become common practice in literature to compare the paleoanthropologic materials from the Chirik-rabat sites with those from the kurgans of cattle-breeders of the Bishkent valley (see, e.g., Kiyatkina T.P., 1966; Kodzhasiev T.K., 1980, p.9). The archaeological materials provides no grounds for such a comparison whatsoever. The Chirik-rabat group of skulls is characterized by its racial and morphological traits a transitional link from the Andronovo type to that of the Central Asian interfluvial. A similar process was taking place over a vast territory and could, as researchers suggest, proceed in different directions depending on the initial anthropological types (Alekseyev V.P., 1974). It seems therefore to be a more cautious and justified statement that refers to the northern or north-eastern origin of the pastoral population of the Bishkent valley than to connect it directly with the population of the south-eastern Aral Sea area.

In summarizing the characteristic of the Lower Syrdaria sites of the Chirik-rabat culture a conclusion about complex character of the agricultural pursuits of the population can be drawn. While the traditions of the culture, tools and implements are marked with nomadic (or, more exactly, pastoral) traits, the presence of monumental structures with involved architectural forms and, especially, of open unfortified settlements in their vicinities serves as a distinct evidence of the settled way of life and of a certain degree of development of agriculture there. In limited scope was explained by the pri-

mitiveness of irrigation works and, probably, by the modest water resources in the pra-Janydaria channels which dried out completely therefore in the 2nd century B.C. and made the Chirik-rabat culture's carrier leave the Lower Syrdaria reaches, while the pra-Kuvandaria channels (found farther east) remained alive and the Jeti-sar culture continued its development there.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И., 1980. (Перевод надписи Дария на золотой табличке из Хамадана). - Хрестоматия по истории древнего Востока, ч. 2, М.
- Абдуллаев Б., Дуке Х., 1987. Некоторые итоги исследования памятников бургуляжской культуры в 1981-82 гг. ИМКУ, вып. 21.
- Акишев К.А., 1956. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. "Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР", т. I, Алма-Ата.
- Акишев К.А., 1983. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963. Древняя культура саков и усуней р. Или. Алма-Ата.
- Алексеев В.П., 1974. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки. - "Проблемы этнической антропологии и морфологии человека", Ленинград.
- Анриринов Б.В., 1969. Древние оросительные системы Приаралья., М.
- Анриринов Б.В., Итина М.А., Кесь А.С., 1974. Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения, СЭ, № 5.
- Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв., Ашхабад.
- Арриан, 1962. Поход Александра. Перевод М.Е.Сергеенко. М.-Л., 1962.
- Аскарлов А., Альбаум Л.М., 1979. Поселение Кучуктепа, Ташкент.
- Бартольд В.В., 1965. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVIII века. - Сочинения, т. III, М.
- Бартольд В.В., 1965. Сырдарья, - Сочинения, т. III, М.
- Баруздин Ю.Д., 1956. Кара-Булакский могильник. Труды Института и горни Киргизской ССР, вып. II, Фрунзе.
- Баруздин Ю.Д., 1961. Кара-булакский могильник. Известия АН Киргизской ССР, серия общественных наук, т. III, вып. 3. Фрунзе.
- Берштам А.Н., 1940. Кенкольский могильник. Л., 1940.

- Берштам А.Н., 1950. Чуйская долина (МИА, № 14), М.
- Берштам А.Н., 1952: Историко-археологические очерки центральной Тиньшаня и Памиро-алая. (МИА, № 26), М.-Л.
- Бичурин Н.Я. (Накинф), т. III, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III, приложения, М.-Л., 1953.
- Вайнберг Б.И., 1979. Памятники Куэсайской культуры. - Кочевники на границах Хорезма (ТХЭ, XI). М.
- Вайнберг Б.И., 1979. Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамшская дельта Амударьи) - Кочевники на границах Хорезма (ТХЭ, XI). М.
- Вайнберг Б.И., 1991. Изучение памятников Присарыкамшской дельты Амударьи в 70-х - 80-х годах - "Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье)", вып. I, М.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. Поселение Актобе 2 - в книге А.Г.Максимова, М.С.Мерциев, Б.И.Вайнберг, Л.М.Левина. "Древности Чардары", Алма-Ата.
- Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака)", (ТХЭ, т. VIII), М.
- Вишневская О.А., Итина М.А., 1971. Ранние саки Приаралья. - "Проблемы скифской археологии", (МИА, № 177), М.
- Воробьева М.Г., 1959. Керамика Хорезма античного периода, в кн. Керамика Хорезма. ТХЭ. т. IV, М.
- Воробьева М.Г., 1967. Керамика в кн. "Кей-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма. IV в. до н.э. - IV в. н.э." ТХЭ, т. V, М., 1967, "Наука".
- Востров В.В., Муқанов М.С., 1968. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX вв.), Алма-Ата.
- Герасимов И.П., 1937. Основные черты развития современной поверхности Турана. "Труды Института Географии АН СССР", вып. 25.
- Геродот, 1972. История в девяти книгах. Перевод Г.А.Стратановского, Л.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.. Палеоантропология Средней Азии. М. 1972
- Горбунова Н.Г., 1962. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.

- Археологический сборник, вып. 5. Изд. Гос. Эрмитажа, Л.
- Граков Б.Н., 1928. Курганы в окрестностях поселка Непсинского Оренбургского уезда. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV.
- Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА № 115. М.
- Гудкова А.В., 1964. Ток-кала. Ташкент.
- Дандамаев М.А., 1963. Иран при первых ахеменидах, М.
- Дукс Х., 1982. Туялбугузские поселения бургулукской культуры. Ташкент.
- Дьяконов М.М., 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). МИА, № 37, М.
- Завьялов В.А., Миняев С.С., 1992. Погребальные памятники в Китае, Забайкалье, Средней Азии и Казахстане и их некоторой параллели. в кн. "Мерв в древней и средневековой истории Востока". Тезисы докладов, Мерв, 1992.
- Иванов П.П., 1958. Очерки по истории Средней Азии (XVI - середина XIX в.) М.
- Исмагулов О., 1970. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование), Алма-Ата.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984. Ер-Курган. Ташкент.
- Кабанов С.К., 1969. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, № I.
- Кабанов С.К., 1973. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. в сб. "Афрасиаб", вып. II, Ташкент.
- Кабанов С.К., 1981. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни. в сб. "К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда". Ташкент.
- Кадирбаев М.К., 1966. Памятники тасмолинской культуры, в кн. Маргулан А., Акиев К.А., Кадирбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата.
- Казахстан, 1970. в серии "Советский Союз" в 22-х томах, М.
- Кацурис К., Буряков Ю., 1963. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. Труды ШТАКЭ, XII. Ашхабад.
- Квинт Курций Руф. 1963. История Александра Македонского. Пере-

- вод под ред. В.С.Соколова, М., (МГУ).
- К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
- Кесь А.С., 1958. Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии. КСИЭ, вып. XXX.
- Кияткина Т.П., 1964. Краниологический материал из катакомбных погребений античного времени в Виной Туркмении. - "Проблемы этнической антропологии Средней Азии". Научные труды ТавГУ, вып. 235, Ташкент.
- Кияткина Т.П., 1965. Формирование антропологического типа таджиков по антропологическим данным. Душанбе (автореферат кандидатской диссертации).
- Кожомбердиев И., 1977. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. в кн. "Кетмень-Тюбе". Фрунзе.
- Левина Л.М., 1971. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. (ТХЭ, X, М).
- Левина Л.М., 1979. Поселения VII-V вв. до н.э. и "влаковые" курганы южных районов Сырдарьинской дельты. - Кочевники на границах Хорезма (ТХЭ, XI), М.
- Левина Л.М., Никитин С.Б., 1991. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья, ВДИ, № 4, М.
- Литвинский Б.А., 1959. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 году. Труды АН Тадж. ССР, т. ХСІ, Душанбе.
- Литвинский Б.А., 1960. "Саки, которые за Согдом". - Труды АН Таджикской ССР, т. СХХ, Душанбе.
- Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники "крыши мира". М.
- Лоховиц В.А., 1963. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-рабат. - МХЭ, вып. 6, ч. I, М.
- Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию. (МНА, № 136), М.-Л.
- Маруценко А.А., 1959. Елькен-депе. - Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. У. Ашхабад.
- Массон В.М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. МНА, № 73, М.-Л.
- Мелькова А.И., 1964. Вооружение скифов. (САН, вып. ДІ-4), М.
- Мелькова А.И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у

- села Николаевка, М.
- Можкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры (САН ДІ-10), М.
- Мурадова Э.А., 1984. Раскопки на Бенгуване. - в сб. "Туркменистан в эпоху раннежелезного века". Ашхабад.
- Николаев Р.В., 1966. Раскопки тагарского кургана в окрестностях Красноярска в 1952 году. "Сибирский археологический сборник", Новосибирск.
- Николаев Р.В., 1930. Красноярский вариант тагарской культуры. В сб. "Скифо-сакское культурно-историческое единство", материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово.
- Обельченко О.В., 1956. Кую-Мазарский могильник. "Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР", вып. УІІІ, Ташкент.
- Оганесян К., 1961. Арин-Берд. Ереван.
- Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. САН, вып. Д-4-5, М., Наука.
- Пилипко В.Н., 1975. Парфянское сельское поселение Гаури-Кириз. Ашхабад.
- Пилипко В.Н., 1984. Поселение раннежелезного века Гаури-Кириз I. В сб. "Туркменистан в эпоху раннежелезного века". Ашхабад.
- Пилипко В.Н., 1985. Поселения северо-западной Парфии, Ашхабад.
- Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А., 1985. Северная Парфия. В кн. "Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии" (серия "Археология СССР"), М.
- Пугаченкова Г.А., 1976. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. В сб. "Древняя бактрия", М.
- Пьянков И.В., 1964. К вопросу о маршруте похода Кира II на мидятов. ВДИ, № 3.
- Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С., 1963. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гир I в 1958 г. (МХЭ, вып. 6, ч. I), М.
- Сарианиди В.И., 1977. Древние земледельцы Афганистана, М.
- Синицин И.В., 1952. Археологические исследования в Саратовской

- области в Западном Казахстане. КСИМК, вып. XIV.
- Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов (МИА, № 101), М.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.
- Смирнов К.Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. В сб. "Кавказ и Восточная Европа в древности (памяти Е.И.Крупнова)", М., "Наука".
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья", (САИ, Д-1-9), М.
- Сокольский Н.И., 1971. Дерево-обрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. (МИА, № 178), М.
- Солин Гай Юрий, "Сборник достопримечательностей", перевод В.В. Латышева - ВДИ, 1949, № 3, с. 248.
- Сорокин С.С., 1961. Боркорбазский могильник. В сб. "Труды Гос. Эрмитажа", М. У. Л.
- Спришевский В.И., 1956. Некоторые находки из мугхена в собрании Музея истории. "Труды Музея истории Узб. ССР", вып. III, Ташкент.
- Страбон. География в 17 книгах. Перевод Г.А.Стратановского, Л., 1964.
- Струве В.В., 1968. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л.
- Теренежкин А.И., 1940. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. "Известия Узб. ФАН СССР", № 9, Ташкент.
- Теренежкин А.И., 1950. Согд и Чач. КСИМК, XXXIII.
- Теренежкин А.И., 1979. Древнейшие земледельцы Ташкентского оазиса. В кн. "Древняя и средневековая культура Чача", Ташкент.
- Тирацен Г.А., 1964. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья У-IV вв. до н.э. - СА, № 3.
- Толстов С.П., 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.
- Толстов С.П., 1948 а. Древний Хорезм, М.
- Толстов С.П., 1949. Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 г. - Известия АН СССР, серия истории и философии, т. УІ, № 3.
- Толстов С.П., 1952. Хорезмийская археолого-этнографическая

- экспедиция АН СССР (1945-1949 гг.) - ТХЭ, I, М.
- Толстов С.П., 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-53 гг. - ТХЭ, II, М.
- Толстов С.П., 1958 а. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955-56 гг. - СЭ, № I.
- Толстов С.П., 1961. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи) - СЭ, № 4.
- Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстов С.П., 1963. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. - ВДИ, № 2.
- Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А., 1960. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. - МХЭ, вып. 4, М.
- Толстов С.П., Иданко Т.А., Итина М.А., 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958-61 гг. - МХЭ, вып. 6, ч. I, М.
- Толстов С.П., Итина М.А., 1966. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). СА, № 2, с. 151-175.
- Толстов С.П., Кесь А.С., 1954. Проблема древнего течения Амударьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных "Материалы по второму съезду географического общества СССР", М.
- Трофимова Т.А., 1967. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии. "Antropos", 19 (N.S. II). Врно.
- Трофимова Т.А., 1974. Краниология кочевников античного периода с территории Западной Туркмении. - "Проблемы этнической антропологии и морфологии человека", Л.
- Трудиновская С.А., 1963. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат. - МХЭ, вып. 6, ч. I, М.
- Ураков Баймурза, 1982. Культура Бухарского оазиса второй половины I тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э. Автореферат канд. диссерт., М.
- Усманова З.И.; 1963. Эрк-кала. Труды ЮТАКЭ, XII, Ашхабад.
- Усманова З.И., 1963 а. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. Труды ЮТАКЭ, XII, Ашхабад.
- Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. - Михман-наме-йи Бухара (запис-

- ки бухарского гостя). Перевод Р.Н.Джалиловой. Под ред. А.К.Арендса ("Памятники письменности Востока", XXVII), М., 1976.
- Федорович Б.А., 1950. Древние реки в пустынях Турана. - "Материалы по четвертичному периоду СССР", вып. 3, М.-Л.
- Ходжаев Т.К., 1980. К палеоантропологии древнего Узбекистана, Ташкент.
- Шишкина Г.В., 1969. О местонахождении Мараканды. СА, № 1.
- Шишкина Г.В., 1974. Керамика конца IY-II вв. до н.э. (Афрасиаб II). В сб. "Афрасиаб", вып. II, Ташкент, ФАН.
- Шишкина Г.В., 1975. Эллинистическая керамика Афрасиаба. СА, № 2.
- Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А., 1985. Согд. В кн. "Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии", (серия "Археология СССР"), М.
- Эдаков А.В., 1976. Новые надписи Ахеменидов. - ВДН, № 1.
- Юсупов Х., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.
- Юсупов Х., 1991. Древние скотоводы Северо-западного Туркменистана. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, М. (МГУ).
- Яковенко Э.В., 1973. "Скинетр царицы" "З Куль-Оби". - Археология, II, Киев.
- Bergman Folke, 1939. Archaeological researches in Sinkiang. Especially the Lor-nor region. - "Reports from the Scientific expedition to the north-western provinces of China hudes the leader ship of dr. Sven Hedin. Stockholm.
- Cattenat A. et. Gardin J - P. 1979. - Cattenat Annette et Gardin J-CI. Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristigues de L'Epogue achéménide sur le Plateau Iranien et en Asia Antrale. U.R.A. n°.10. du Centre de Recherches Archéologiques. Com. / 3 / 1979 / Colloqu Iran-Asia centrale.
- Gardin J.C., 1957, Ceramiques de Bactre. Memoires de la Delegation Archeologique Francais en Afghanistan, XV, Paris.
- Gorbunova N.G., 1936, The Culture of Ancient Ferghana VI century B.C. - VI century A.D. B.A.R. International Series 291. S.Centemead, Osney, Mead, Oxford.

- Junge J., 1939. Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. Lpz.
- Gutschmid A., 1938. Geschichte. Irans, Berlin.
- Francovich Geza de, 1966. Problems of Achaemenid Architecture. "East and West", new-series, vol. 16, Nos. 3-4, Roma.
- Herrmann A., 1914, Alte Geographie des unteren Oxusgebelts - Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen", Ph. - hist. Kl, Nene Folge, Bd. XV, N 4.
- Herzfeld E., 1926. Eineneue Darius Inschrift aus Hamadan. - "Deutsche Ziteraturztitung", N. 42. Berlin.
- Herzfeld E., 1938. Altpersische Inschriften, Berlin.
- Kent R.G., 1943. Old Persian texts. IV, The lists of provinces. - Journal of Near Eastern Studies, vol. II, N 4, Chicago.
- Nyberg H.S., 1983. Die Religionen des alten Iran, Lpz.
- Schlumberger D. et. P. Bernard, 1965. Ai Khanoum. BCH., LXXXIX, II, Paris.
- Schmidt E.F., 1939. The treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of the Achaemenides, Chicago.
- Schmidt E.F., 1953. Persepolis, vol. I, Chicago.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1 Карта древней дельты Сырдарьи.
- Рис. 2 Бабш-муллинский оазис и его окрестности. Общий схематический план (по Б.В. Андрианову)
Условные обозначения:
1 - развалины укреплений
2 - скопления керамики на месте разрушенных поселений и номера поисков
3 - древние каналы
4 - позднесредневековый мазар
5 - курганы
6 - мастерская статуэток
7 - старые русла, возвышавшиеся над уровнем такира
8 - русла, выраженные такирными полосами и растительностью
9 - русла с отрицательными формами рельефа и водохранилища
- Рис. 3 Северная часть Бабш-муллинского оазиса (по Б.В. Андрианову). Условные обозначения те же, что и на рис. 2
- Рис. 4 Бабш-муллинский оазис. План поселения с керамическим производством
- Рис. 5 Баландинский оазис (по Б.В. Андрианову)
А - общий план
Б - поселение у крепости Баланды-I
Условные обозначения:
1 - укрепленное поселение
2 - остатки жилищ на неукрепленных поселениях
3 - погребения
4 - "магистральный" канал
5 - мелкая оросительная сеть
6 - дамбированное русло
В - каналы и русло у крепости Баланды-I
- Рис. 6 Крепость Чирикрабат. Общий план. Римскими цифрами обозначены номера раскопок:
I - раскоп древней крепостной стены с башней
II - курган № 1
III - круглое погребальное сооружение (включено в

- средневековую оборонительную систему)
IV - квадратное погребальное сооружение
У - стратиграфический раскоп у крепостной стены
UI - "цитадель" древнего городища
- Рис. 7 Чирик-рабат. Круглое погребальное сооружение. Общий вид.
- Рис. 8 Чирик-рабат. Древняя крепостная стена с башней. Планы, разрезы.
- Рис. 9 Чирик-рабат. Раскоп UI на "цитадели". План и разрез.
- Рис. 10 Укрепление Чирик-3. План и наружный фасад части крепостной стены с бойницами
- Рис. 11 А - Укрепление Чирик-3. Разрез крепостной стены. Условные обозначения в кружках:
I - слой намывов
2 - завал кирпично-глинистый
3 - кирпичный завал
4 - горелый слой
2а и 3а - соответствующие слои с включениями песка.
Б - Оросительные сооружения в окрестностях Бабш-мулла (по Б.В. Андрианову)
Условные обозначения:
1 - русло-водохранилище
2 - каналы
3 - скопление керамики на месте поселений
4 - гончарная печь
5 - укрепления и монументальные постройки
6 - могильник
- Рис. 12 Бабш-мулла I. Общий план. Черным цветом отмечены раскопанные части ранних построек. Серым (штриховкой) - стены позднего периода жизни памятника
- Рис. 13 Бабш-мулла 2. Общий вид с северо-запада
- Рис. 14 Бабш-мулла I. План "цитадели" с большим домом. Черным цветом отмечены стены ранних построек
- Рис. 15 Бабш-мулла I. Донжон. Общий план.
- Рис. 16 Бабш-мулла I. Донжон. Разрез I-I (с-ю), см. рис. 15
- Рис. 17 Бабш-мулла I. Донжон. Разрез В-3 (до раскопок помещ. 3)

- Рис. 18 Бабиш-мулла I. Донжон
 А - Вид с юго-западного угла
 Б - Первый этап раскопок. Вид с северо-востока на помещения I и Ia. Проход-пандус слева на заднем плане.
- Рис. 19 Бабиш-мулла I. Донжон. Помещения 4а (второй этаж) и 8. Детали разреза.
- Рис. 20 Бабиш-мулла I. Донжон.
 А - помещение I, фасад восточной стены
 Б - помещение 8. Разрез слоев по линии с-ю.
 Условные обозначения:
 I - комковатая пахсовая забутовка
 2 - песчано-глиняная засыпка
 3 - крупнокомковатая плотная глиняная засыпка
 4 - песчано-глинистая засыпка с мелкими комками
 5 - намывы
- Рис. 21 Бабиш-мулла I. "Большой дом". Планировка вскрытого участка здания нижнего горизонта
- Рис. 22 Баланды I
- Рис. 23 Баланды I. План и разрез раскола у крепостной стены.
- Рис. 24 Сенгиркала. План и разрезы
- Рис. 25 Сенгиркала. Планы раскопанных помещений. Штриховкой показаны горючие пятна разной интенсивности
- Рис. 26 Чагирлы I. План и разрез по крепостной стене
- Рис. 27 Бабиш-мулла I. Крепостная стена у северо-восточного угла донжона
 I - вид со стороны крепости (с севера)
 II - вид с юга. Часть стены была скрыта постройками донжона (помещение 3)
 III - крепостная стена. План и разрез бойниц
- Рис. 28 Бабиш-мулла 2.
 А - Северная часть осевого коридора
 Б - Помещение 2. Фасад западной стены
- Рис. 29 Бабиш-мулла I. Донжон. Помещение 3. Фасад восточной стены.
- Рис. 30 Баланды 2
 А - арка "Ж" между помещениями 5 и 6
 Б - арка "З"

- Рис. 31 Бабиш-мулла 2. Арки
 А - помещение I
 Условные обозначения:
 I - намывы с кусками кирпичей
 2 - рыхлый завал с кирпичами
- Рис. 32 Баланды 2. Помещение 6. Разрез.
 Условные обозначения:
 I - намывы
 2 - слой крупнокомковатого кирпичного боя
 3 - слой с керамическими фрагментами
 4 - горелый слой на полу
 5 - находка бронзового браслета
- Рис. 33 Баланды 2. Помещение 3. Фасад восточной стены. Белые пятна - сохранившиеся части штукатурки
- Рис. 34 План кургана и кладбища Бештам
- Рис. 35 Курган I на городище Чирик-рабат. План и разрез
- Рис. 36 Курган I на городище Чирик-рабат. Вид на камеру и дромос
- Рис. 37 Керамика из погребальных сооружений (№№ I-3 - мавзолей Асар; №№ 4-7 - мавзолей в точке 530; № 8 - мавзолей-поиск 64/59; №№ 9-16 - мавзолей в точке 528; №№ 17-20 - курган I на городище Чирик-рабат; №№ 21-25 - круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат; №№ 26-27 - мавзолей Баланды 3; №№ 28-38 - мавзолей Чирик-2; №№ 39-77 - квадратный мавзолей на городище Чирик-рабат).
- Рис. 38 План и разрез погребения в могильнике Баланды IY
- Рис. 39 Керамика из погребальных сооружений (№№ I-9 - мавзолей - поиск 72/59; №№ 10-21 - курган I могильника Баланды IY; №№ 22-37 - мавзолей в точке 534; №№ 38-69 - могильник Бабиш-мулла 6).
- Рис. 40 Могильник Бабиш-мулла 6. План, разрезы.
- Рис. 41 Могильник Бабиш-мулла 6. Общий вид.
- Рис. 42 Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат. План и разрез.
- Рис. 43 Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат.
 а) аксонометрия

б) помещение № 1

Рис. 44 Погребальное сооружение Бабиш-мулла 2. План и разрез.

Рис. 45 Керамика из погребальных сооружений (№№ 1, 12, 20-32, 42-44, 46-56, 70, 73-78, 90-91, 93-98 - мавзолей Бабиш-мулла 2; №№ 2-11, 13-18, 33-39, 45, 63-64, 68-69, 82-83, 101-102 - мавзолей Баланды 2).

Рис. 46 Квадратный мавзолей на городище Чирик-рабат. План и разрез. (А - план, Б, В, Г - разрезы, Б - по I-I, В - по 2-2, Г - по 3-3; х - место находки черепа).

Рис. 47 Квадратный мавзолей на городище Чирик-рабат. Вид раскопа.

Рис. 48 Погребальное сооружение Кзыл-тепе. План, разрез.

Рис. 49 Погребальное сооружение № 2 негильника Тагискен. План, разрез, общий вид.

Рис. 50 Погребальное сооружение Тышкан-тепе. План, разрезы.

Рис. 51 Погребальное сооружение Тышкан-тепе. Разрезы, заполнения.

Условные обозначения:

1 - плотный такырный суглинок

1а - намывные глинисто-песчаные слои

2 - прослойки темно-коричневого цвета (органические остатки, перегнившее дерево, камни)

3 - суглинистые намывы

4 - зольные прослойки (в основном, сгоревший камыш)

5 - насыпной песок светлого цвета с известковыми включениями и линзами золы

6 - плотная сунь желтого цвета

7 - глиняные обмазки полов

8 - тяжелое глиняное заполнение

9, 9а - пахсовый завал с обломками кирпичей, углями, золой, органическими включениями

Рис. 52 Погребальное сооружение Чирик-2. План по верхнему горизонту, разрезы.

Рис. 53 Погребальное сооружение Чирик-2. План по нижнему горизонту, разрезы.

Условные обозначения:

I - глиняные обмазки пола

2 - плотная битая глина (вероятно, остатки пахсовой стены)

3 - культурный слой, состоящий из завала комков глины и обломков кирпичей, прослоек камышовых настилов, реже зольных и песчаных прослоек

3а - плотный кирпичный завал с редкими прослойками камыша

4 - слой горения (горелый камыш, жженые кирпичи)

5 - кирпичные выкладки под полами, между рядами кирпичей - глиняные обмазки полов

6 - песчаные намывы

6а - глинистые намывы

7 - прослойки переплетного камыша

Рис. 54 Погребальное сооружение Чирик-2

а) разрез заполнения по шурфам

б) предметы инвентаря

Рис. 55 Погребальное сооружение Баланды 3. План, разрез

Рис. 56 Погребальное сооружение Бельтам. План, разрез

Рис. 57 Погребальные сооружения:

а) в точке 64/59; б) Чагырлы 2. Планы, разрезы

Рис. 58 Погребальное сооружение в точке 534. План, разрезы

Рис. 59 Погребальное сооружение в точке 530. План, разрезы

Рис. 60 Погребальное сооружение в точке 528. План

Рис. 61 Погребальное сооружение в точке Баланды 7. План, разрез.

Рис. 62 Погребальное сооружение Асар. План, разрезы.

Рис. 63 Погребальное сооружение Асар

а) общий вид

б) вид юго-западного сектора

Рис. 64 Погребальное сооружение Асар. План заполнения и разрез.

Условные обозначения:

I - глинистые намывы

2 - рыхлый культурный слой темнокоричневого цвета (перегнившие органические остатки, дерево, камни)

3 - пахсовый завал с обломками кирпичей, прутьями

4 - переплетенный камыш

- 5 - обломки тростника и деревянные палки
6 - прослойки песка с костями скелетов и органическими включениями.

- Рис. 65 Погребальное сооружение Асар. Части погребального инвентаря. (№№ 16, 17 - плетеные корзинки с крышками, № 1 - 4 - деревянные сосуды, №№ 7-10, 13 - костяные бусы, №№ 5, 6 - бронзовые наконечники стрел, №№ 14, 15 - каменные подвески).
- Рис. 66 Погребальное сооружение Асар. Деревянные носилки и гробы.
- Рис. 67 Погребальное сооружение в поиске 72/59. План, разрез.
- Рис. 68 Погребальное сооружение № 1 могильника Тагискен. План, разрез.
- Рис. 69 Погребальное сооружение Баланды 2. План, разрез.
- Рис. 70. Таблица погребальных сооружений Чирикрабатской культуры. (I этап - №№ 4, 14, 16; н.б. В, 13; II этап - 2, 3, 6-8, 11-13, 16, 17; III этап - 1, 5, 9, 15; № 1 - мавзолей "Асар"; № 2 - Чирик-2, верхний горизонт; № 3 - Чирик-2, нижний горизонт; № 4 - круглый мавзолей на Чирик-рабате; № 5 - мавзолей I могильника Тагискен; № 6 - Баланды 7; № 7 - Баланды 3; № 8 - мавзолей Бельтам; № 9 - мавзолей п. 72/59; № 10 - мавзолей т. 528; № 13 - мавзолей I могильника Тагискен; № 14 - Кзыл-тепе; № 15 - квадратный мавзолей на Чирик-рабате; № 16 - Баланды 2; № 17 - мавзолей т. 534; № 18 - Бабиш-мулла 2).
- Рис. 71 Керамика первой группы
- Рис. 72 Типология керамики первой группы
- Рис. 73 Орнаментированная керамика первой группы
- Рис. 74 (а, б, в, г). Типология керамики второй группы
- Рис. 75 Керамика второй группы (хумы, хумчи)
- Рис. 76 Керамика второй группы (хумы, хумчи)
- Рис. 77 Керамика второй группы (чаша, крышки, горшковидные и котловидные сосуды)
- Рис. 78 Керамика второй группы (кувшин)
- Рис. 79 Керамика второй группы (фляги, горшковидные сосуды)
- Рис. 80 Керамика второй группы (миски, блюда)
- Рис. 81 Знаки на керамике

- Рис. 82 Предметы быта, украшения культовые (№№ 1 - мавзолей Баланды -2; №№ 2-16 - городище Баланды I, №№ 17, 18, 26, 39-41 - городище Баланды I; №№ 19-25, 27-38, 42 - поселения; № 43 - городище Чирик-рабат, раскоп 5; №№ 1-8, 11, 18, 39 - кость; №№ 9-10, 20-21 - стекло, №№ 12, 27, 40 - камень; № 13 - серебро; №№ 16, 26 - бронза; № 1 - кость, железо; №№ 38, 41 - железо; №№ 42, 43 - глина; № 24 - гагат; №№ 25, 29, 31-37 - стеклянная паста; № 30 - пирит черный).
- Рис. 83 Украшения из погребальных сооружений (№№ 1-33 - круглый мавзолей на городище Чирик-рабат; №№ 34-52 - квадратный мавзолей на городище Чирик-рабат; №№ 53-80 - мавзолей Бабиш-мулла 2; №№ 81, 88, 90-92, 95 - мавзолей Чирик-2; №№ 82-87, 89 - мавзолей Асар; №№ 93-94 - катакомбное погребение из могильника Баланды 4; №№ 1-17, 34-41, 53-65 - золото; №№ 18, 93-94 - бронза; №№ 19, 26-27, 30-33, 42-43, 45, 47, 49, 80, 90-92 - стеклянная паста; № 20 - серебро; № 21 - хальцедон (ахеменидская гемма); № 22 - агат; №№ 23, 77 - мрамор; №№ 70-81 - золото, жемчуг, коралл; №№ 24, 25 - лазурит; №№ 28-29, 66-67 - золоченое стекло; №№ 44-45, 48, 50, 68-69, 76 - гагат; №№ 51, 66, 71, 78, 79 - сердолик; №№ 73-75 - коралл; №№ 52, 89 - кость; № 72 - жемчуг; №№ 86, 89 - глина; № 90 - камень. №№ 1-13, 20, 34-41, 53-62 - бляшки, подвески, пронизи; № 21 - печать, № 22 - скарабеоид; №№ 14-15, 70, 81, 65 - серьги и подвески к серьгам (сканные, провололочные); №№ 16, 93-94 - височные кольца и кольца; №№ 19, 23-33, 42-51, 63-64, 66-69, 71-80, 82-85, 87, 89-92 - бусы; №№ 18, 95 - туалетные ложки; №№ 52, 88 - рукоятки).
- Рис. 84 Оружие. (№№ 1-3, 5-II, 14-51, 55-59 - бронза; №№ 4, 13, 52-54, 60 - железо; № 12 - кость. № 1 - городище Чирик-рабат, раскоп 5; №№ 5-13 - городище Бабиш-мулла I; №№ 14-45 - поселение в окрестностях Чирик-рабат и Бабиш-муллы I; №№ 46-48 - поселение у крепости Баланды I; №№ 49-51 - курган I в могильнике Баланды IУ; № 52 - курган I на городище Чирик-рабат;

№№ 2, 3, 53-54 - круглый мавзолей на городище Чирик-рабат; №№ 4, 58-60 - квадратный мавзолей на городище Чирик-рабат; №№ 55, 57 - мавзолей Чирик 2; № 56 - мавзолей Асар.

№№ I-5I, 55-60 - наконечники стрел; № 52 - меч; №№ 53-54 - пл. стины панциря).

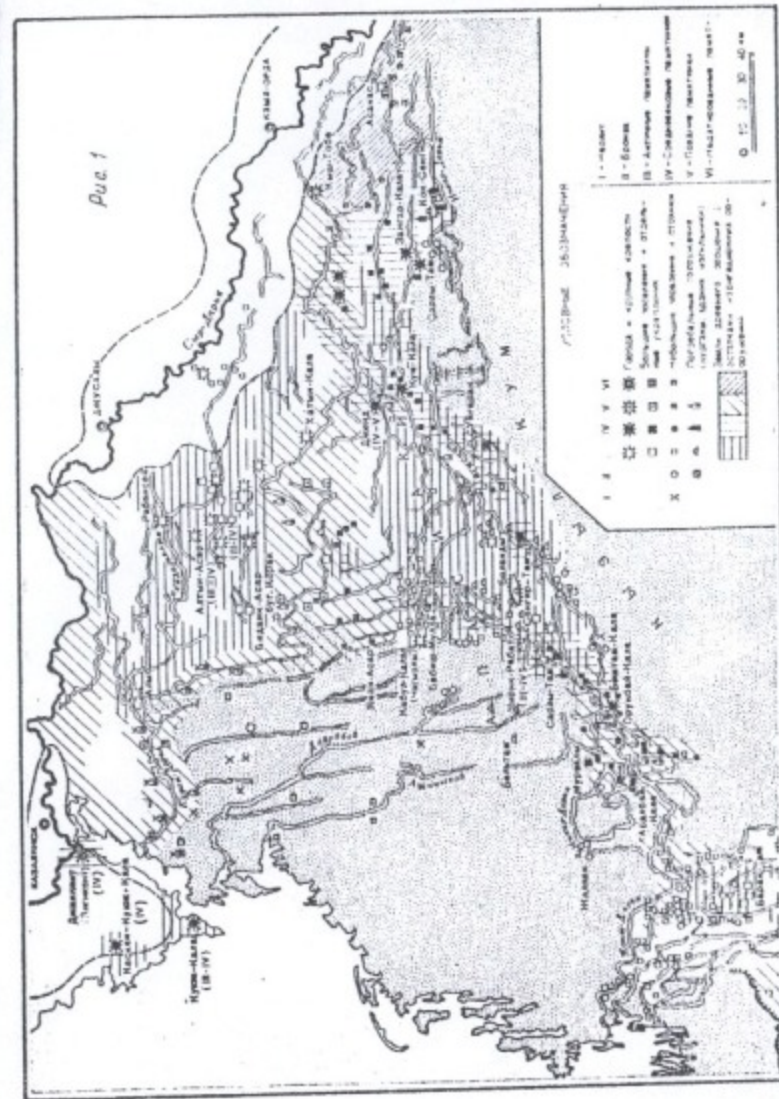
Рис. 85 Каменные курьльницы (№ 3 - мавзолей Чирик 2; № 6 - квадратный мавзолей на городище Чирик-рабат; № 1, 2 - могильник Бабиш-мулла 6; №№ 5, 4 - поселения I, II в окрестностях Бабиш-мулла).

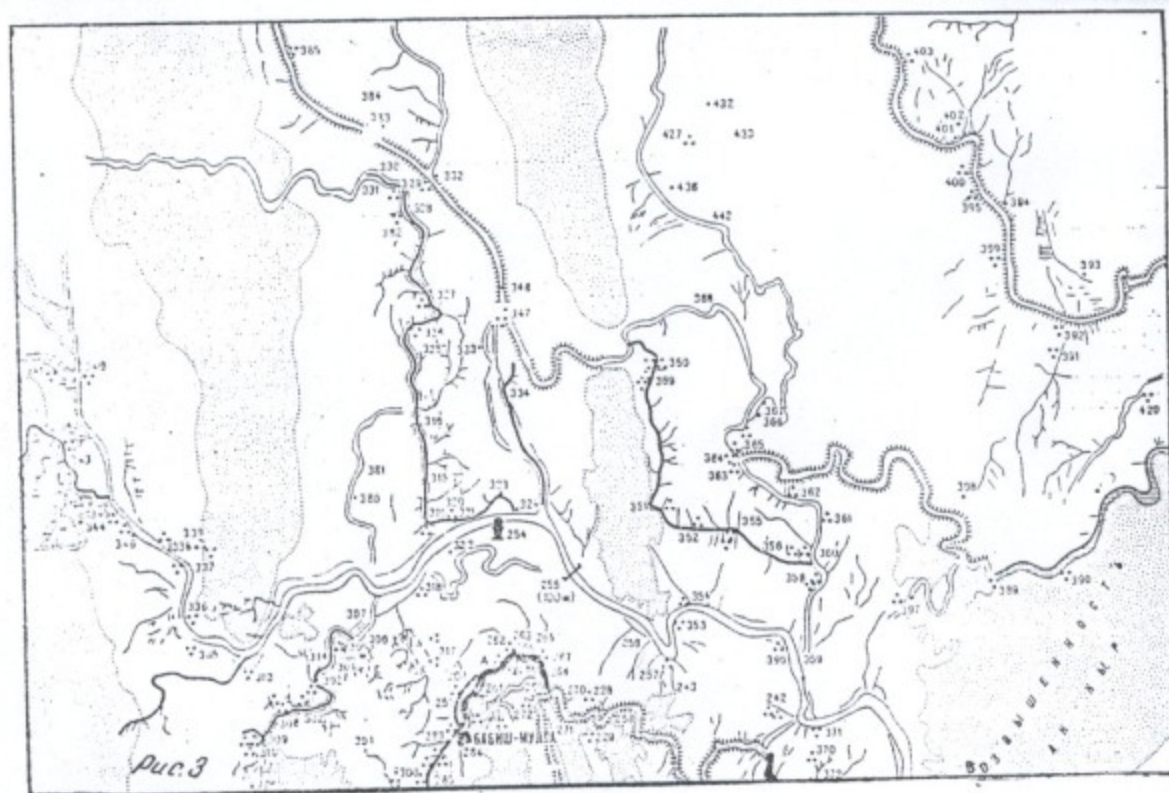
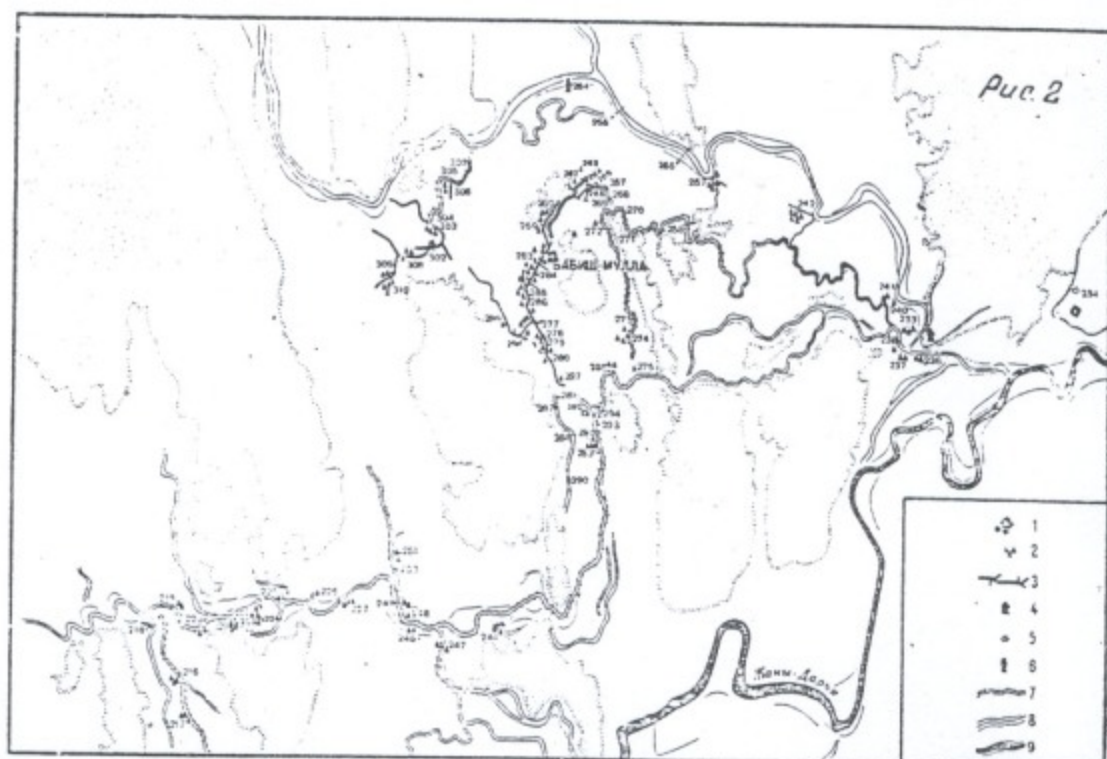
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ - Вестник древней истории, М.
ИМКУ - История материальной культуры Узбекистана, Ташкент.
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры, М.-Л.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР, М., Л.
МХЭ - Материалы Хорезмской экспедиции, М.
САИ - Свод археологических источников, М.
СА - Советская археология, М.
СЭ - Советская этнография, М.
ТашГУ - Ташкентский Государственный Университет.
ТХЭ - Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, М.
ХЭ - Хорезмская экспедиция.
УТАКЭ - Ужнотуркменская археологическая комплексная экспедиция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
§ 1. Общие вопросы (Б.И.Вайнберг, Л.М.Левина)	3
§ 2. Историко-географическое изучение региона (Б.И.Вайнберг, Л.М.Левина)	5
§ 3. Вопросы палеогеографии и экологии (Б.И.Вайнберг)	7
ГЛАВА 1. ПОСЕЛЕНИЯ	15
§ 1. Топографии памятников и ирригационные сооружения (Б.И.Вайнберг, Л.М.Левина)	15
§ 2. Крепости (Б.И.Вайнберг, Л.М.Левина)	21
§ 3. Строительная техника и особенности архитектурных сооружений (Б.И.Вайнберг)	33
ГЛАВА 2. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД (Л.М.Левина)	37
ГЛАВА 3. КЕРАМИКА (Л.М.Левина)	56
ГЛАВА 4. ПРЕДМЕТЫ БЫТА, ОРУДИЯ ТРУДА, ВООРУЖЕНИЕ, КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ (Б.И.Вайнберг, Л.М.Левина)	85
ГЛАВА 5. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА (Б.И.Вайнберг)	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ (Б.И.Вайнберг, Л.М.Левина)	94
CONCLUSION AND CHRONOLOGY ISSUES	103
ЛИТЕРАТУРА	111
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	120
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	129

ПЛАН ПОСЕЛЕНИЯ С КЕРАМИЧЕСКИМ ПРОИЗВОДСТВОМ

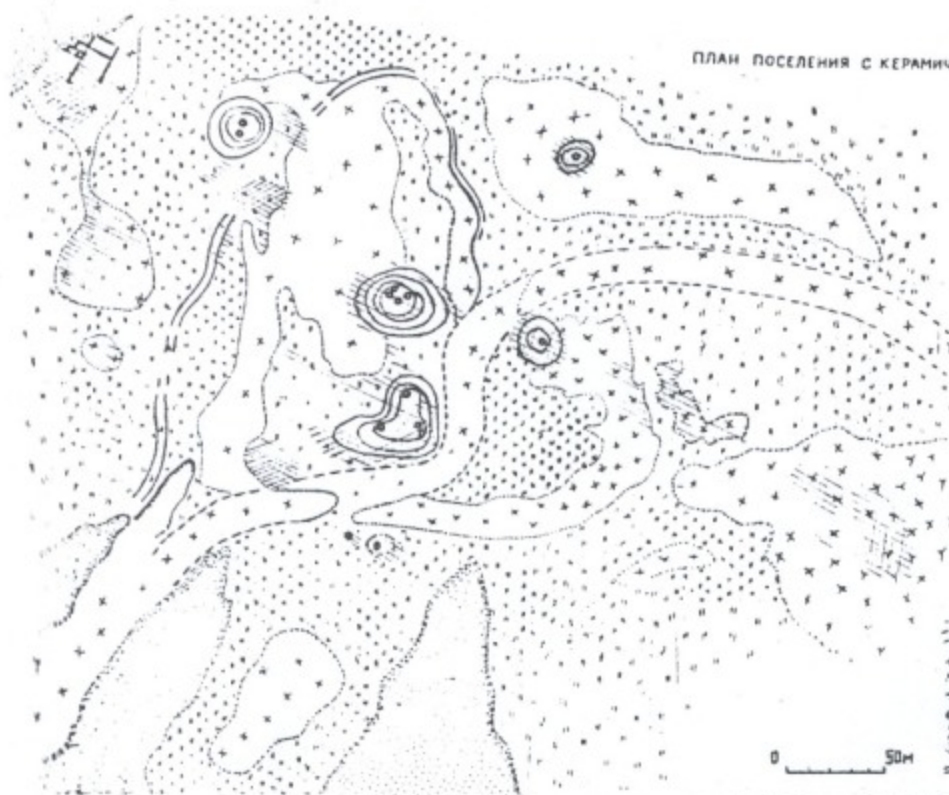
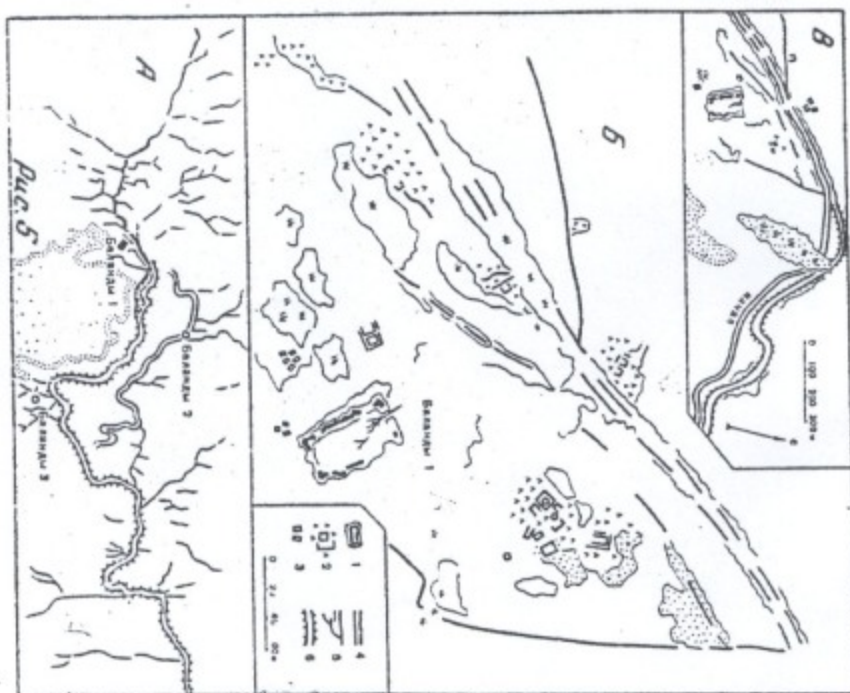

Рис. 4

- Склады древесного угля
- Глиняные
- Керамические мастерские
- Печи
- Керамические печи
- Остатки жилищ
- Следы канав

ЧИДМИН-БАДАТ 1957.
 ТУРИСТУР-171

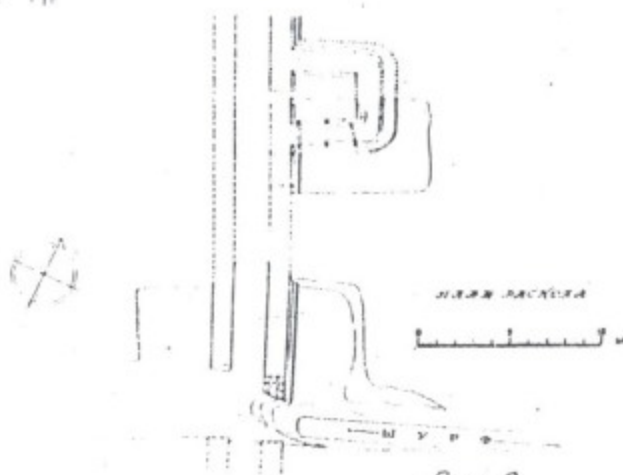
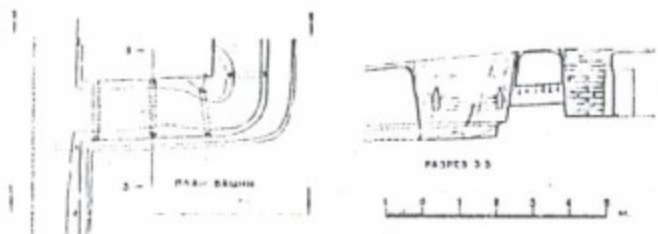
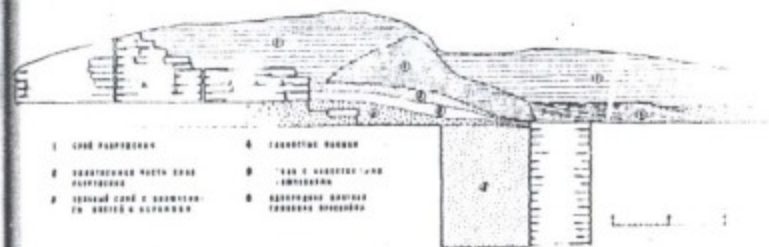
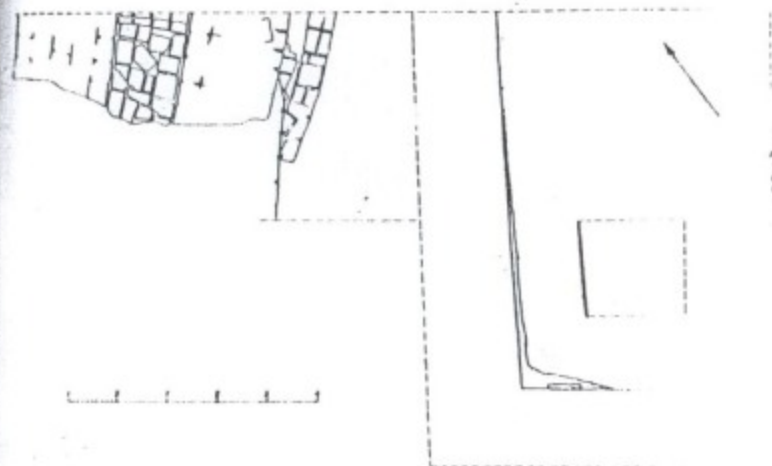
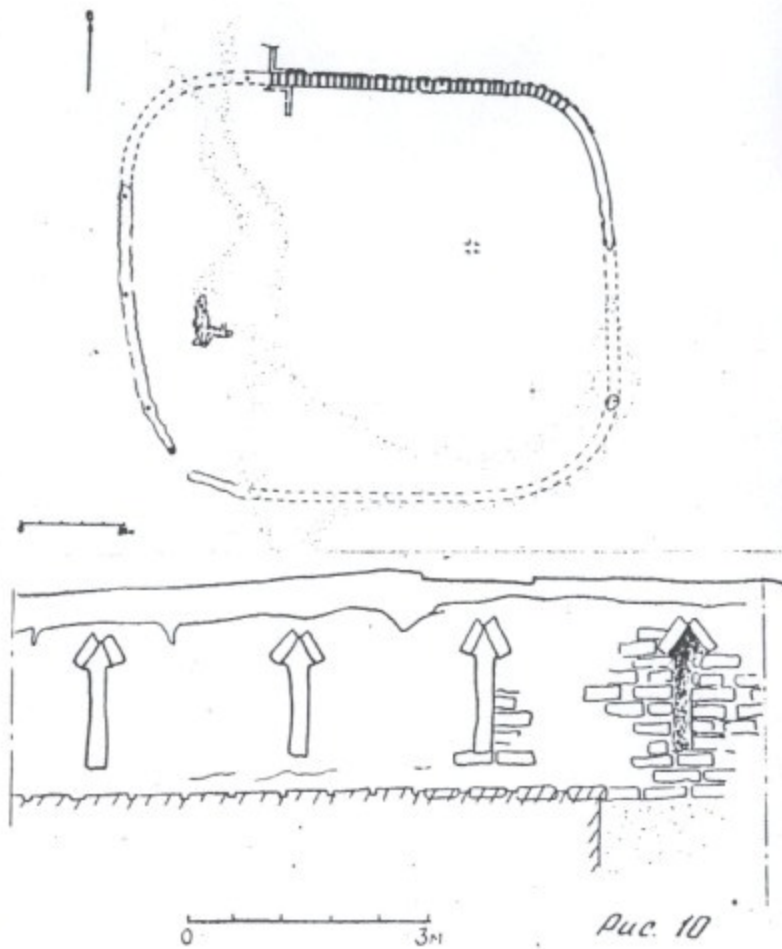

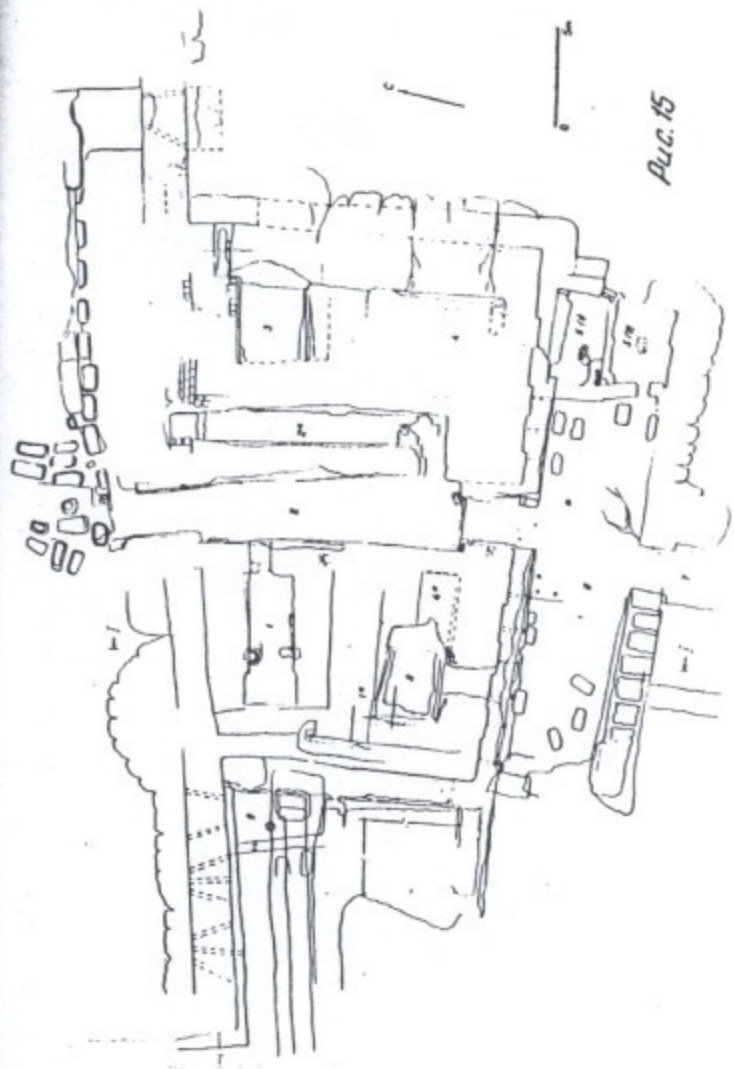
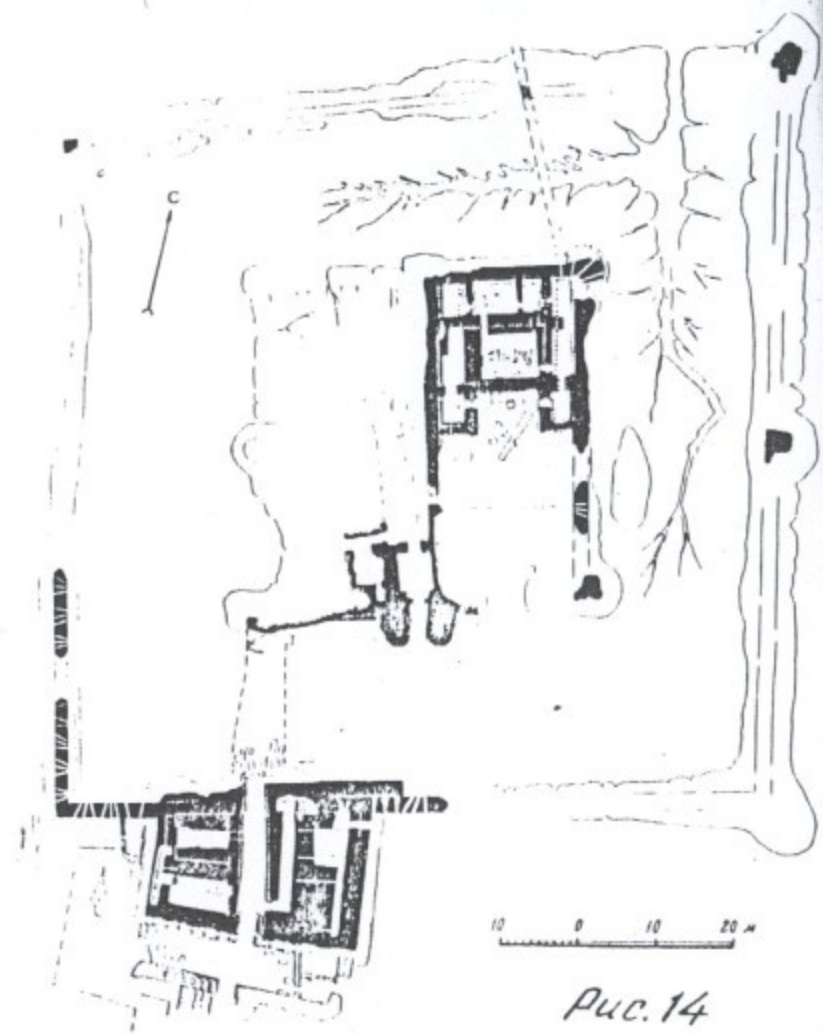
Рис. 8

1. ЧИДМИН-БАДАТ	4. ЧИДМИН-БАДАТ
2. ЧИДМИН-БАДАТ	5. ЧИДМИН-БАДАТ
3. ЧИДМИН-БАДАТ	6. ЧИДМИН-БАДАТ

Рис. 9

0
5m

Puc. 16

FIGURE 1-3

Puc. 11

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

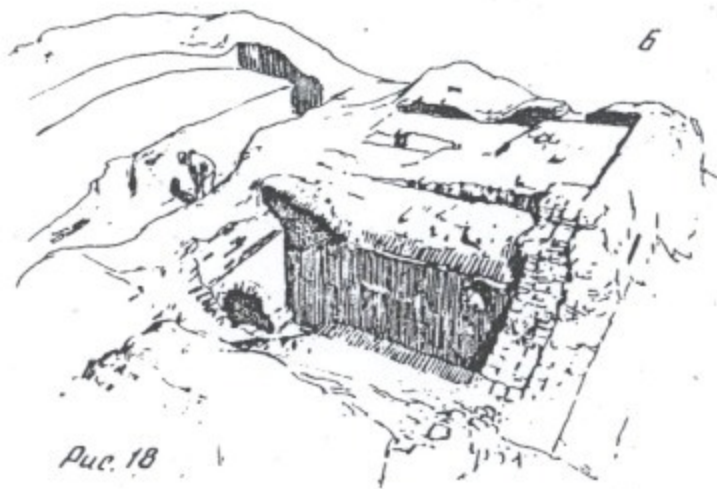
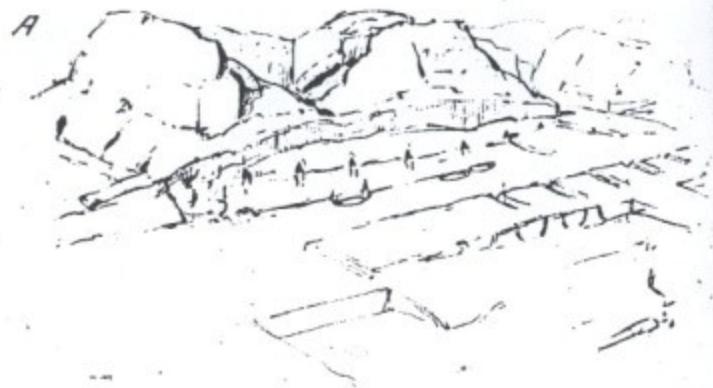
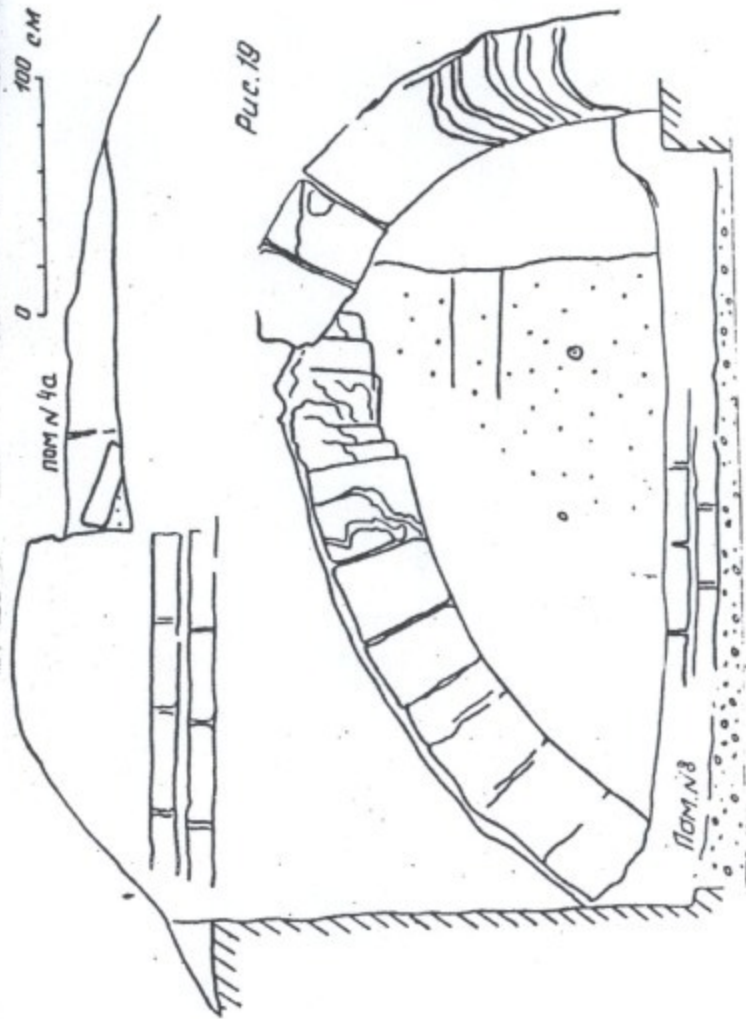

Рис. 18

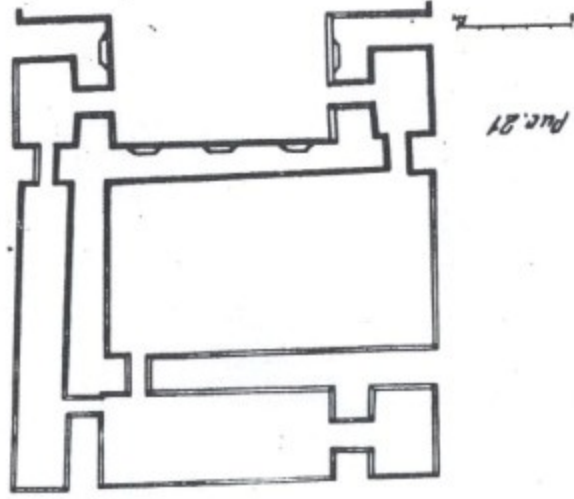

100 см

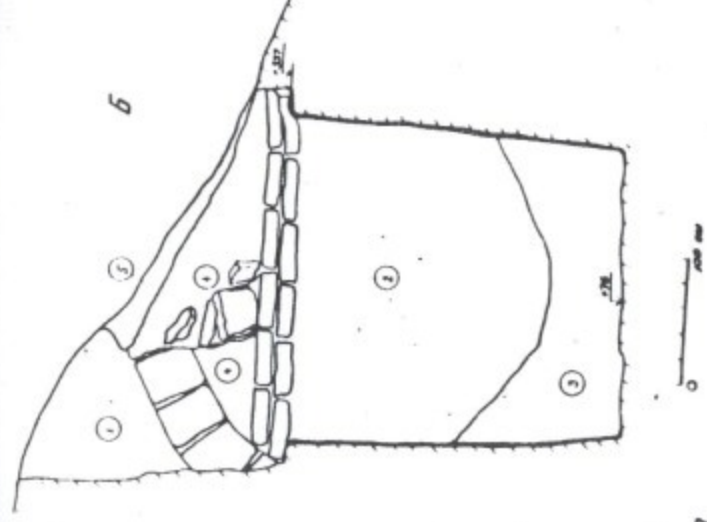
0

Пом. N 4a

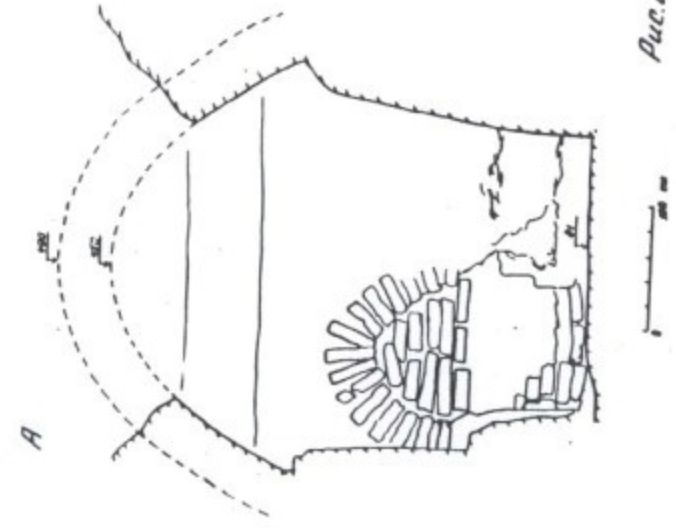
Пом. N 3

Pl. 21

Pl. 20

Pl. 20

PIEPA MIO-JARALDÓ CIEN

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

FORNEN

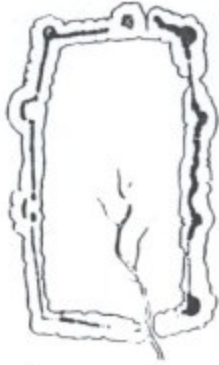
0 10 20 30 40

PIEPA MIO

0 5 10 15 20

PIEPA

Puc. 22

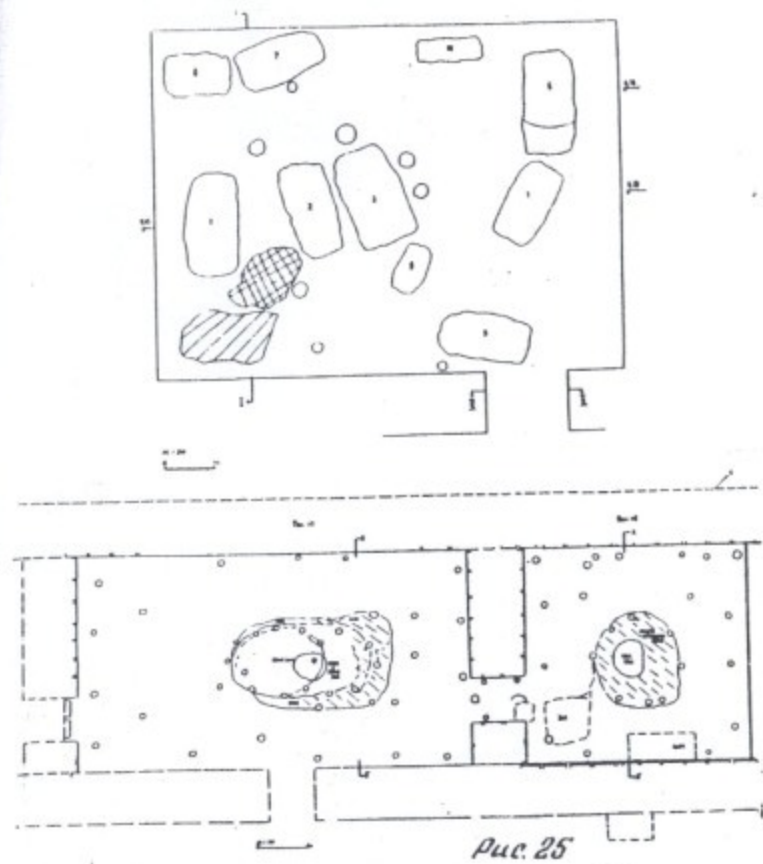
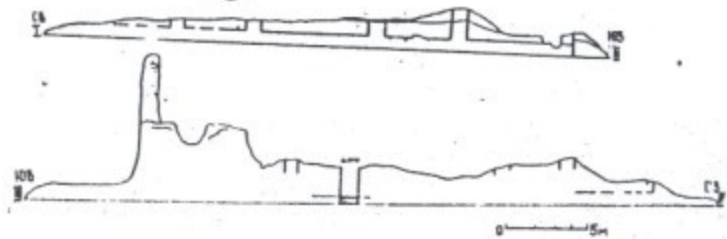
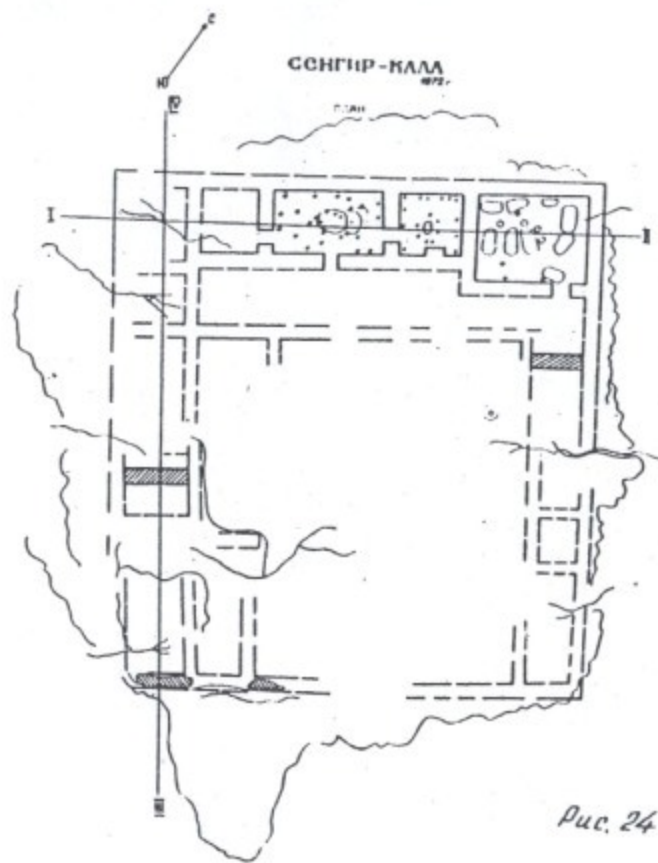
0 5 10 15 20

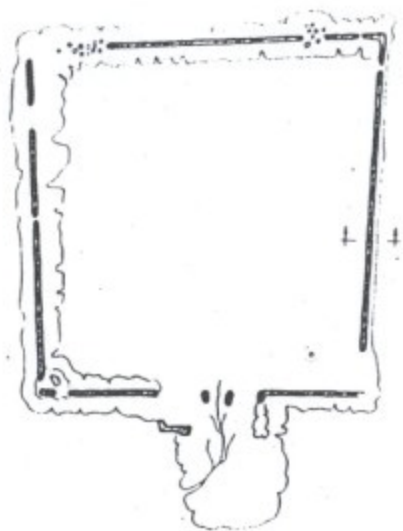

Puc. 23

0 5 10 15 20

РАЗРЕЗ ПО СТЕНЕ

БОЙНИЦА

Рис. 26

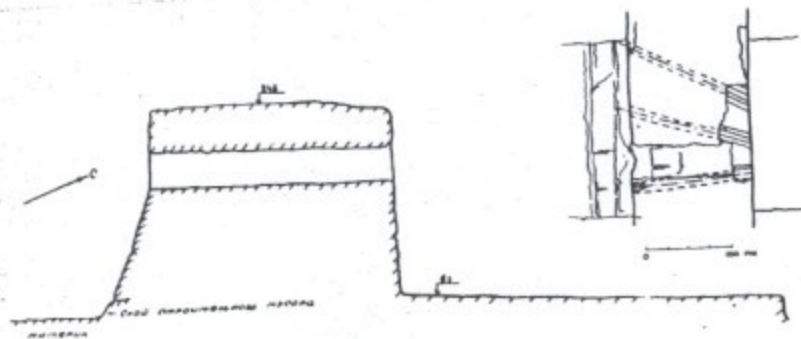
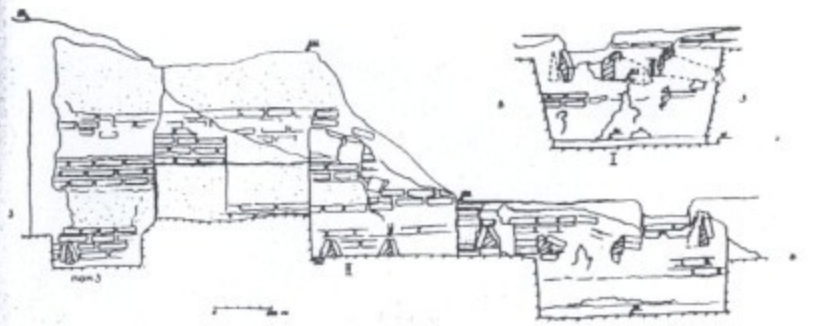
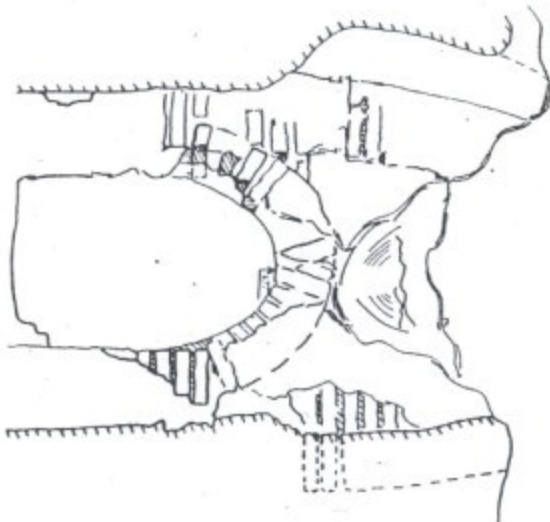

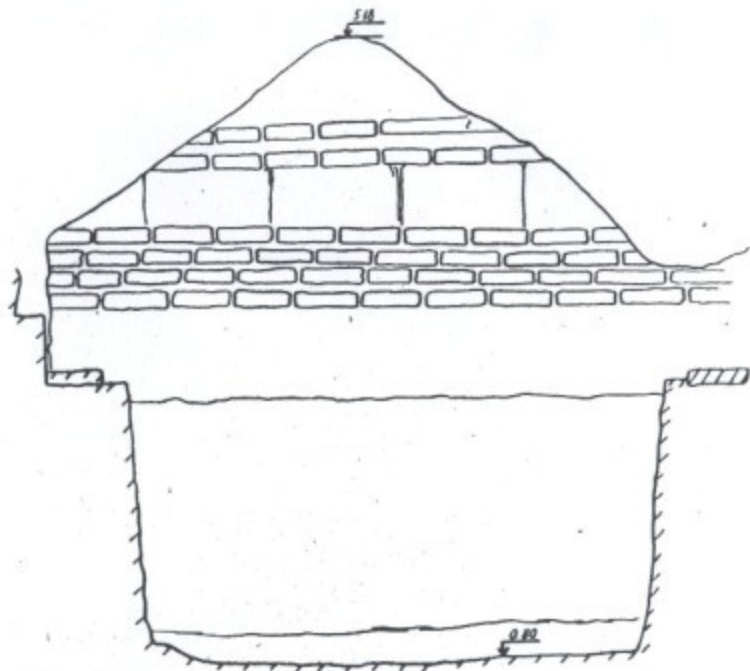
Рис. 27

Puc. 28

50 cm

Puc. 29

100 cm

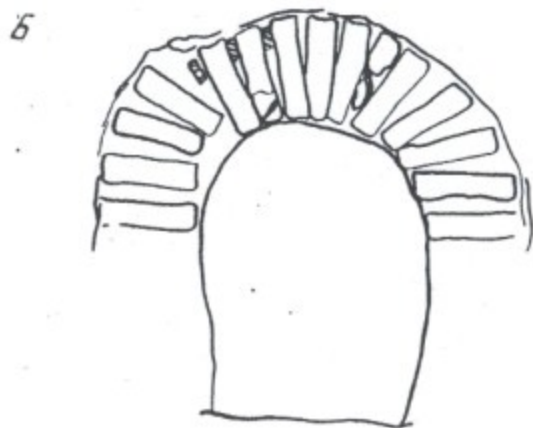
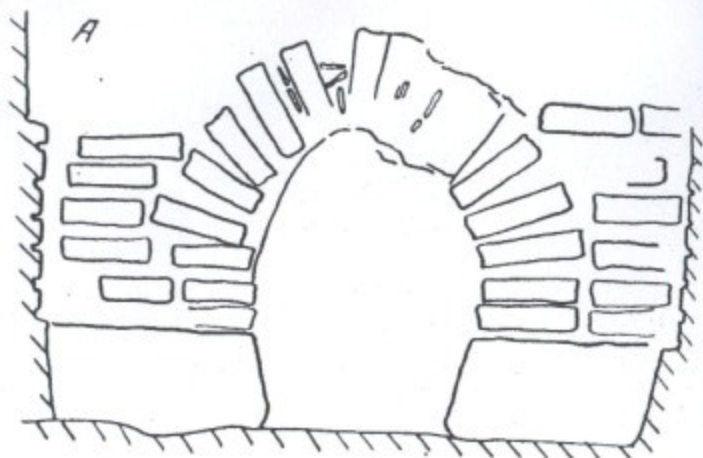

Рис. 30

0 100 CM

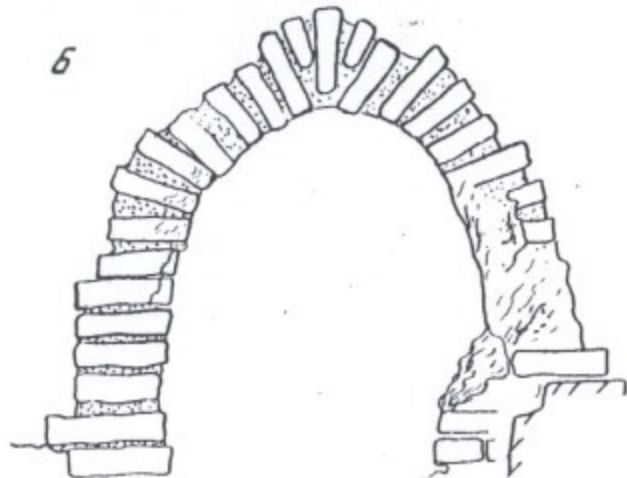
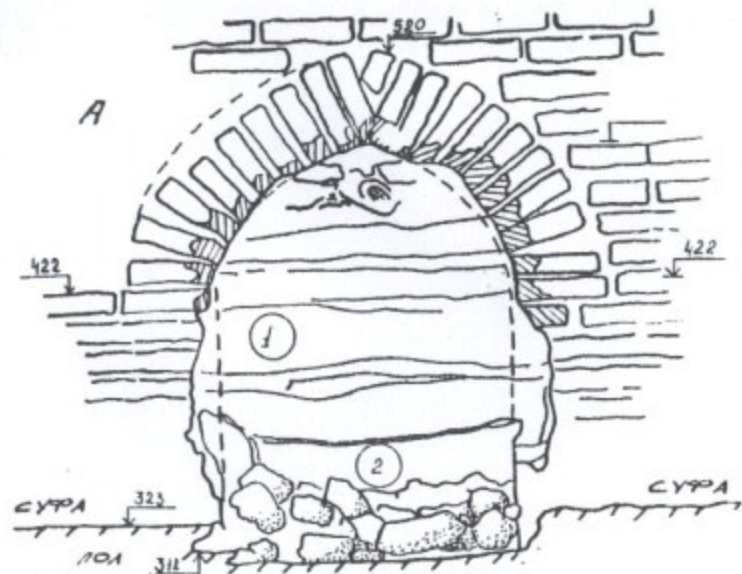

Рис. 31

0 100 CM

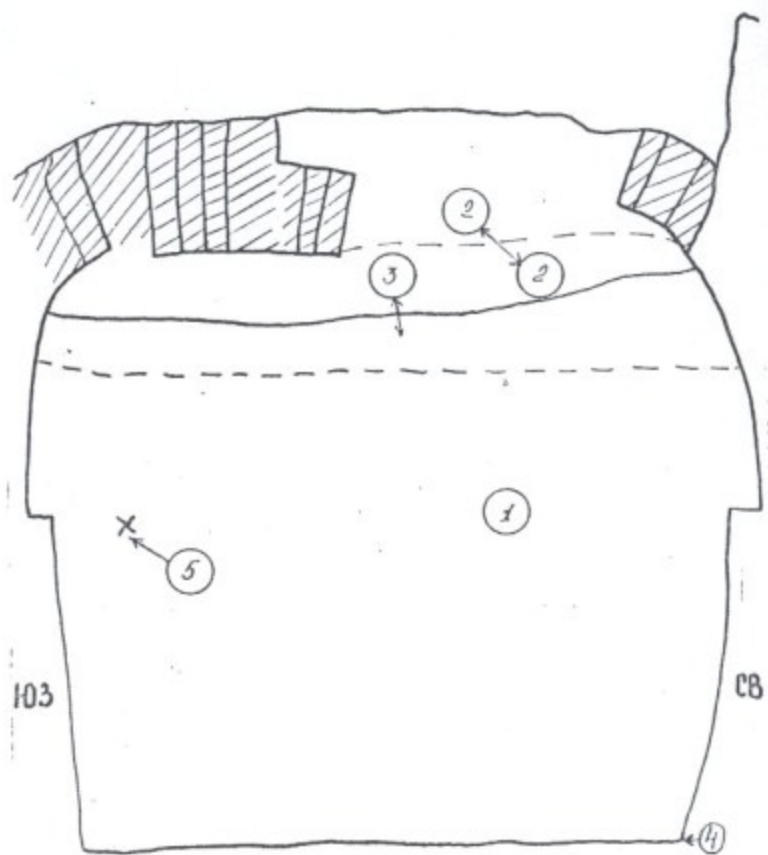

Рис. 32.

0 100 CM

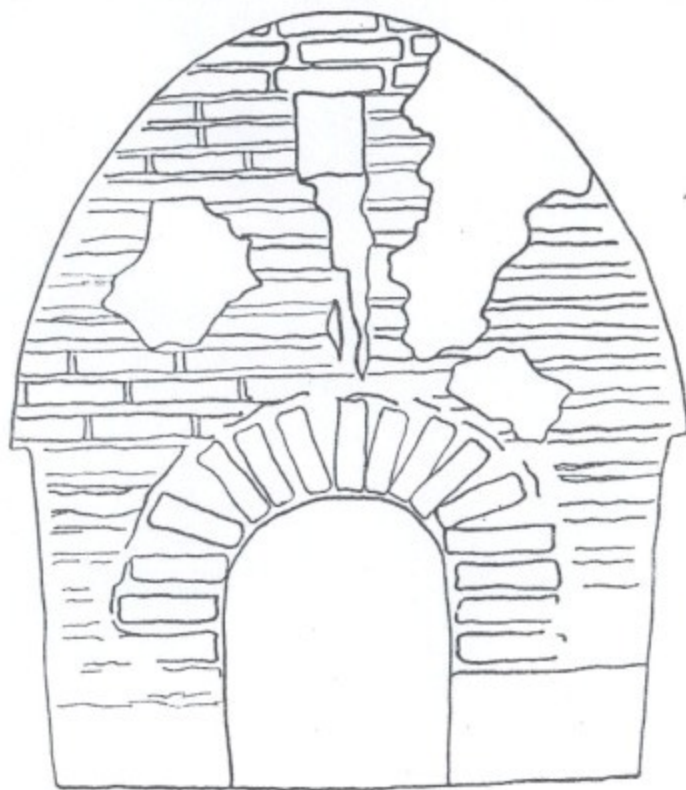
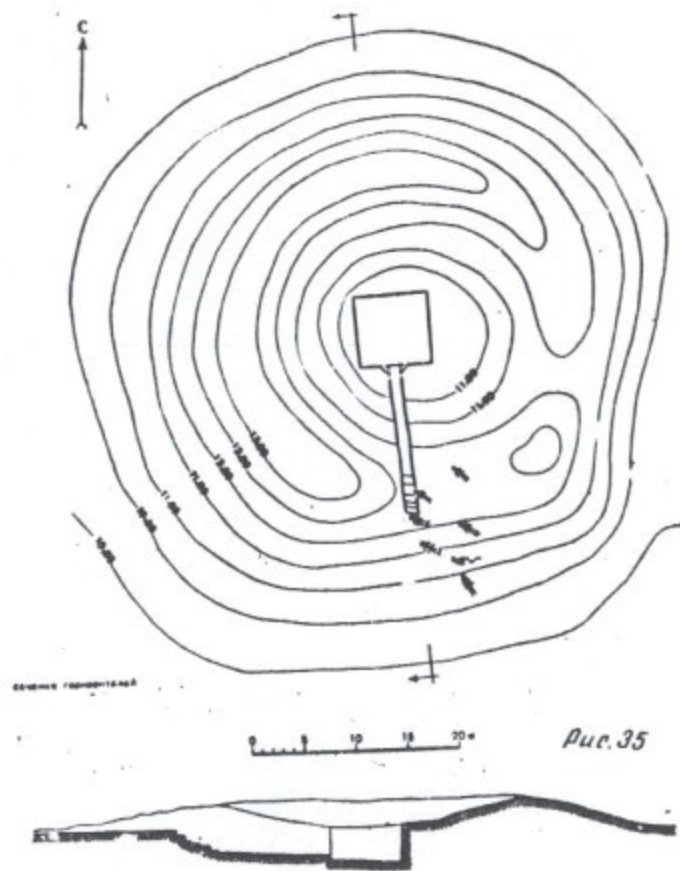
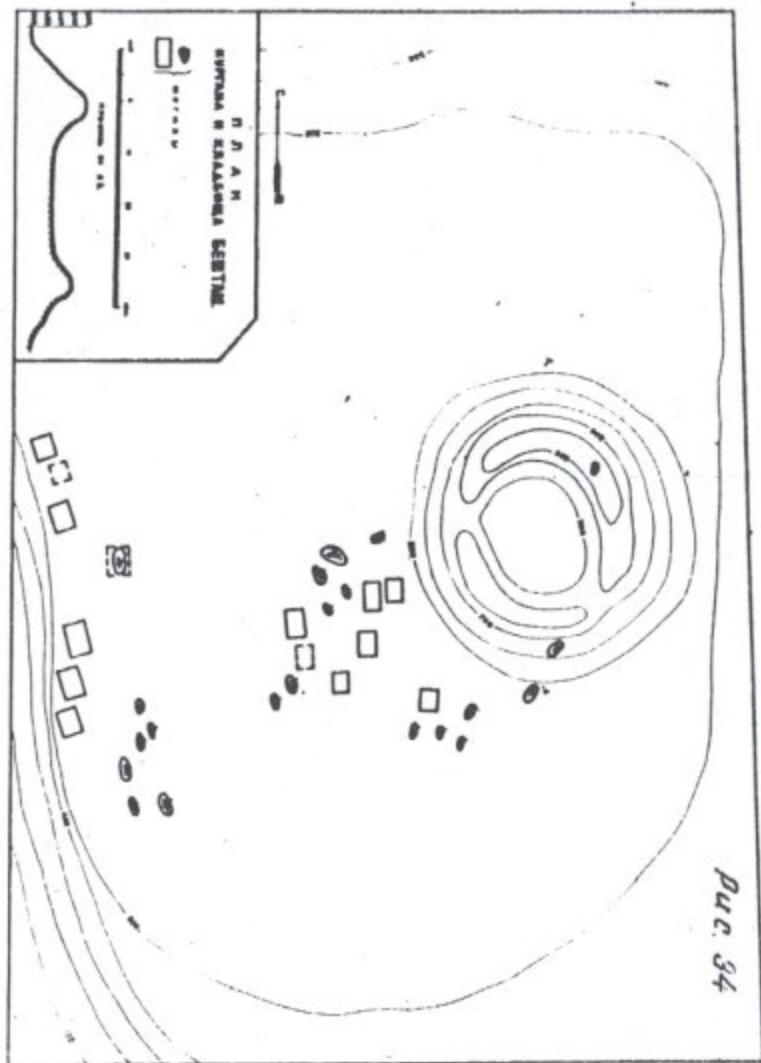

Рис. 33

0 100 CM

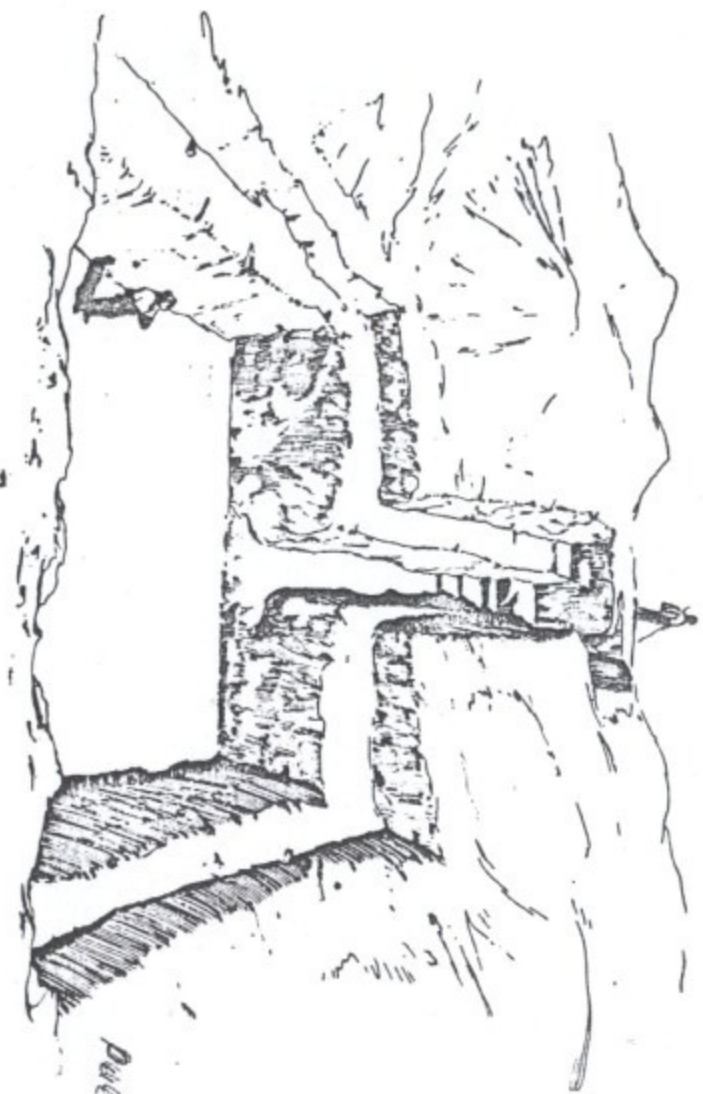

Рис. 36

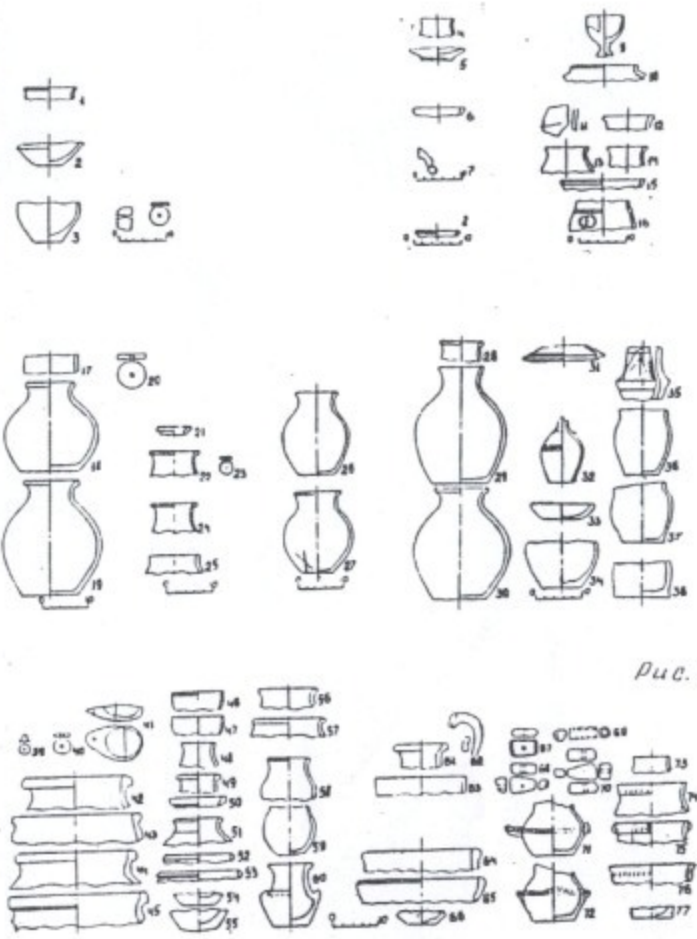
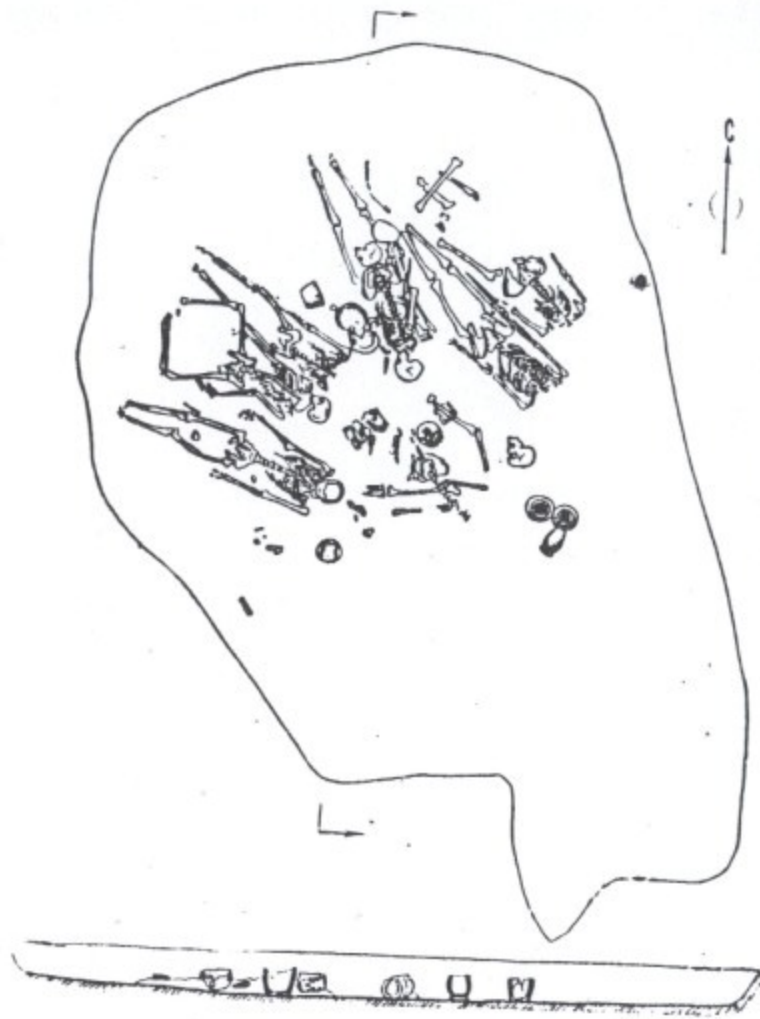

Рис. 37

0 100cm

Рис. 38

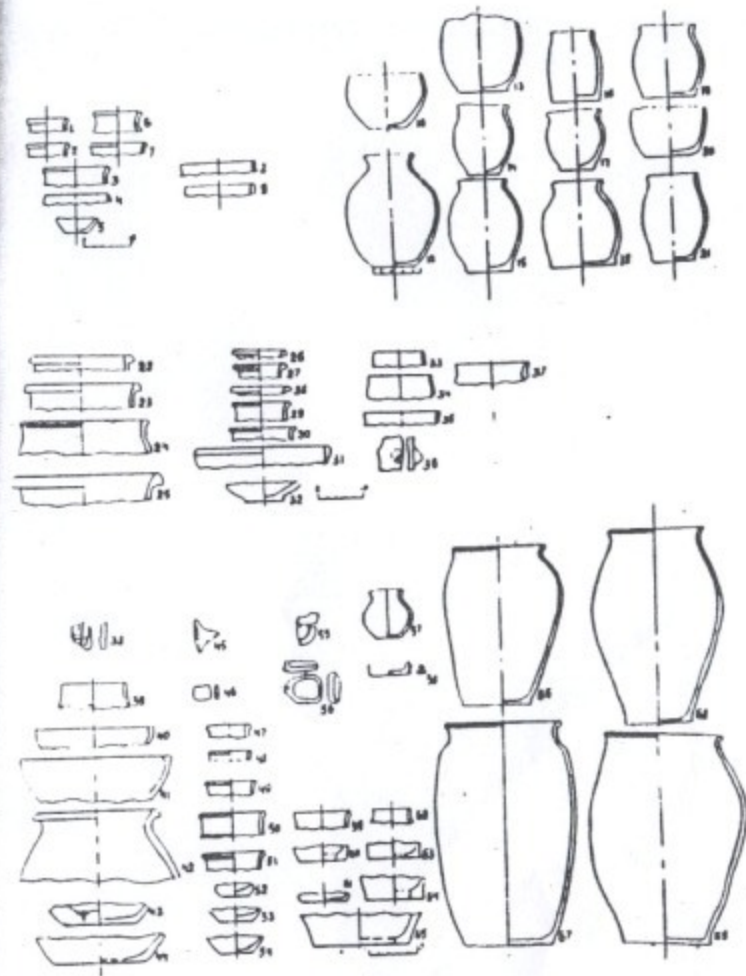

Рис. 39

БАШНЯ-МУРАА. 6
МОГЛАНИК

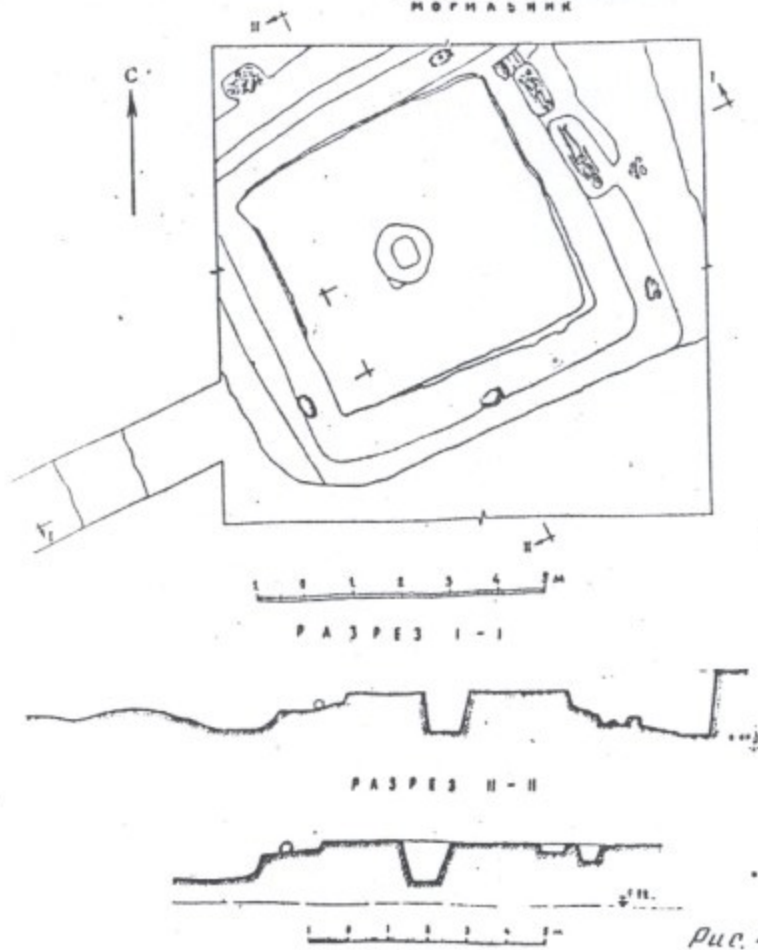

Рис. 40

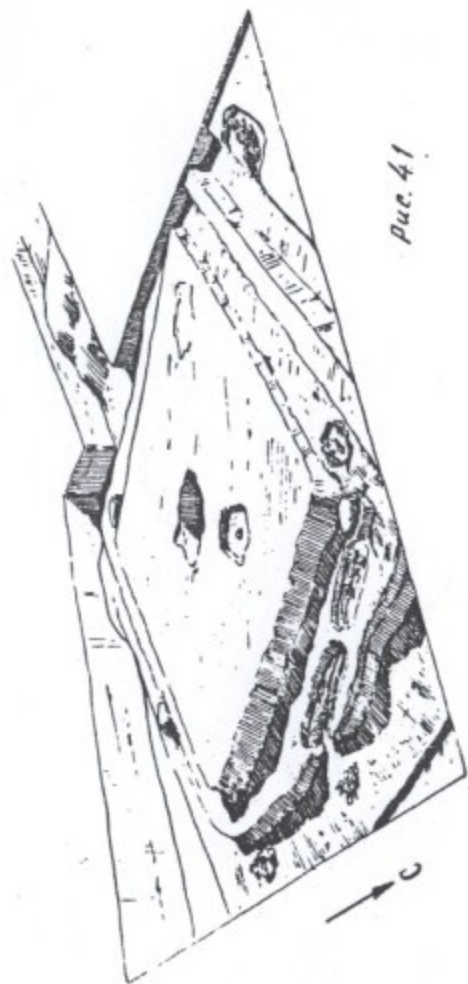
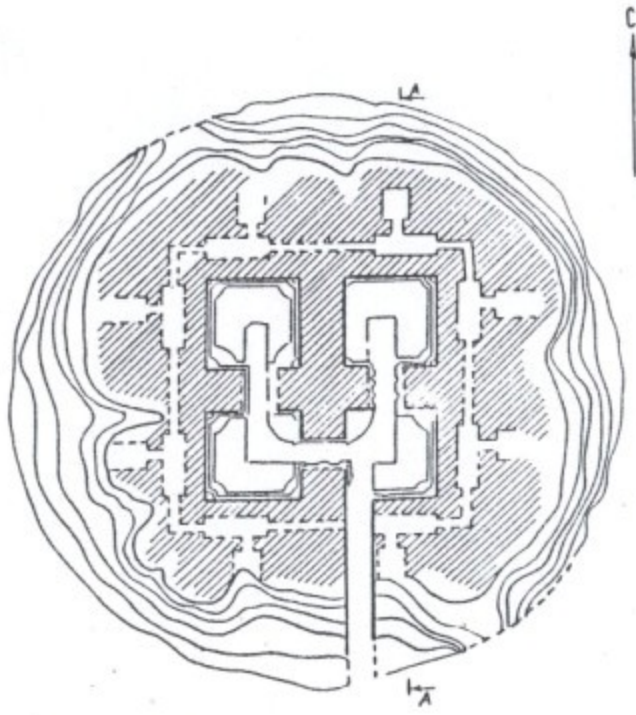
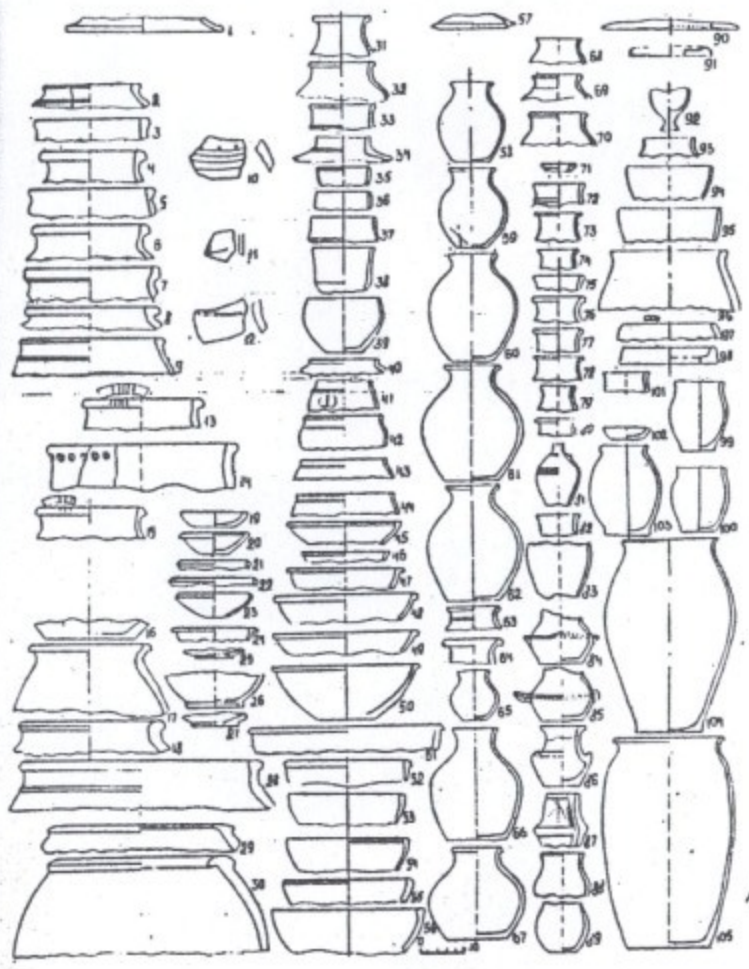
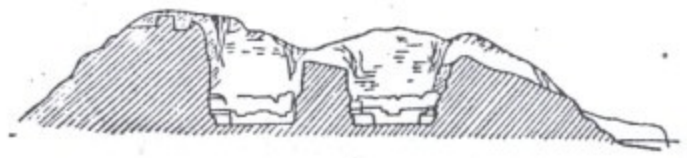

Рис. 41

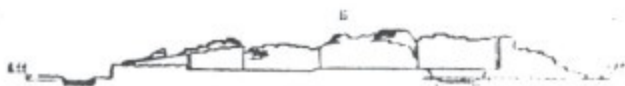
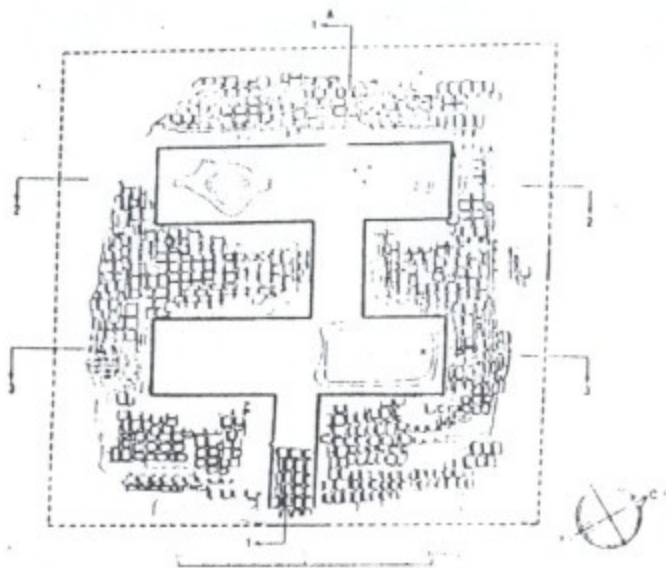

0 10M

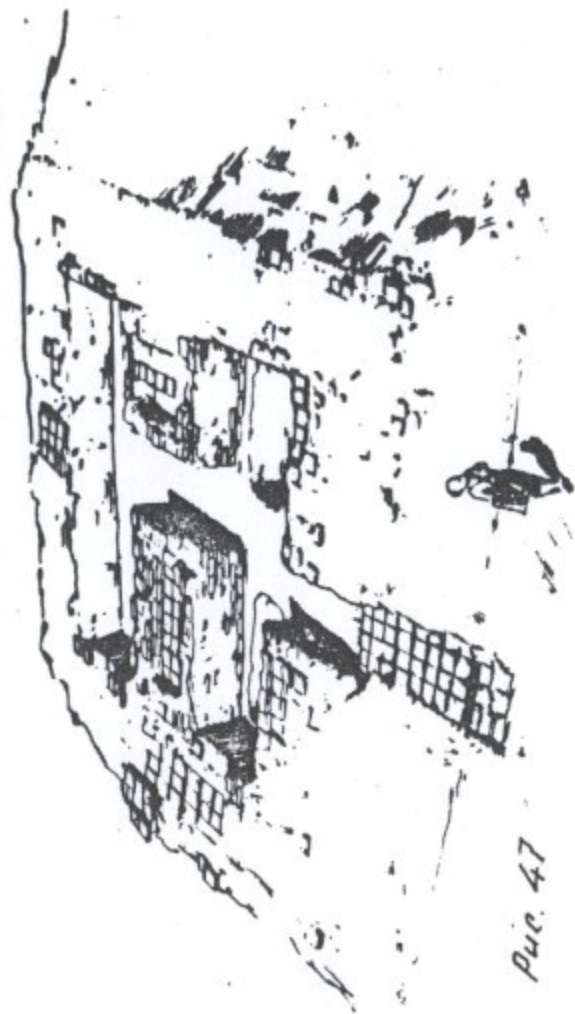
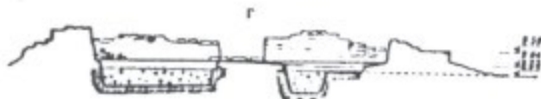
Рис. 42

Рис. 45

Puc. 46

Puc. 47

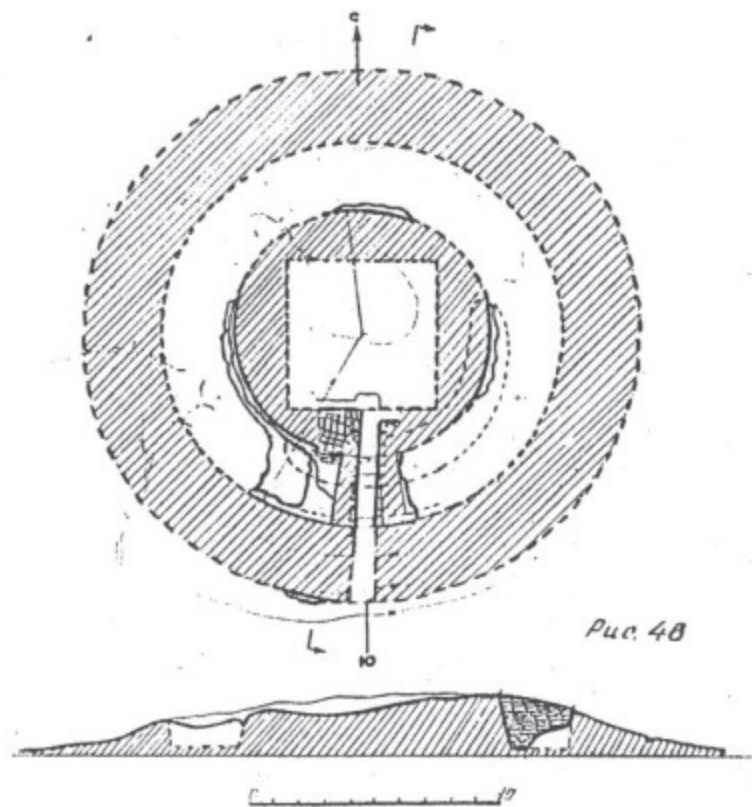

Рис. 48

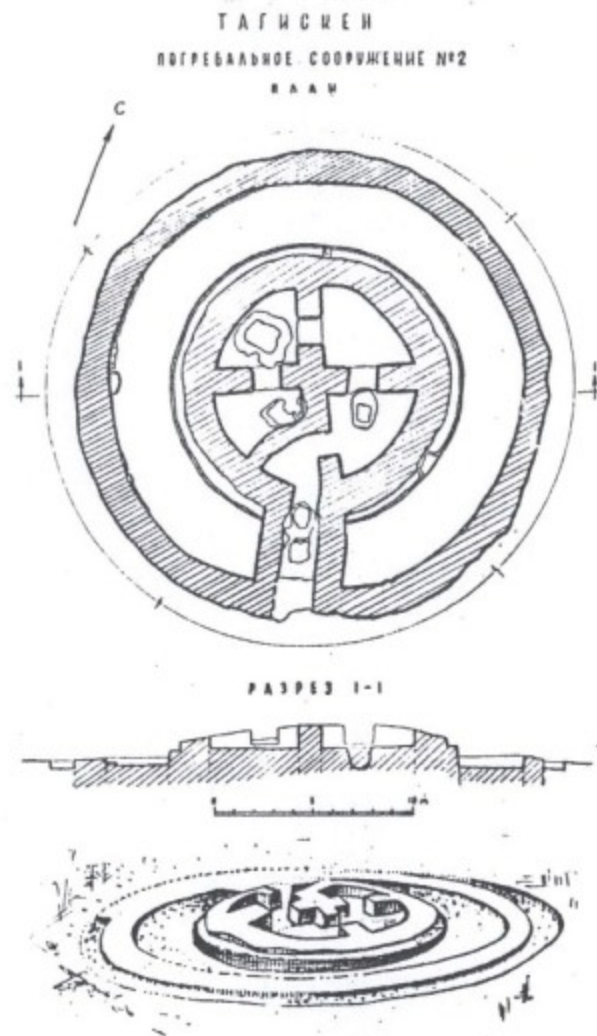

Рис. 49

ТМШРАН-ТЕНЕ

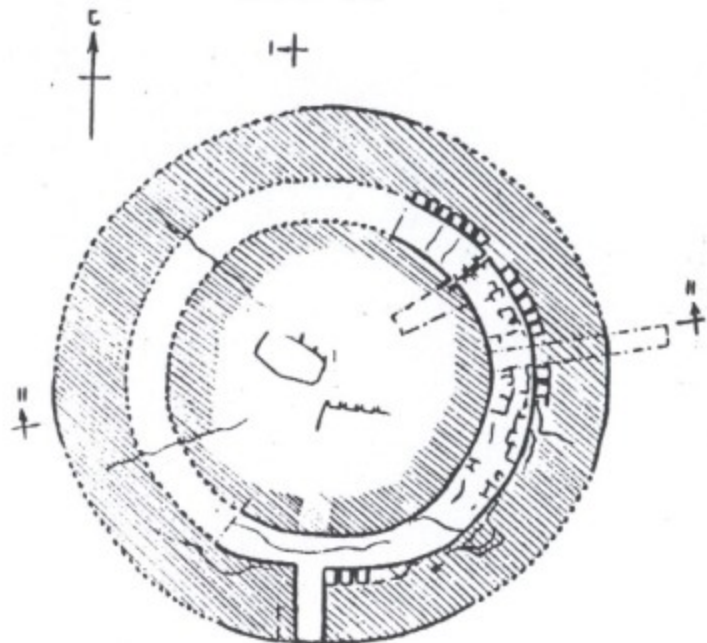
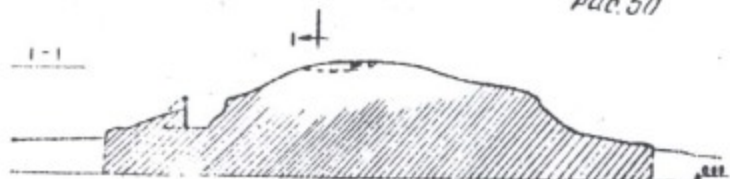

Рис. 50

ТМШРАН-ТЕНЕ - 1971
ДОКТОУРАУ НАУКА
РАСЧЕТ 8-3

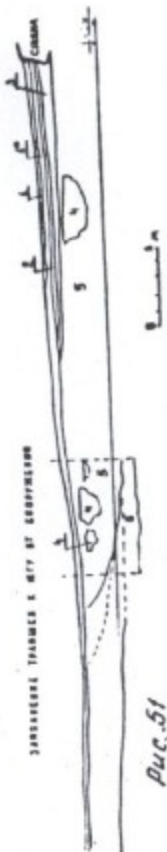
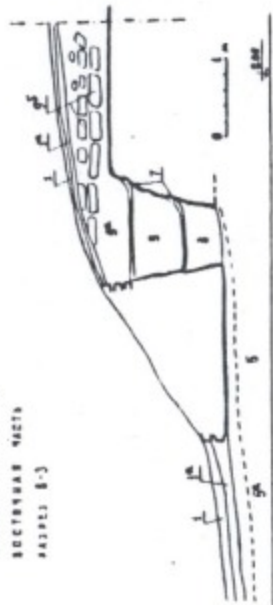

Рис. 51

FIGURE 2

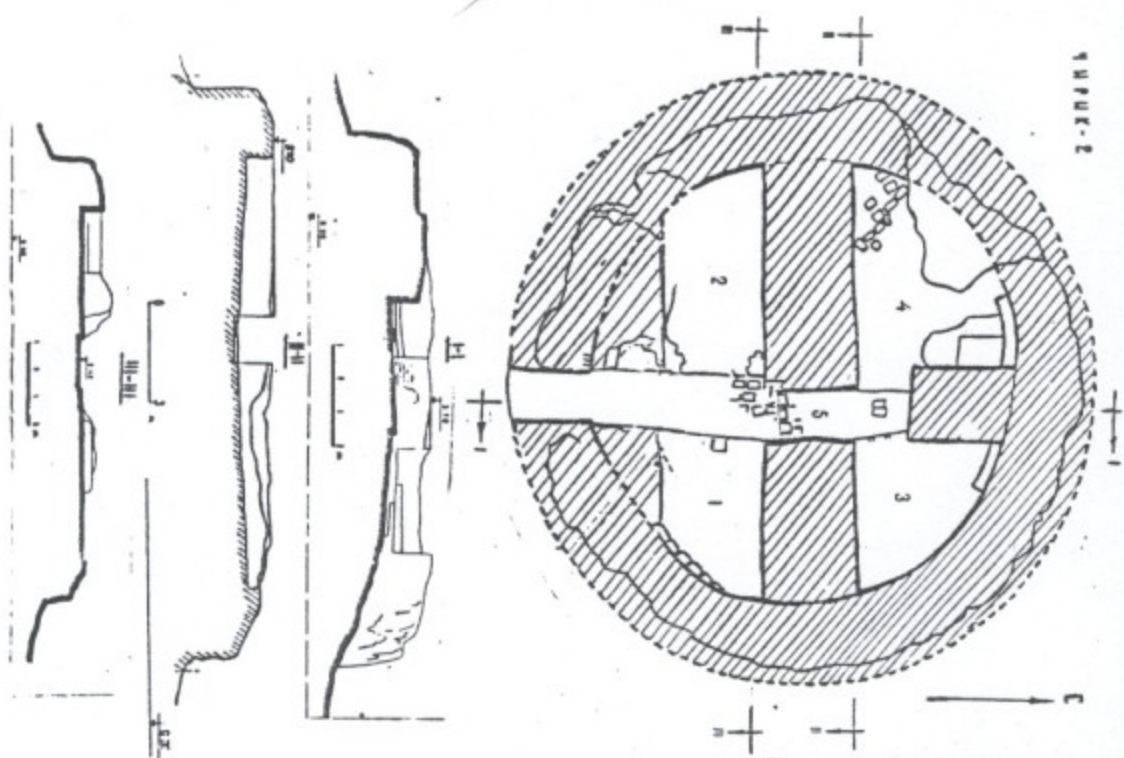

FIGURE 3

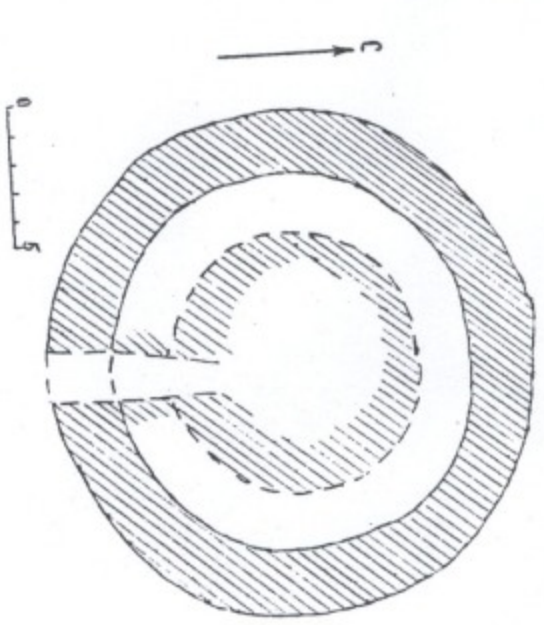
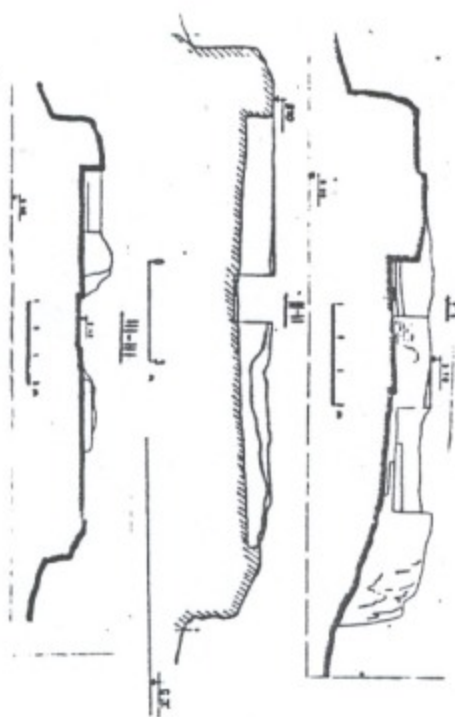

FIGURE 4

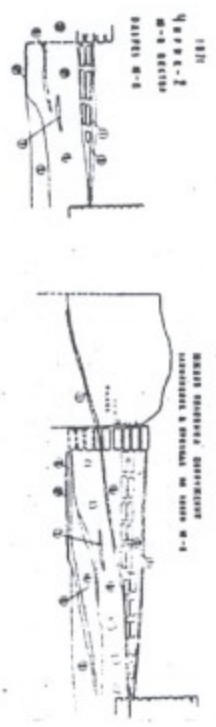
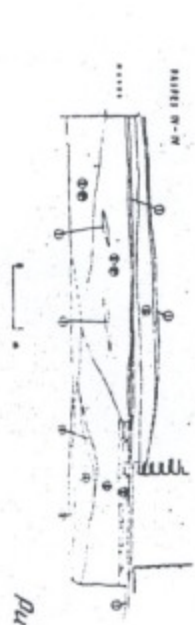

FIGURE 5

ЧРНК-2

РАЗРЕЗ ПО СТЕНЕ

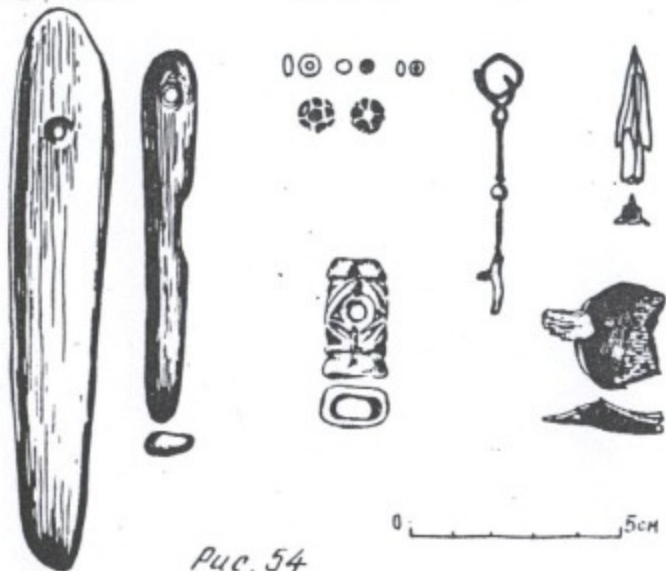
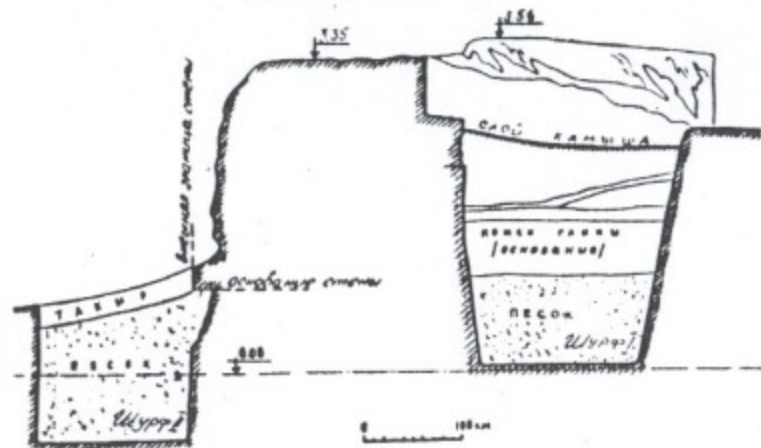

Рис. 54

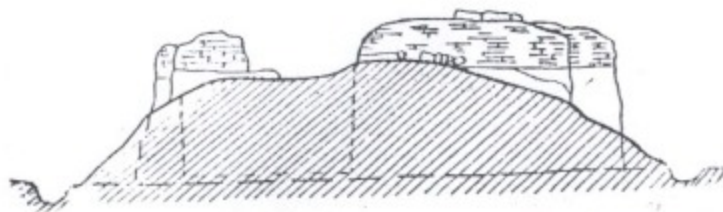
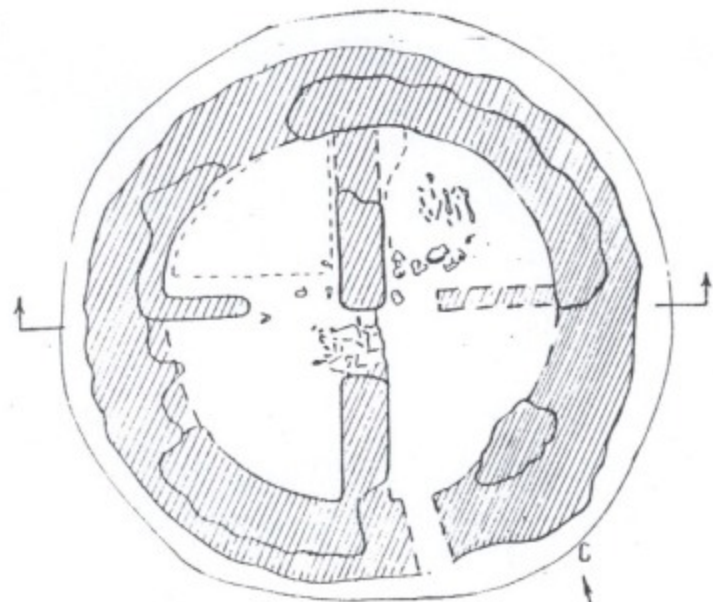

Рис. 55

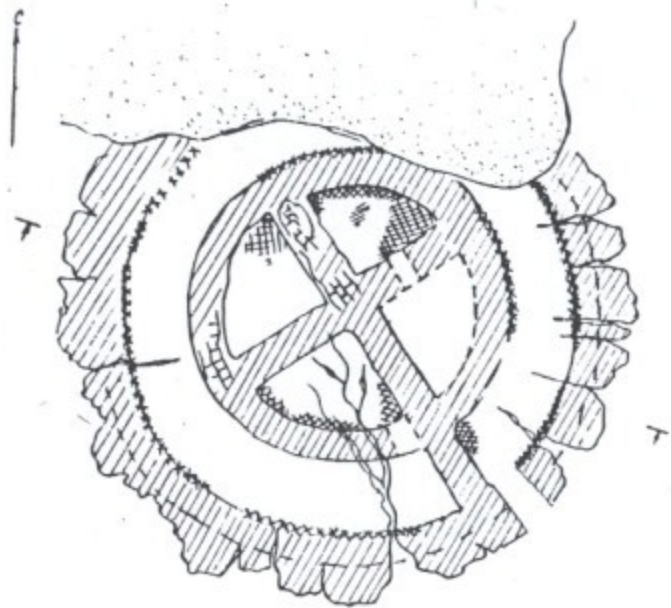
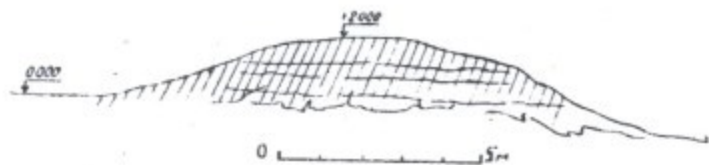

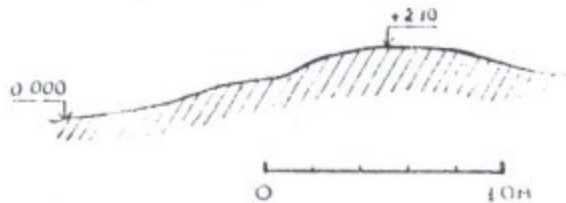
Рис. 56

XX - Сидон в горах
Сев. Сив.

A

IT

B

IT

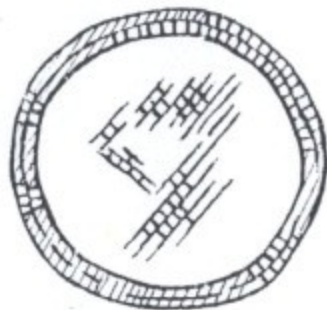
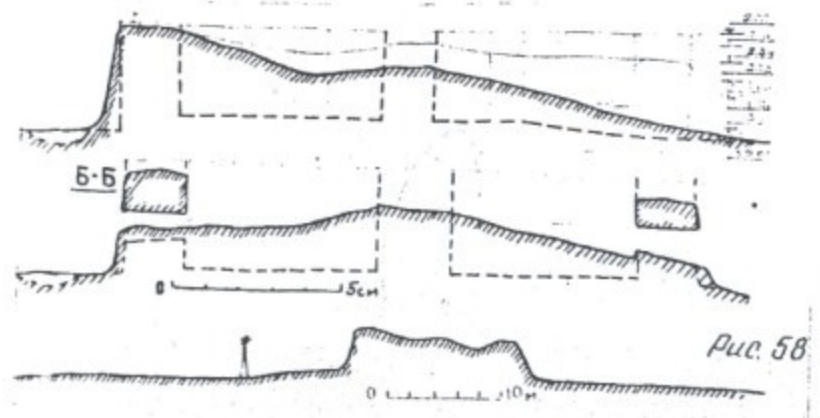
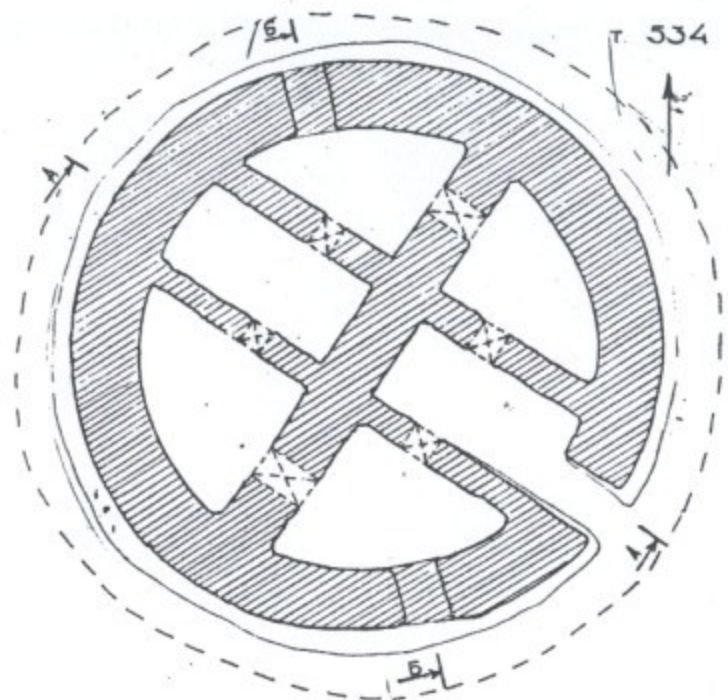
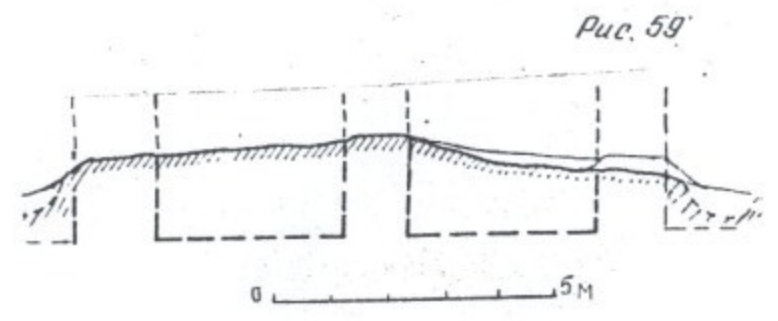
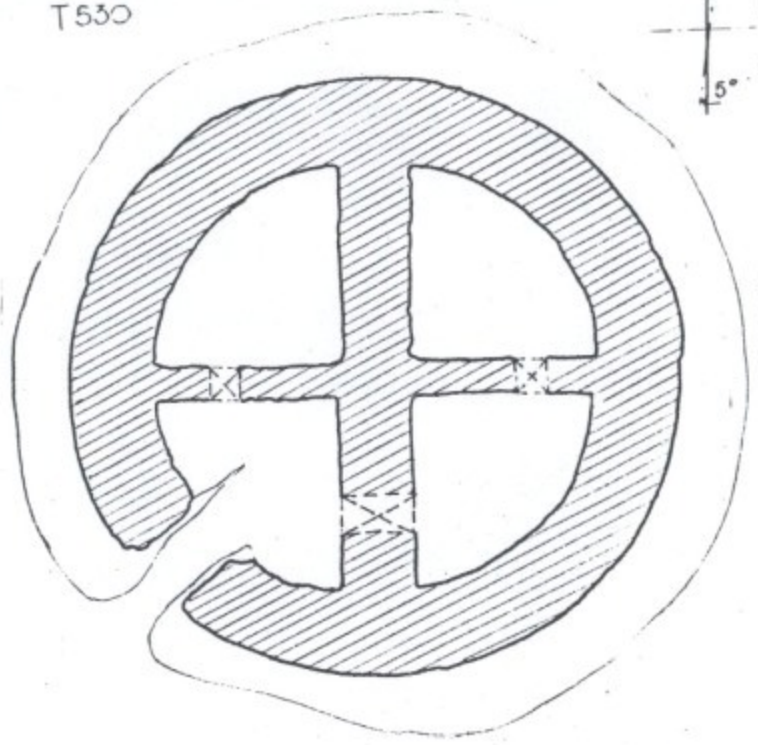

Рис. 57

T530

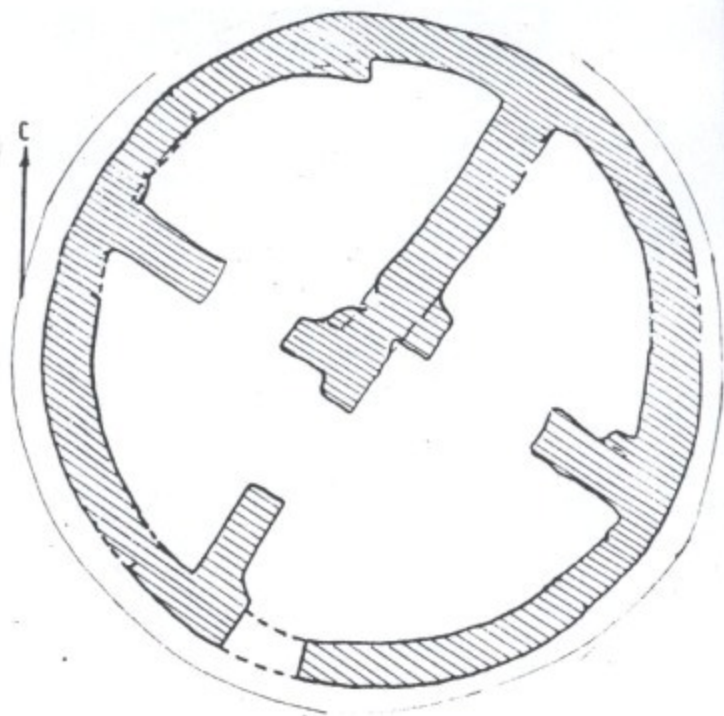

Рис. 60

БАЛАНДЫ 7

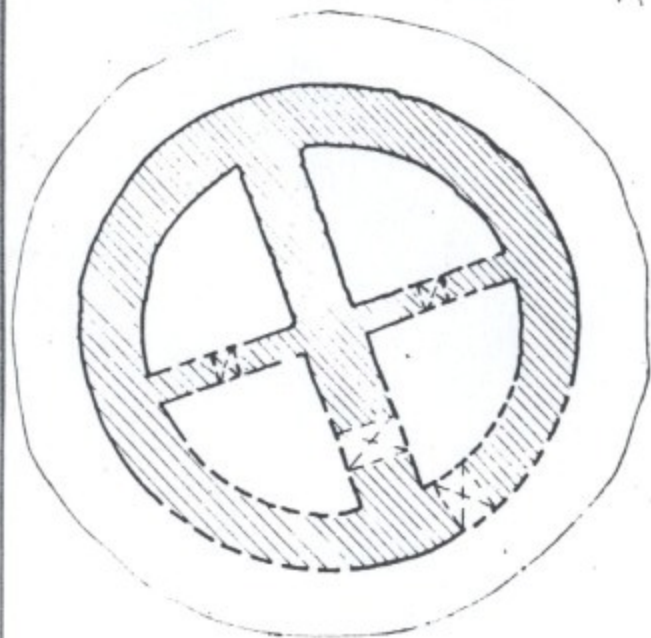
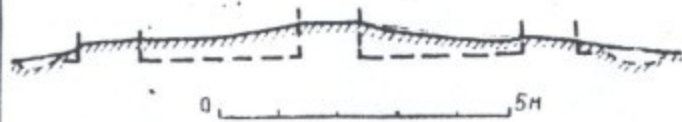

Рис. 61

А С А Р

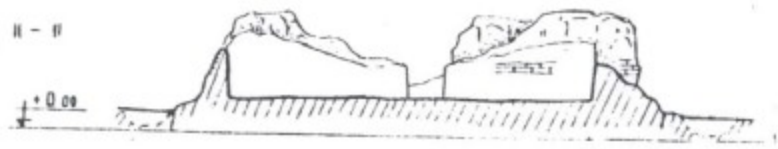
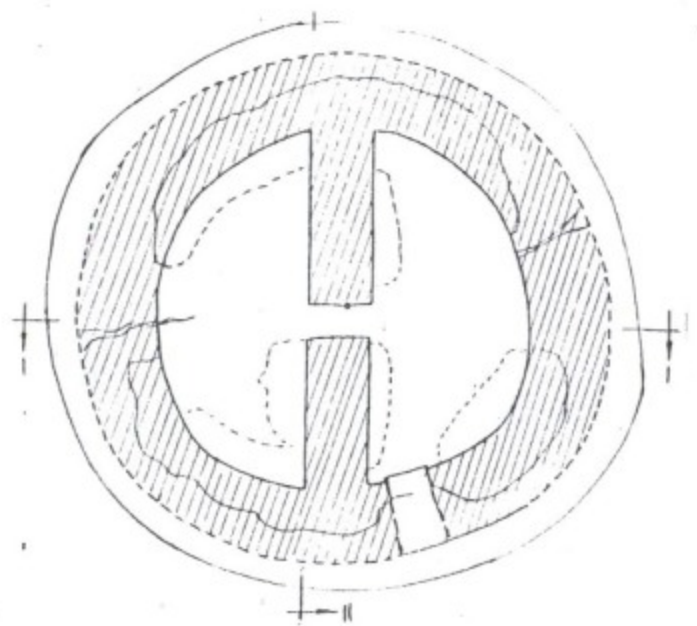
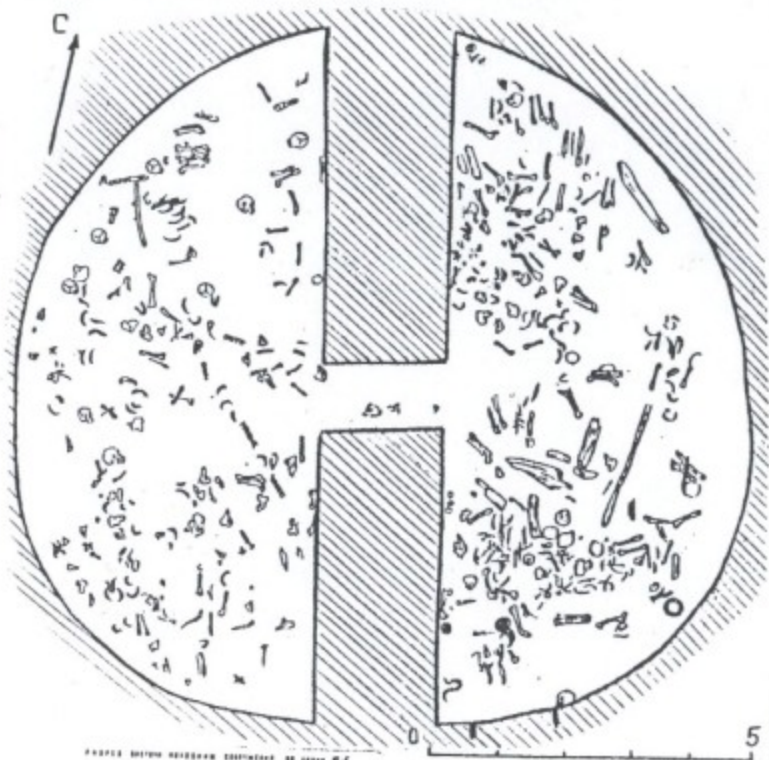

Рис. 62

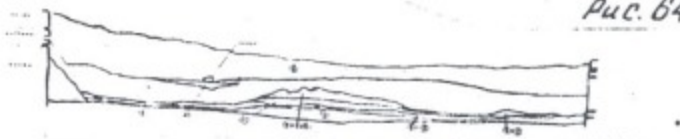

Рис. 63

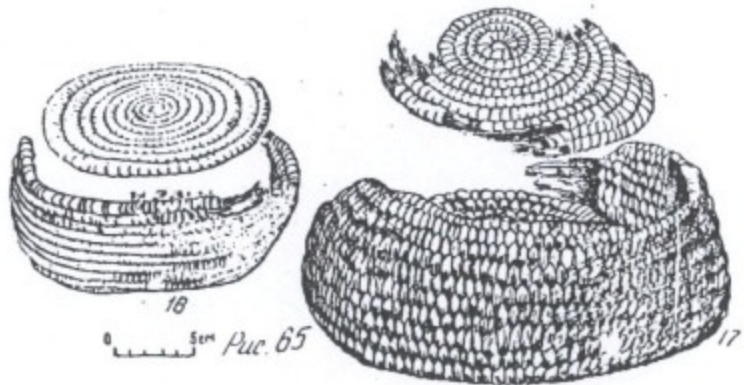
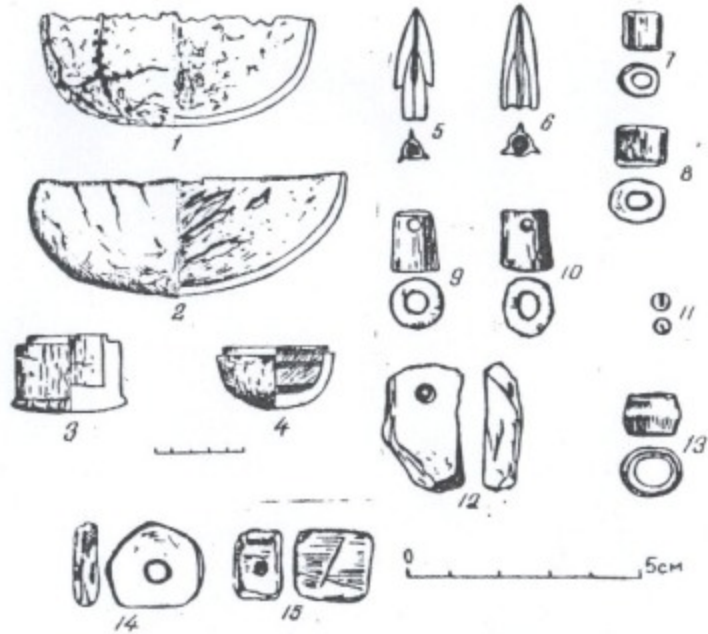
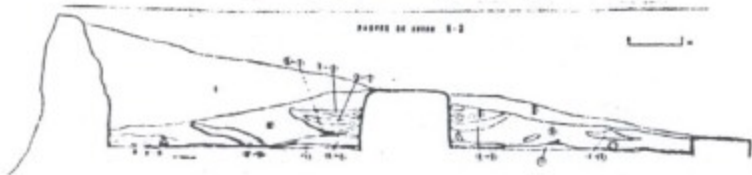

MAPPA DELLA DISTRIBUZIONE DEI QUADRI

Pac. 64

MAPPA DEI QUADRI 1-2

5cm Pac. 65

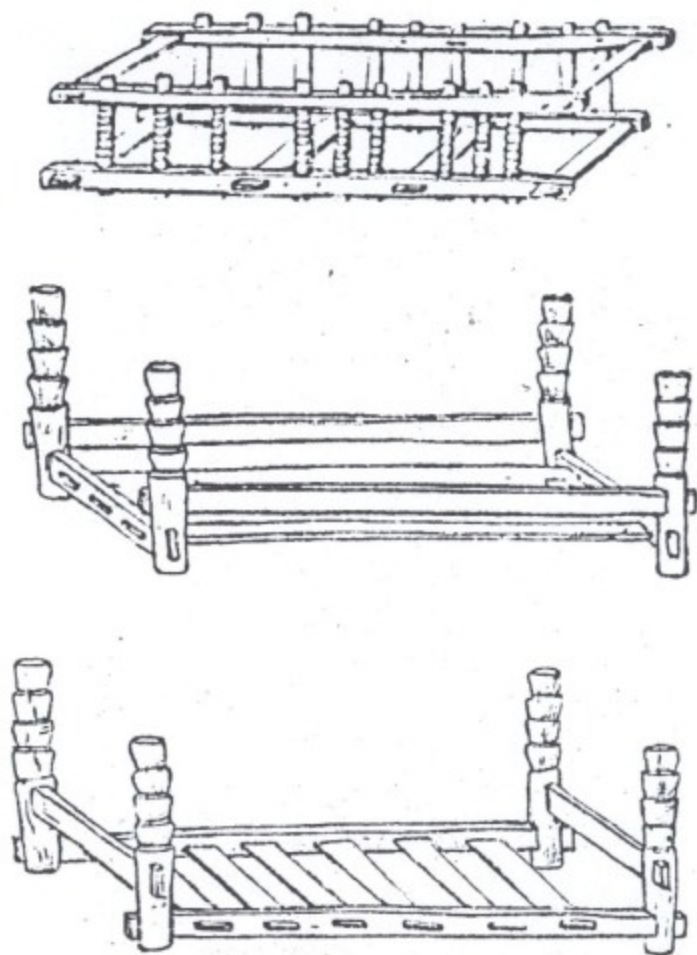
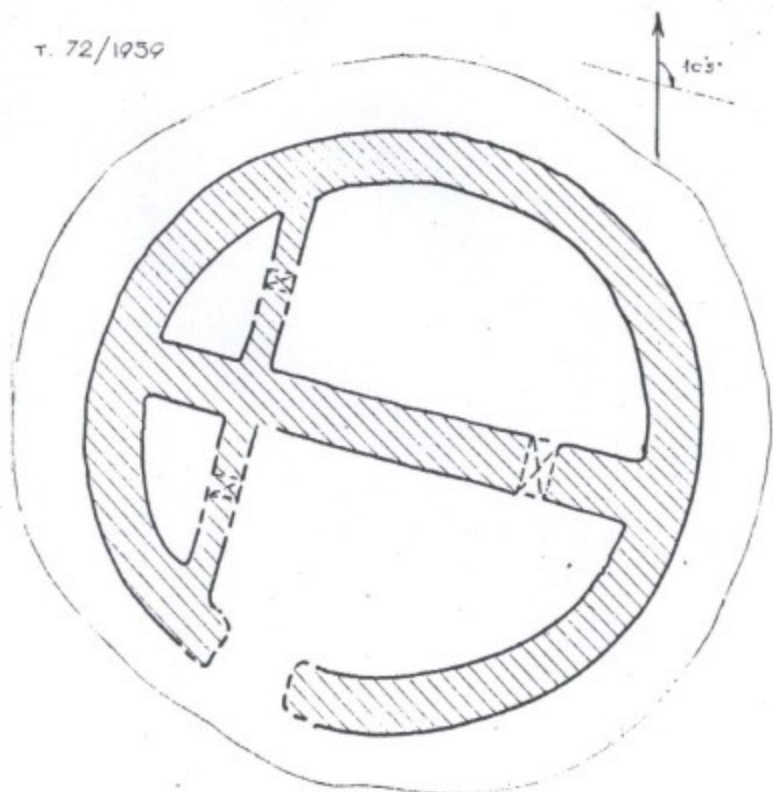

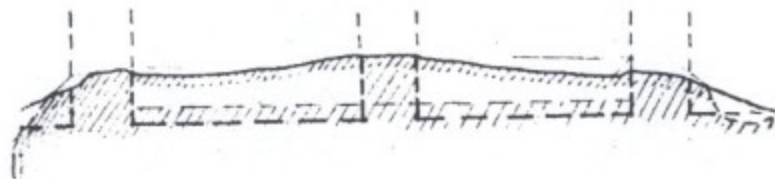
Рис. 66

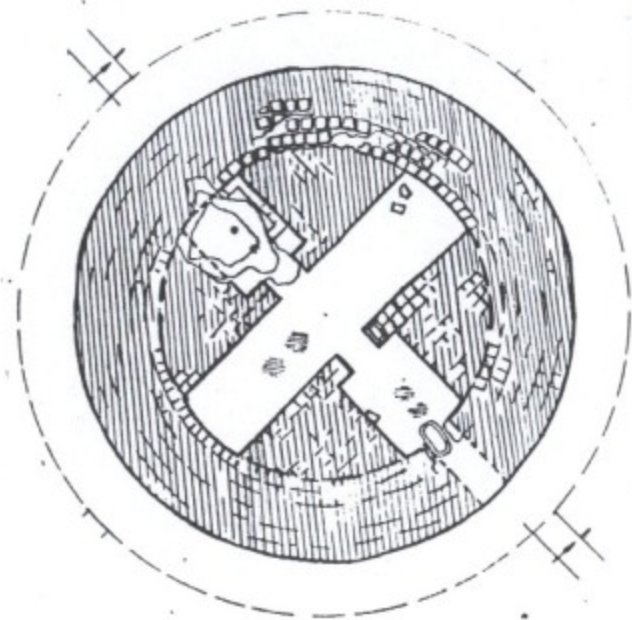
т. 72/1939

0 ————— 5м

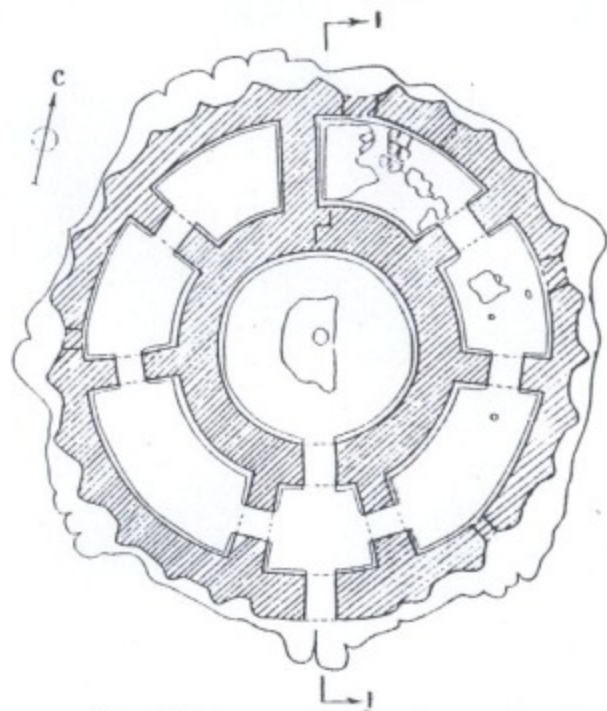
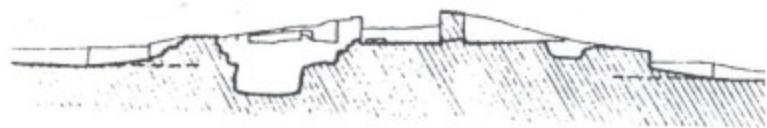
Рис. 67

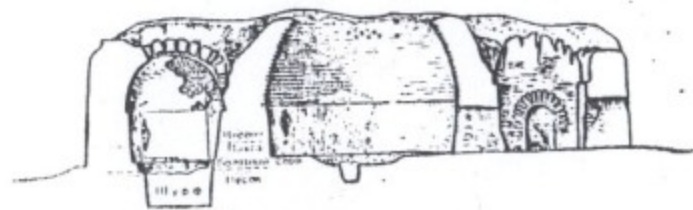

Рис. 68

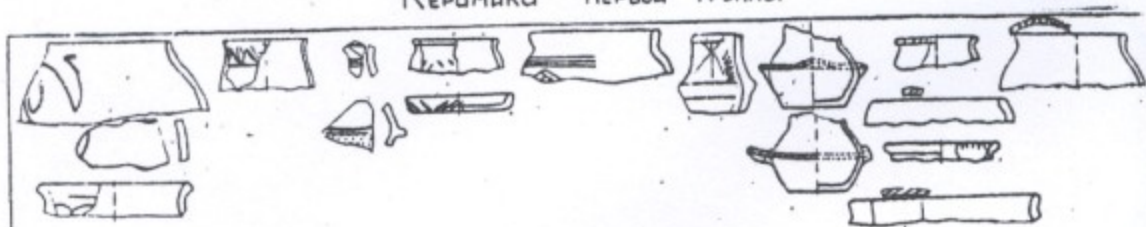
РАЗРЕЗ I-I

Рис. 69

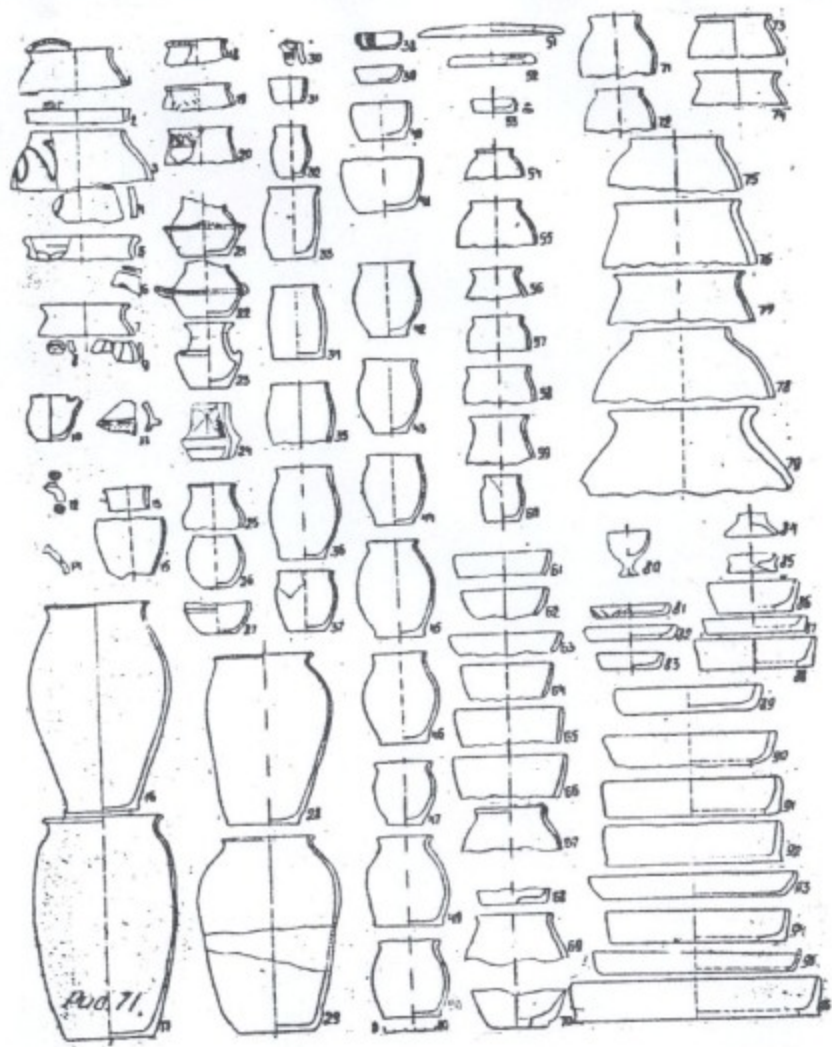
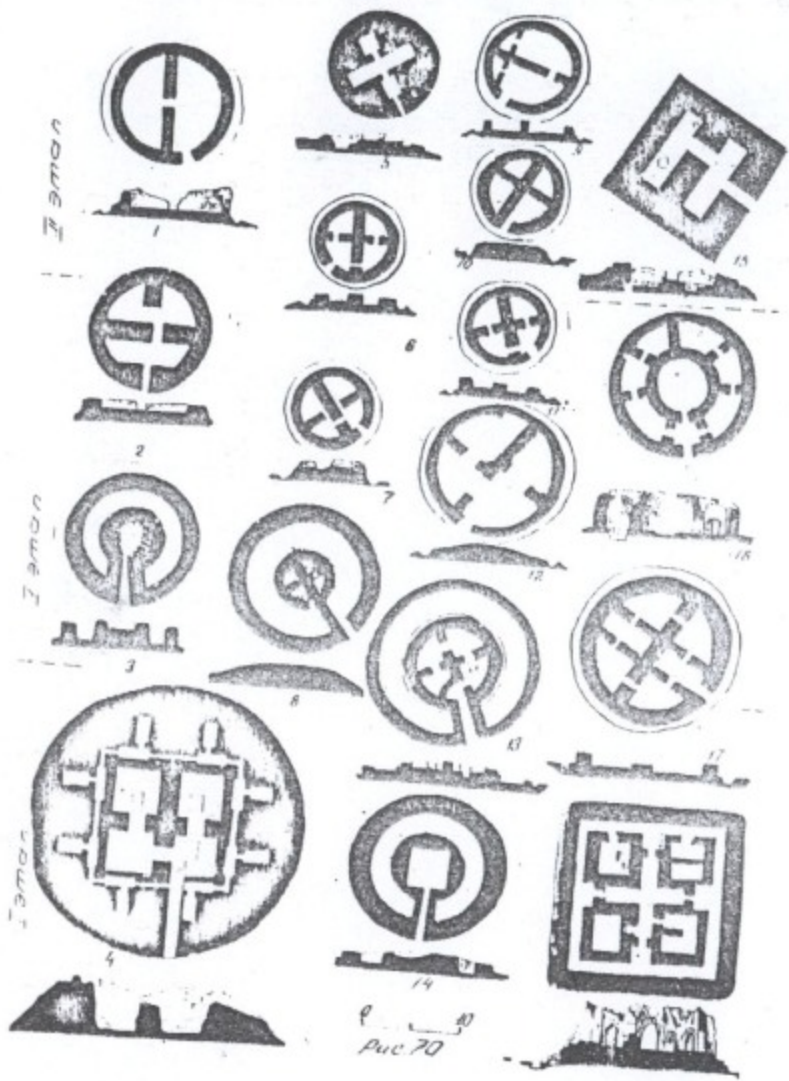

Керамика первой группы

III этаж								1
II этаж	1		1				1	2
I этаж	4	2	2	1		1	1	1
II этаж			1					2
I этаж								

Рис. 73

Керамика первой группы

№	Σ 57		Кружки	Бокалы	Чашы	Миски	Сковороды		Крышки	
	позднее	раннее					Σ 41	А	А2	
Σ 44										
3	3			3	5	4	7		1	
3	3		1	6	20	5	11		1	
1	3	4	1		8	10	6	8	2	
7	9	4	1	1	17	35	15	26	3	1

Неразтка нервоу

£ 57

Нужки дом

Нормобразные

£ 486

Неразтка нервоу згунры

Горжубуны

Budbi

Tundi

A £ 182

B £ 144

C £ 160

padon

гумоуе

100 мууи

А₁

А₂

А₃

А₄

А

В₁

В₂

В₃

В₄

С₁

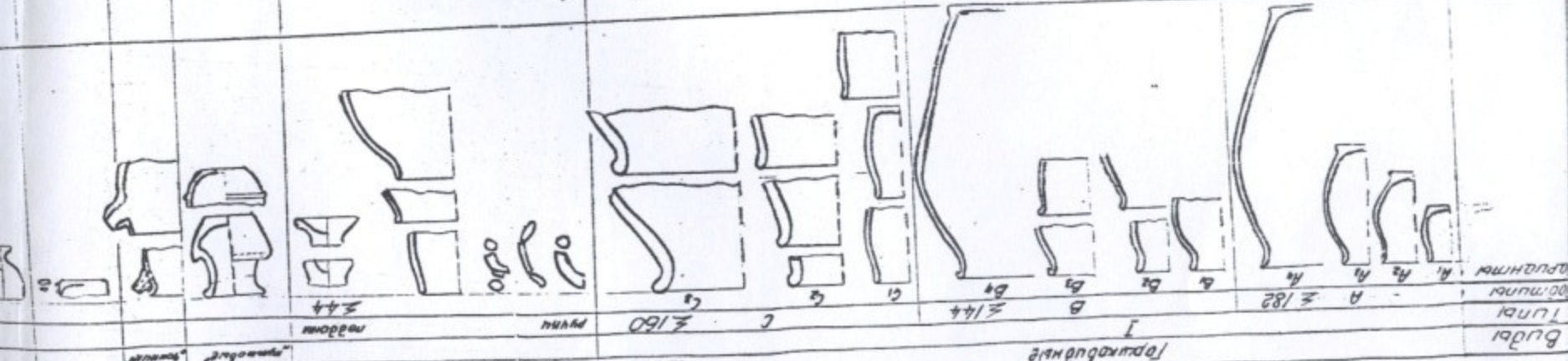
С₂

С₃

С₄

руви

£ 44

ИЭМАП

16 16 14 4

4 15 11 2

20 28 5

4

7 3

3

ИЭМАП

20 27 20 8

10 32 22 6

18 35 11

3

12 3

3

ИЭМАП

19 18 16 4

6 15 15 6

11 24 8

2 8

1 8 1 27 7

3 4

6 4

F 4

F 4

Рис. 72

Керамика второй группы

Виды Типы Подтипы Варианты	Тип I										Тип II								
	A				B			C			B				C		D		
	A ₁	A ₂	A ₃	A ₄	Б 44	Б 30	Б 33	С	С	С	С 73	А	В ₁	В ₂	В ₃	Б 54	С ₁	С ₂	С ₃
Итого	2					2	2	3	1	12	2	4	6	8	26	23	7	14	3
Итого				7		5	6	4	1	16	4	6	9	3	31	31	12	24	2
Итого	2	2	17	14	9	6	2	2	14	9	5	1	1	8	7	2	5		
	2	4	17	21	16	14	9	4	42	15	15	16	12	65	61	21	43	5	

рис. 74а

Керамика второй группы

Устье Типы Формы	Горшки			Σ 29		Котлообразные Σ 12			Тареловидные Σ 14			Фляги Σ 6		Крышки Σ 16							
	Тип I			Тип II			Тип III			Тип I			Тип II		A B C						
	A	B	C	Импорты			Тип I	Тип II	Тип III	A	B ₁	B ₂	Тип I	Тип II	A ₁	B ₁	B ₂	C			
Устье III				1	1	1	2	1	1	1	2	2	2	1	2	2	6	2			
Устье II	3			11	2	1	1	1	1	2	2	2	1	1	2	2		1			
Устье I	7			3									2	1				1			
	10			15	3	2	1	2	2	2	3	4	4	3	3	3	3	5	2	6	3

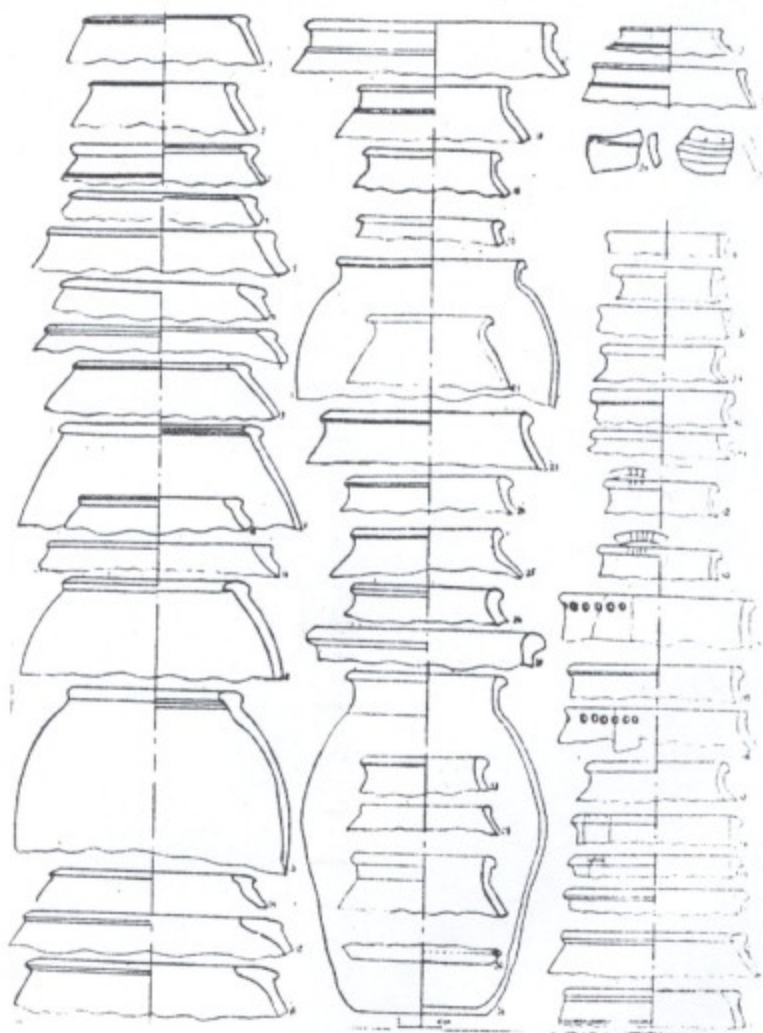
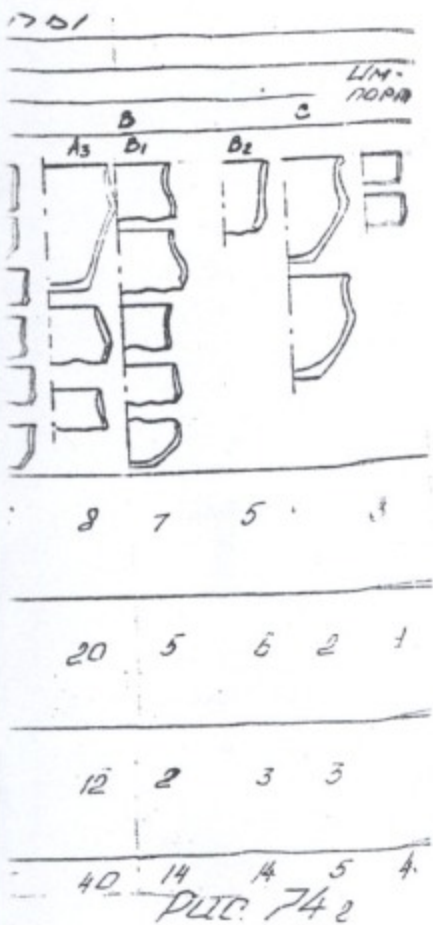
Рис. 748

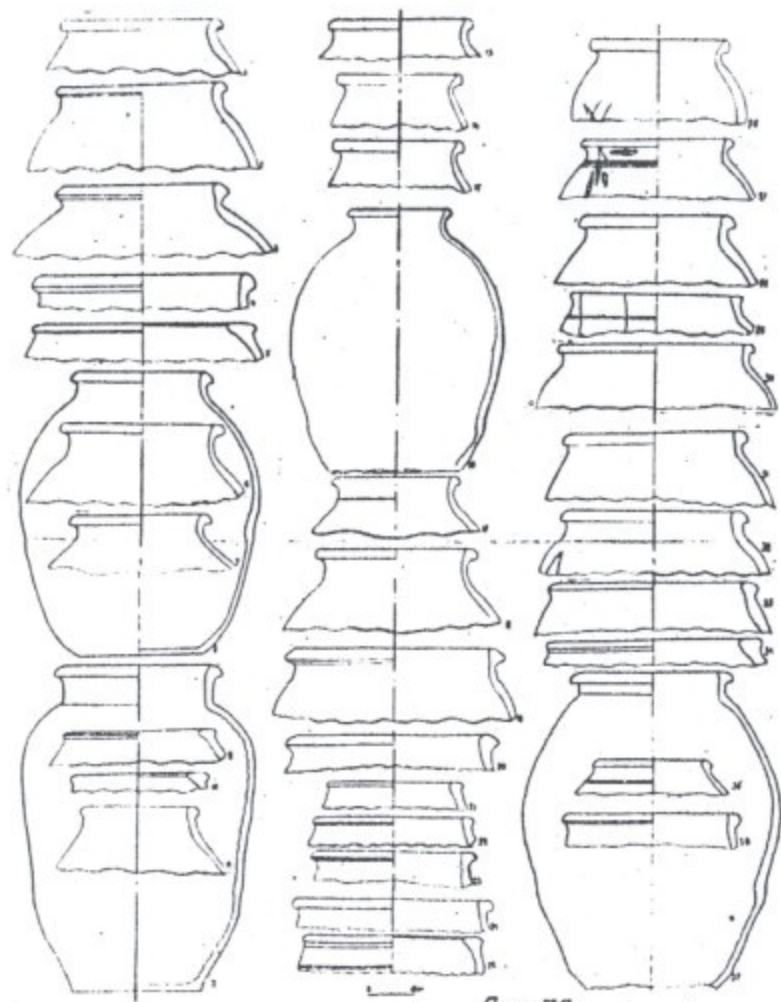
Керамика БМАРОУ 2 РУННЫ

Σ 127	ТУП II						ТУП III	ТУП IV	ТУП V	ТУП VI		Чашы						L H
	A ₁	A ₂	A ₃	B ₁	B ₂							ТУП I	ТУП II	A ₁	A ₂	A ₃	B ₁	
5	2	7	1	3	1	2	2	6	1			2	10	6	8	7	5	
8	19	6	3	6	4	2	1	8	2			7	13	8	20	5	6	2
	6	13	2	3	3			1				6	11	1	12	2	3	3
13	27	26	6	12	8	4	3	15	3			15	34	15	40	14	14	5

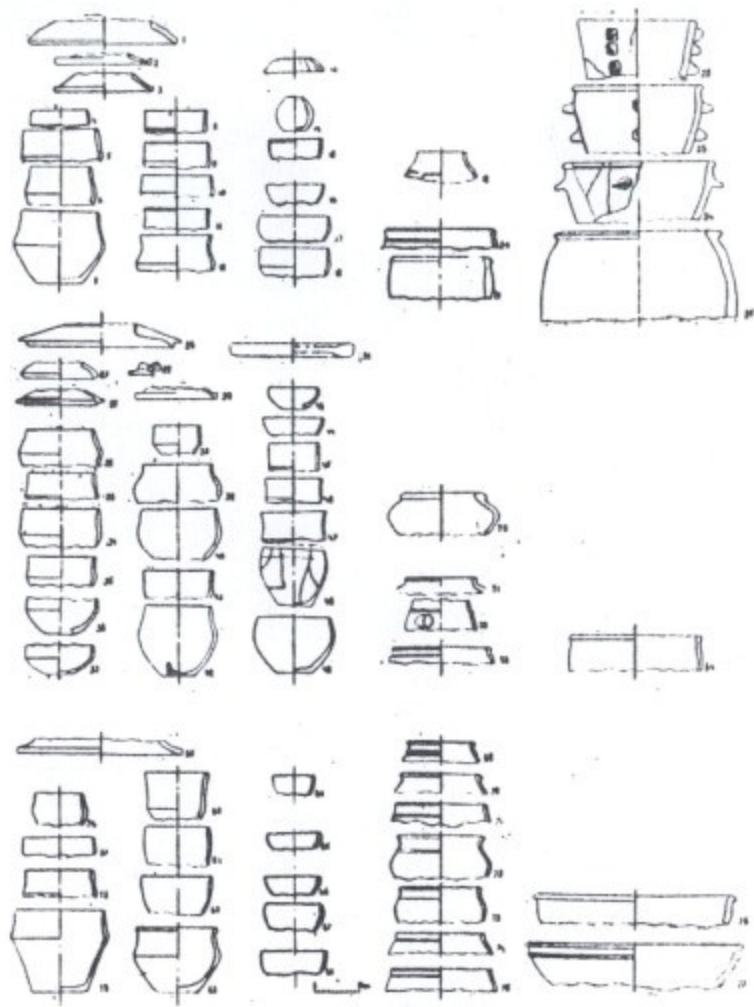
Рис. 742

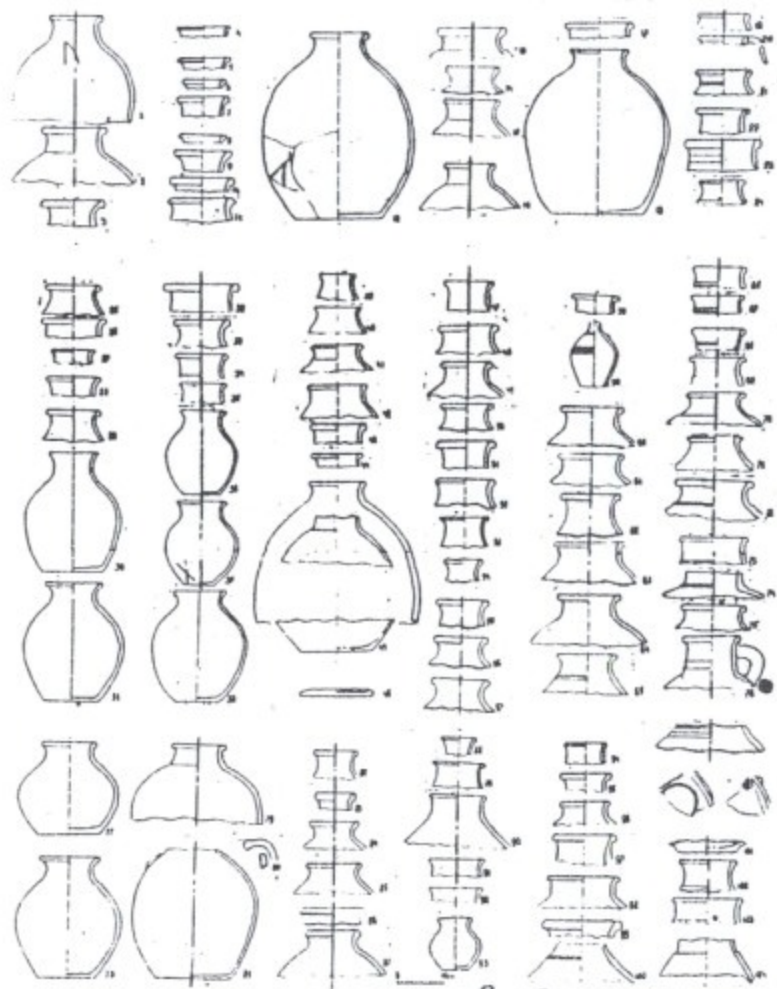
Puc. 75

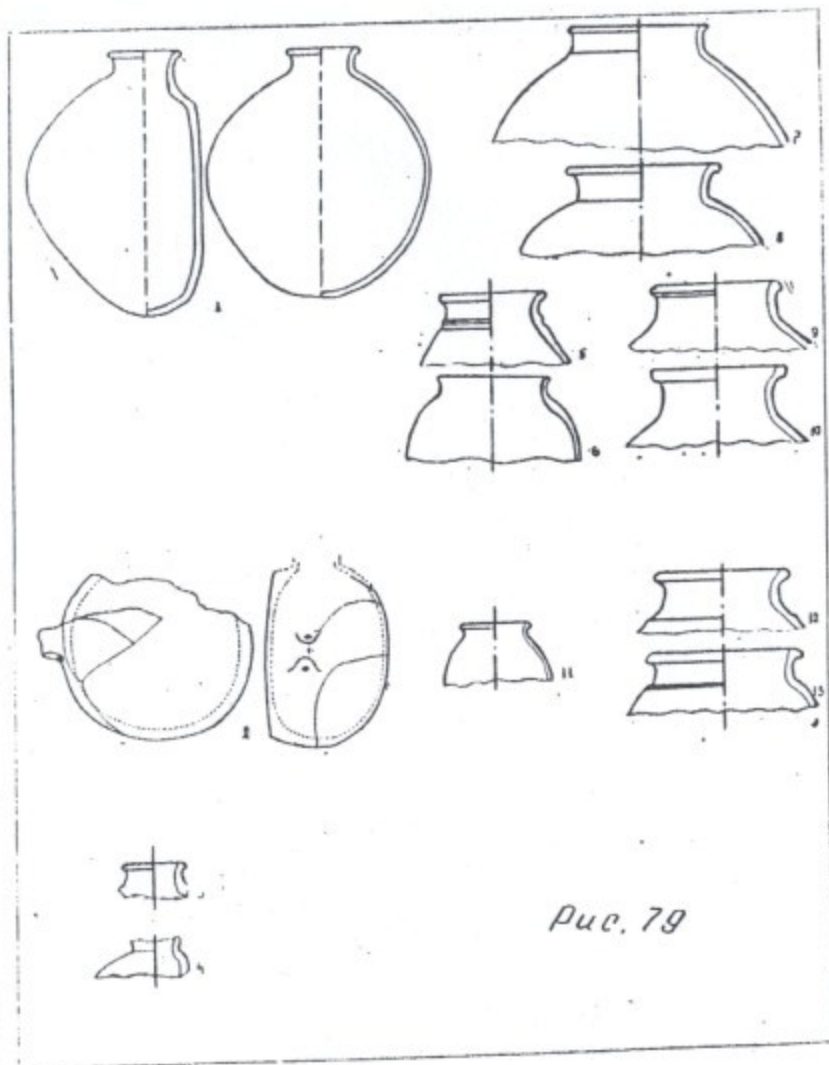
Puc. 76

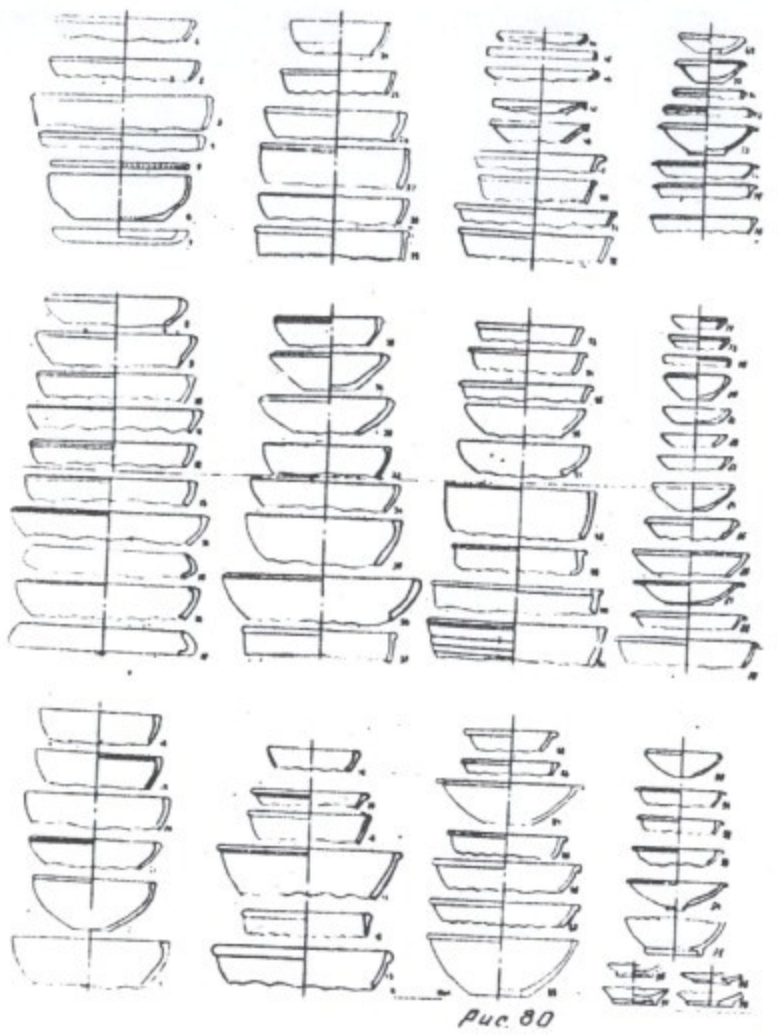
Puc. 77

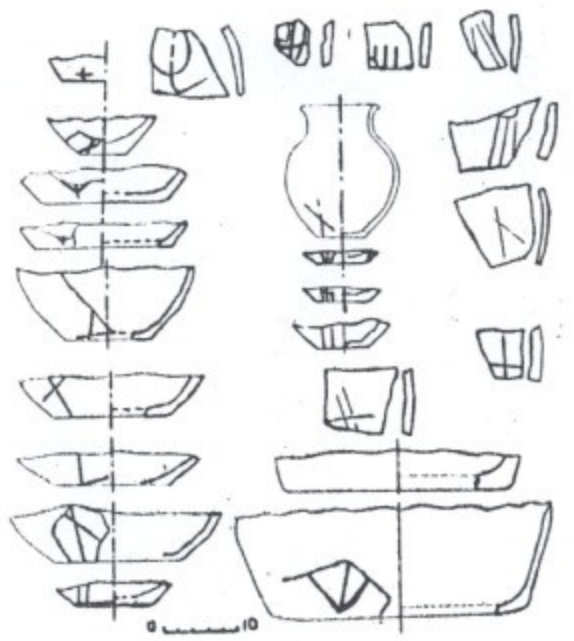
Puc. 78

Puc. 79

Puc. 80

Puc. 81

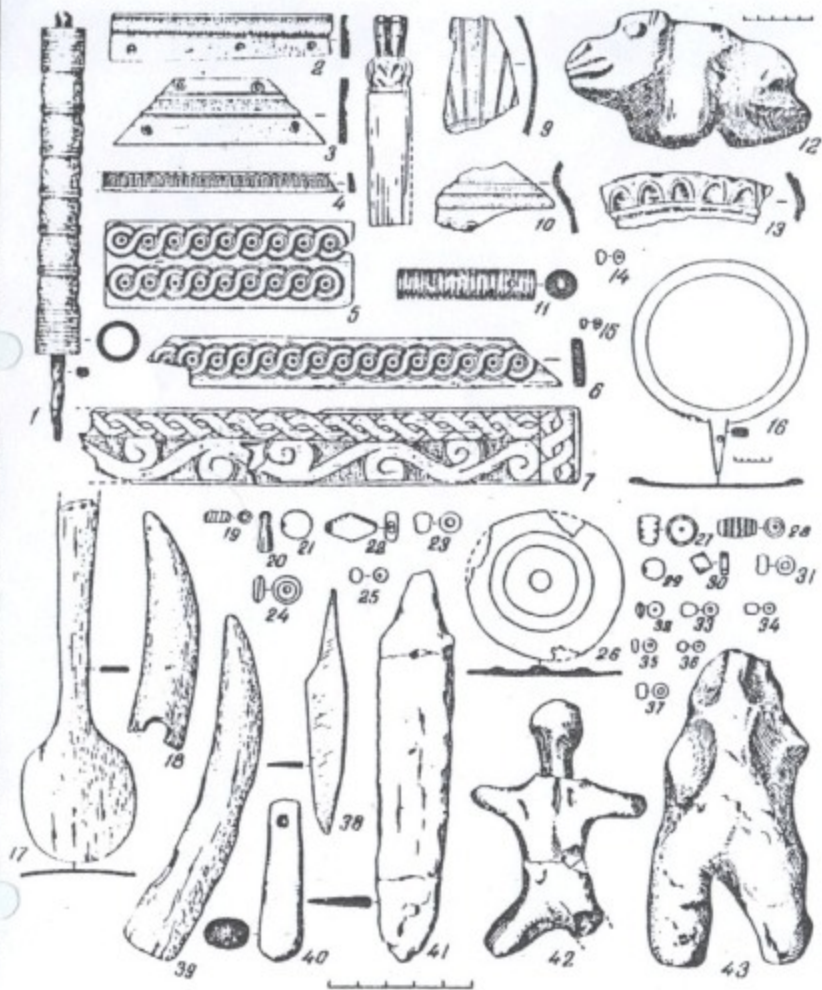

Рис. 82

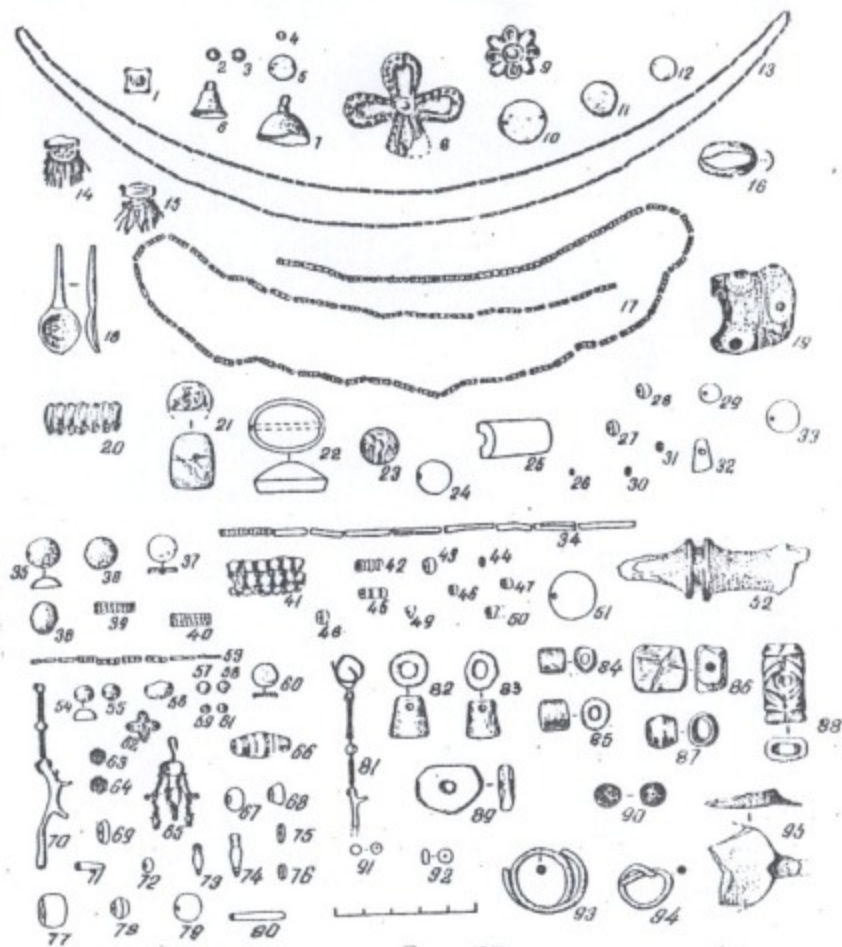

Рис. 83

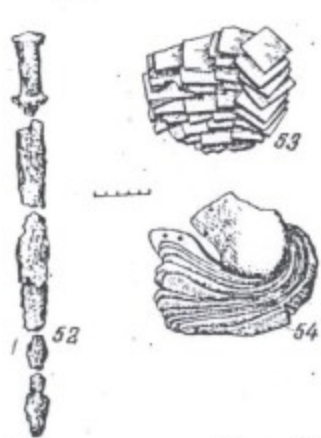
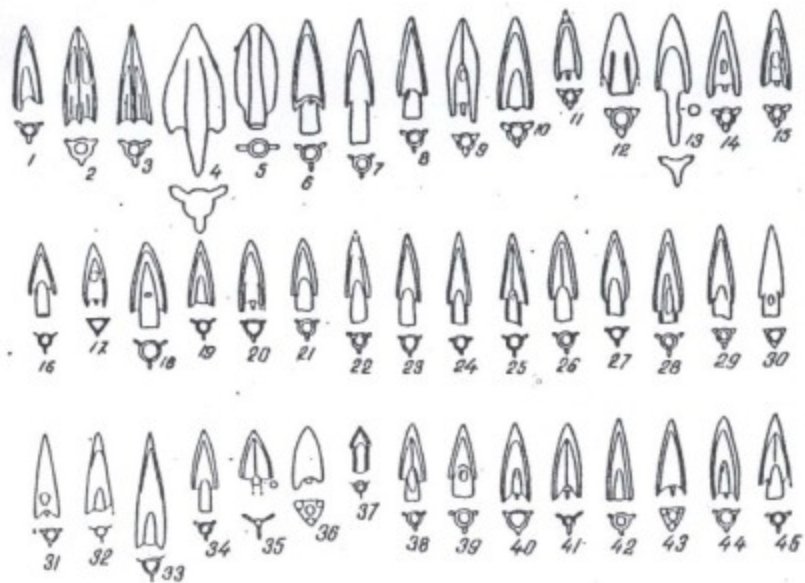

Рис. 84

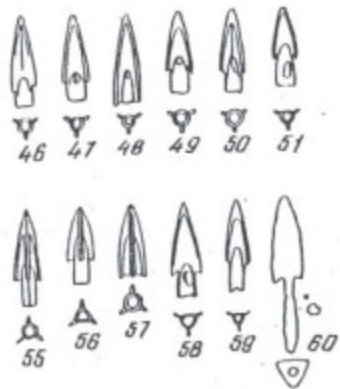

Рис. 85

Художественное оформление: А.И.САПЛИН

Подготовили к изданию: Л.И.ГРЕКОВА, С.И.КВАШНИНА,

Т.В.ЯКОВЛЕВА

Утверждено к печати Институтом этнологии и антропологии РАН
ISBN 5-201-00844-3

Подписано в печать 3.03.93   Формат 60/84/16   12,5 п.л.

10 уч.-изд.л.   Тираж 300 экз.   Цена договорная   Заказ № 314

Участок оперативной полиграфии Института этнологии и антропологии
117334 Ленинский проспект 32 А